



БИБЛИОТЕКА ЖУРНАЛА "ТЕОРИЯ МОДЫ"

ТМ

ВАЛЕРИ СТИЛ

ФЕТИШ

МОДА,

СЕКС

И ВЛАСТЬ

НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

VALERIE STEELE

Fetish:

Fashion, Sex and Power

OXFORD UNIVERSITY PRESS
NEW YORK OXFORD

1996

ВАЛЕРИ СТИЛ

Фетиш:

мода, секс и власть

НОВОЕ
ЛИТЕРАТУРНОЕ
ОБОЗРЕНИЕ
МОСКВА

2014



УДК 316.654:391
ББК 71.063.2
С80

Составитель серии О. Вайнштейн
Редактор серии Л. Алябьева

Стил, В.
С80 **Фетиш: мода, секс и власть / Валери Стил; пер. с англ. Е. Демидовой. — М.: Новое литературное обозрение, 2014. — 224 с.: ил. (Серия «Библиотека журнала „Теория моды“»)**

ISBN 978-5-4448-0137-6

Фетишизм ассоциируется с представлениями о «безумном» сексе, замешанном на нездоровом влечении к тем или иным предметам одежды или отдельным частям тела. Книга известного историка моды и блистательного куратора модных выставок Валери Стил выстроена таким образом, чтобы сосредоточить внимание читателя на взаимоотношениях между фетишизмом и модой. В первой главе автор дает возможность прозвучать разногласиям мнений о фетишизме. Вторая глава — это попытка ответить на вопрос, почему мода приобрела так много общего с фетишизмом. В следующих четырех главах Стил рассматривает отдельные предметы одежды и материалы, которые чаще всего превращаются в фетиши: корсет, туфли, сапоги, нижнее белье, кожу. Последняя и самая важная глава посвящена взаимодействию между модой, фетишем и воображением, которое автор исследует на примере «ансамблей», сыгравших наиболее значимую роль в контексте фетишистской субкультуры и в мире моды.

УДК 316.654:391
ББК 71.063.2

© Valerie Steele, 1996
© Е. Демидова, пер. с английского, 2014
© ООО «Новое литературное обозрение», 2014

Оглавление

Введение	7
В Саду истязаний.....	7
Фетишизм как культурный феномен	9
Глава I. Фетишизм — что это?	14
«Фетишизация — норма для мужчин»	15
Фаллическая женщина	18
Не только материнский пенис.....	21
«Изобретение» фетишизма.....	23
Эволюция фетишизма.....	24
Неосексуальность и нормопаты	29
Глава II. Мода и фетишизм	35
Ботфорты и кэтсьюты	35
Террористический шик.....	38
Больше «садо», нежели «мазо»	42
Нисходящая извращенность	46
Сексуальная привлекательность товара.....	50
Глава III. Корсет	56
Приверженцы тугого корсета	57
Дисциплина и наказание	61
Французская госпожа.....	63
Мужчины в корсетах	69
Старомодный фетишизм.....	73
Сегодняшний день тугого утягивания.....	76
И снова в моде	80
Глава IV. Обувь	83
«Золотой лотос» длиной три цуня.....	84
Утрированный эротизм.....	88
Культ Высокого каблука.....	89
Оружие и рана.....	92

	Сапог повелителя	95
	Обувь и секс	97
	Поклонение ноге.....	101
Глава V.	<i>Нижнее белье</i>	107
	«Нечто тайное, нечто завуалированное».....	108
	От панталон до трусиков	111
	Охотники за бельем и кафе «потерянных» трусиков	114
	Вылазка за трусиками.....	117
	Мужское белье	121
	Черные чулки и бюстгалтеры с заостренными чашечками.....	124
	Комбинация по Фрейду	132
Глава VI.	<i>Вторая кожа</i>	134
	Венера в мехах	135
	Обаяние атласа.....	137
	Почитатели резины.....	139
	Кожа и секс.....	145
	Татуаж и пирсинг	150
Глава VII.	<i>Мода, фетиш, фантазия</i>	153
	В чьей руке плетъ?	154
	Фетиш: история, замаскированная под объект	156
	Облаченные властью	159
	Кое-что о горничных и «настоящих мужиках».....	162
	Культ униформы	167
	«Когда миром правит член, все взоры обращаются к гольфику».....	170
	Фетишизм покоряет новые высоты моды	176
	<i>Примечания</i>	186
	<i>Предметный и именной указатель</i>	204

Введение

В Саду истязаний

«Как можно писать о фетишизме, если вы не варитесь в этом?» — спросила затянута в тугий корсет госпожа (доминантрикс). Это была фетишистская вечеринка в Torture Garden*, лондонском клубе садомазохистов; по четверем его этажам бродили несколько сотен *приверженцев* в самых разных подobaющих случаю костюмах — от резиновых «скафандров», покрывающих все тело как вторая кожа, до черных кожаных бюстье и туфель на высоких каблуках. На одной женщине были лишь крошечные пластиковые трусики и несколько метров веревки, которая обвивалась вокруг ее тела и, поднимаясь все выше и выше, в конце концов стягивала в хвост ее волосы, что придавало этой гостье сходство с Пибблс Флинтстоун. Рядом прохаживался мужчина, которого можно было бы назвать совершенно нагим, если бы не накладки на сосках и кокринги**. Впрочем, в большинстве своем гости были очень даже одеты.

Стиль играл ведущую роль на подмостках лондонского фетишизма, и мне следовало получить специальное разрешение, чтобы явиться на эту вечеринку в обычной одежде. Несколько раньше в тот день я позвонила Мисс Р., хозяйке клуба, и объяснила, что всегда путешествую с одним небольшим чемоданом, но очень, очень хочу побывать на ее вечеринке. Она призналась, что сторит со стыда, если заставит меня потратить кучу денег на фетишистский костюм. «Вы могли бы позаимствовать корсет у Перла», — предложила она с надеждой в голосе, имея в виду знаменитого корсетных дел мастера, которого я интервьюировала в Нью-Йорке. Вскоре Мисс Р. перезвонила по другому поводу: «Дорогая, а вы вообще когда-нибудь бывали в подобных местах? Уверены, что это не будет для вас слишком?.. Может, будет лучше, если вы попросите Перла составить вам компанию?» В итоге Перл действительно присоединился ко мне, а Мисс Р. оставила охранникам на входе в Torture Garden собственный экземпляр моей первой книги «Мода и эротизм» (Fashion and Eroticism), чтобы быть

* Сад истязаний (англ.).

** Кокринг (англ. sock-ring) — зажим в форме кольца, который надевают на пенис с целью продлить эрекцию.

уверенной в том, что, несмотря на неподобающий вид, меня пропустят. Мой литературный «билет», обеспечивший мне проход в клуб, был вместе с тем и причиной, побудившей меня первым делом посетить именно это место.

Я культуролог, моя специализация — история моды, а книга, которую вы читаете в настоящий момент, — часть моего долгосрочного проекта, посвященного изучению взаимоотношений между одеждой и сексуальностью. Я изучаю моду как символическую систему, имеющую отношение к выражению сексуальности — как в сексуальном поведении (что подразумевает в том числе и эротическое влечение), так и в гендерной (само)идентификации. В Torture Garden, помимо обычных клубных зон, таких как бар и танцпол, было аж две «галереи бутиков», где продавались фетишистская обувь, украшения для пирсинга и предметы одежды, изготовленные из кожи, резины и поливинилхлорида (ПВХ). Я поболтала с завсегдатаями о привлекательности высоких каблуков и тому подобных вещей, а также о том, где берет начало фетишистская мода. Парочка американских трансвеститов (один — бывший футболист) снабдила меня адресами лучших торговых точек, где отовариваются европейские и американские приверженцы фетишистского стиля и куда они сами частенько наведываются со своими подругами.

Я не единственный человек со стороны, интересующийся модой фетишизма. Некоторые журналисты начали подобно мне предпринимать вылазки в мир фетишистского андеграунда. Элис Томсон из Times втиснулась в корсет ради того, чтобы пробраться на Корсетный бал, который состоялся в 1993 году в лондонском The Vox. В 1994 году репортер из Guardian Синтия Роуз провела вечер в Skin Two, где кто-то из гостей припомнил, что в 1983-м, когда клуб только открылся, «там было полно стариканов, таскавших на поводке толстых в собачьих ошейниках. Такие настоящие фетишисты до мозга костей. И совсем немного девчонок вроде меня, которых привлекала внешняя сторона — в смысле, стиль»¹.

Что касается фантастичности нарядов, увиденных мной в Torture Garden, то при ближайшем рассмотрении оказалось, что они отмечены вполне узнаваемыми чертами современных модных тенденций. Мода достаточно часто вбирает в себя фантазийные элементы, «навеянные» такими источниками вдохновения, как народное платье, исторический костюм и военная униформа. Однако сексуальные мотивы привлекают к себе особое внимание. Корсеты, причудливые туфли, сапоги из кожи и резины и «исподнее» взамен верхней одежды (уж не говоря о татуировках и пирсинге) стали на подиумах столь же обыденными, как и в фетиш-клубах. Вероятно, такой образ по разным причинам привлекателен лишь для завзятых фетишистов и самых преданных поклонников моды. Но тем не менее многие модельеры, работающие в несхожей манере и являющиеся ключевыми фигурами в мире моды, — такие, как Аззедин Алайя, Дольче и Габ-

бана, Джон Гальяно, Жан-Поль Готье, Тьерри Мюглер, Джон Ричмонд, Анна Суи, Джанни Версаче и Вивьен Вествуд — часто копируют «стиль, если не сам дух, фетишизма»².

Теперь в двух словах о терминологии. После того как увидела свет книга «Мода и эротизм», в которой я описала нескольких известных персонажей из XIX века как корсетных «фетишистов», один человек прислал мне письмо, в котором говорилось: «Мы предпочитаем, чтобы нас называли приверженцами» (We prefer to be called enthusiasts). Однако это звучит слишком расплывчато; никакой эвфемизм не сможет заретушировать неоднозначность скрывающегося за словом явления. К тому же другие «приверженцы» гордо именуют себя фетишистами, что дает им преимущество мгновенного узнавания. Тем не менее такие слова, как «фетишизм», следует мысленно заключать в кавычки, поскольку такой медикализированный язык неизбежно несет в себе более или менее уничижительные (пейоративные) коннотации. Вот как высказался по этому поводу один мой приятель: «Я не приемлю [слова] „фетишизм“, так как велик риск, что меня самого назовут фетишистом — а я ненавижу инсинуации... на тему сексуальных извращений».

Чтобы понять современную моду, необходимо вникнуть в суть фетишизма. Но, как оказалось, сделать это значительно труднее, чем я ожидала. Существует огромное количество посвященной фетишизму литературы, написанной в разных жанрах и охватывающей самые разные точки зрения, каждая из которых имеет свою непростую историю.

Фетишизм

как культурный феномен

Слово «фетиш» имеет двойное значение: под ним подразумевается нечто, обладающее магическим очарованием, а также «подделка, искусственное видоизменение или воспроизведение внешних признаков»³. Изначально фетишизм рассматривался в религиозном и антропологическом контекстах. В миссионерских трактатах, таких как «Фетишизм и идолопоклонники» (Fetishism and Fetish Worshippers), осуждались «варварские» религии и их последователи, поклонявшиеся «идолам из дерева и глины»⁴. К началу XIX века значение слова «фетиш» расширилось, и им стали называть все, что по той или иной причине становилось объектом иррационального поклонения. Следующим шагом стала его марксистская интерпретация. Карл Маркс придумал словосочетание «товарный фетишизм», трактуя это явление как производную ложного сознания и отчуждения, которые приводят к тому, что человек ищет иллюзорного удовлетворения в возможности владеть материальными ценностями, то есть в потреблении. Как писал Маркс, не имея классового сознания, рабочие,

производящие материальные ценности, приписывают им «скрытые» достоинства, что придает любому потребительскому товару свойства «социального иероглифа», который нуждается в расшифровке⁵.

Альфред Бине первым использовал слово «фетишизм» примерно в том же значении, какое вкладывает в него современная психология, в своей статье «Фетишизм в вопросах любви» (*Le Fetishisme dans l'amour*), опубликованной в *Revue philosophique* в 1887 году. Вслед за ним понятие «эротический фетишизм» взяли на вооружение другие исследователи сексуальных отклонений, в частности Рихард фон Крафт-Эбинг — человек, который придумал и ввел в научный обиход термины «садизм» (тем самым увековечив имя маркиза де Сада) и «мазохизм» (образовав его от фамилии Леопольда фон Захер-Мазоха, автора классического фетишистского романа «Венера в мехах», который, однако, был весьма раздосадован, узнав, что попал на страницы учебников по психопатологии секса).

По мере того как слово «фетишизм» обростало все новыми значениями, у отдельных связанных с ним дискурсов начали обнаруживаться точки пересечения. Фетишизм «имеет отношение» не только к сексуальности; у него очень много общего также с властью и восприятием. Киновед Линда Уильямс замечает, что в порнографических фильмах момент семяизвержения (на сленге — «cum shot» или «money shot») является объектом фетишизации⁶. «Крайний антипорнографический довод превращает порнографию в фетиш, демонизируя ее и преподнося как первопричину любого мужского насилия и всех проявлений женской покорности», — пишет сотрудник Колумбийского университета Энни Макклинток. «Фетишизация порнографии наделяет ее иллюзорной властью»⁷.

Сравнительно недавно понятие «фетишизм» заняло важное место в критических размышлениях о культурной составляющей сексуальности. Такие работы, как «Фетишизм как культурный дискурс» (*Fetishism as Cultural Discourse*) и «Феминизация фетиша» (*Feminizing the Fetish*), дополняют или ставят под сомнение содержание многочисленных томов клинической литературы, в которых фетишизм представлен как сексуальное «извращение». Неомарксисты продолжают постигать «товарный фетишизм», ученые феминистского толка исследуют спорный вопрос о «женском фетишизме», а искусствоведы делают акцент на провокационной роли фетишизма в современном искусстве, утверждая, что фетишем может быть «любой предмет, который повергает в шок нашу чувствительность»⁸.

Возможно, кому-то показалось самонадеянным мое намерение посвятить еще одну исследовательскую работу предмету, столь основательно описанному моими учеными предшественниками. («Зачем вам писать о фетишизме, когда он уже и так изучен со всех сторон?» — задал мне вопрос один профессор.)

Однако до сих пор ни один исследователь, обладающий глубокими и всесторонними знаниями в области истории моды, сознательно не посвящал себя изучению предметов одежды, являющихся несомненными фетишами. Приверженцы с дотошным вниманием относятся к мельчайшим деталям при выборе предмета, которому будет отведена роль фетиша. Тем не менее большинство исследователей умудряются свалить в одну кучу множество «объектов особого культа», как будто нет никакой разницы, чему отдает предпочтение тот или иной человек — «лодочкам» на высоких каблуках или армейским ботинкам, шелковой комбинации или кожаной куртке.

Кроме того, никто из ученых пока еще серьезно не углублялся в историю взаимоотношений между модой и фетишизмом, хотя такой подход обещает проникнуть в самую суть природы фетишизма, а заодно пролить свет на загадку эротической привлекательности моды. Культурологическая интерпретация фетишизма эволюционировала по мере того, как изменялось общее отношение к проявлениям сексуальности и «отклонениям от нормы»; то же самое можно сказать и о постепенном переосмыслении «извращенного» эротического стиля в моде. Однако изменчивость и преемственность также прослеживаются и в фетишистских предпочтениях, касающихся выбора стиля и материалов. Прошло уже много времени с тех пор, как корсеты выпали из модного мейнстрима, но они сохранили за собой одну из ведущих ролей в фетишизме и оказались востребованными в модном авангарде. Женское белье и туфли на высоком каблуке долго оставались теми предметами гардероба, которые чаще всего избирали в качестве фетишей; но вместе с тем нетрудно заметить, что в число культовых предметов (как у мужчин, так и у женщин) попали также различные виды униформы, сапоги и даже джинсы Levi's. Что касается материалов, которые пленяют воображение фетишистов, то и они эволюционируют с течением времени — так кожа и резина постепенно затмили былую славу мехов и шелка.

Сам по себе предмет исследования исключительно интересен и многообразен, так что я постаралась не увлечься теоретическими рассуждениями и не вязываться в полемику, а вместо этого взяла за основу откровения самих фетишистов, пишущих о страсти, которую они питают к таким вещам, как корсеты, экстравагантные туфли и нижнее белье. Порнография стала главным источником информации о неотразимой привлекательности превращенных в фетиши объектов. Богатую «пищу для ума» дают и лишенные эротического содержания и подтекста просветительские очерки о фетишизме, которые можно обнаружить не только в глянцевого журналах о моде. Статья из журнала *Self* в свое время предупреждала читательниц: «...[сексуальные] причуды могут быть более обыденным явлением, нежели вы думаете». Ее автор характеризует фетишизм как «уклонение от эмоциональной близости» и средство, к которому прибегают некоторые мужчины, чтобы «дать выход пугающим

или деструктивным импульсам»⁹. А в статье, опубликованной в *Ladies' Home Journal*, процитированы высказывания несчастных жен фетишистов. «За порогом спальни Дэвид — мужчина, за которого хотела бы выйти каждая женщина, — призналась одна из них. — Но он не хочет заниматься со мной любовью, если я не надела высокие каблуки, прежде чем забраться с ним в постель»¹⁰.

В своих мемуарах, озаглавленных «Моя жизнь в суде» (*My Life in Court*), известный адвокат Луис Ницер поведал историю о том, как фут-фетишизм стал причиной развода. Он описал замужнюю даму, которая, обливаясь слезами, рассказала суду, как ее супруг засовывает голову под одеяло и занимается тем, «что он называет охотой за сокровищами», — целует ее стопы, берет их в рот и обсасывает ее пальцы¹¹. Не так давно Чак Джонс, пресс-атташе актрисы Марлы Мейплс, был арестован за то, что украл около пятидесяти пар ее обуви. «Как видите, у меня проблемы», — по слухам, именно так Джонс пытался оправдаться перед полицейскими. А пресса обратила это происшествие в шутку: «Каков подлец! Задержан единственный подозреваемый в похищении туфель Марлы» («*What a Heel! Sole suspect nabbed in Marla shoe thefts*»¹²)*. Первоначально в офисе окружного прокурора Манхэттена предполагали, что Джонс признает себя виновным в незначительном правонарушении, чтобы не попасть в тюрьму, но в конце концов его обвинили в краже со взломом¹³. «Это не извращение, не фут-фетиш», — заявил Джонс репортеру из *Vanity Fair*¹⁴. Но в то же время признал, что вступал в «сексуальные отношения» с туфлями Марлы Мейплс¹⁵.

Погрузившись в изучение фетишизма, я оказалась на перепутье контекстов: постмодернистского, политического, психиатрического, популярного и порнографического. Безусловно, разные дискурсы достаточно часто пересекаются. Отдельные опусы, задуманные авторами как серьезный медицинский обзор или журналистское расследование, воспринимаются скорее как порнографическая литература. А некоторые порнографические тексты читаются словно реклама из журналов, посвященных какой-то фантастической моде. Так, один рассказ, напечатанный в журнале *High Heels*, явно отсылал читателей к «Дневнику модели на высоких каблуках» (*Diary of a High Heel Model*):

«Может быть, вначале это тебя напряжет», — предупредил фотограф.
«Мой клиент хочет издать каталог одежды на осень — там будут платья с осиной талией, облегающие неглиже, кожаные бюстье — ты ж знаешь,

* В оригинале фраза построена на непередаваемой игре слов. Так, слово *heel* в английском языке имеет прямое значение «пятка»/«каблук» и переносное «мошенник»/«подлец»/«ловкач»; что касается слова *sole*, то здесь уже используется омонимия: 1) *sole* — «подошва», «подметка», 2) *sole* — «единственный». Таким образом, помимо приведенного в тексте, возможен и более экспрессивный перевод: «Ишь чего откаблучил! В подметки Марле не годится, а туда же — туфли ее воровать». (*Прим. пер.*)

сейчас все помешались на коже, а дизайнеры так просто выворачиваются наизнанку, лишь бы придумать новые кожаные шмотки»¹⁶.

Моя книга выстроена таким образом, чтобы сосредоточить ваше внимание на взаимоотношениях между фетишизмом и модой. В первой главе я дала возможность прозвучать разноголосию мнений, составляющих основу различных дискурсов и точек зрения на фетишизм. Вторая глава — это моя попытка ответить на вопрос, почему мода приобрела так много общего с фетишизмом. В следующих четырех главах я рассматриваю отдельные предметы одежды и материалы, которые чаще всего превращаются в фетиши: корсет, туфли и сапоги, нижнее белье, кожу. И наконец, последнюю и самую важную главу я посвятила взаимодействию между модой, фетишем и воображением, которое я исследую на примере «ансамблей» (созданных при помощи одежды образов), сыгравших наиболее значимую роль в контексте фетишистской субкультуры и в мире моды.

Фетишизм ассоциируется с представлениями о «безумном» сексе, замешанном на нездоровом влечении к тем или иным предметам одежды (в частности, к туфлям на высоком каблуке и туго зашнурованным корсетам) или отдельным частям тела (например, к стопам и волосам). Все это, очевидно, не может не волновать, но тем не менее большинство людей — за исключением убежденных фетишистов — придают подобным вещам третьестепенное значение. Однако стереотипные представления о фетишизме как о «колоритном» отклонении на сексуальной почве с уверенностью можно назвать чересчур упрощенными. Кожа, резина, разного рода «жестокая обувь» (англ. cruel shoes), татуировки и пирсинг на теле — все эти атрибуты фетишизма постепенно были интегрированы в модный мейнстрим. Массовый интерес к стилю той или иной субкультуры — явление далеко не новое, однако не так давно произошли качественные изменения в восприятии сарториальной сексуальности. Сегодня под маркой «сексуальных извращений» можно продать все что угодно — от кинопродукции и модной коллекции до шоколада и партии кожаных портфелей. В ответ на вопрос, заданный мне госпожой из Torture Garden, я могла бы сказать, что любой, кто носит одежду, слушает музыку, ходит в кино или пользуется Интернетом, хотел бы знать о фетишизме несколько больше. А тот, кто смотрит на моду «изнутри», тем более должен заинтересоваться этим вопросом.

Фетишизм — что это?

В XIX столетии сексолог Рихард фон Крафт-Эбинг дал определение, согласно которому фетишизм — это «ассоциирование вождения с представлениями об определенных чертах особы женского пола или с некоторыми предметами женского туалета»¹. Безусловно, многие мужчины находят сексуально привлекательными такие предметы женского гардероба, как туфли на высоком каблуке и шелковые трусики, либо предпочитают вступать в половую связь с партнершами, наделенными особыми физическими данными — например, с обладательницами пышной груди или длинных ярко-рыжих волос. Так что ж, все они фетишисты? Очевидно, родоначальники сексологии были склонны думать именно так.

«Все мы в той или иной степени фетишисты», — заявил в 1905 году доктор Эмиль Лоран². С ним был согласен Альфред Бине, полагавший, что «нормальная любовь» есть результат «многопланового фетишизма». Патология зарождается лишь «в тот момент, когда начинает преобладать любовь к [какой-то отдельной] детали»³. Согласно Крафт-Эбингу, в патологических случаях эротического фетишизма «фетиш как таковой (а вовсе не ассоциирующаяся с ним персона) становится единственным объектом сексуального желания», при этом сексуальной целью «вместо коитуса [становятся] странные манипуляции с фетишем»⁴.

«Является ли это патологическое состояние всего лишь количественной модификацией нормального состояния?»⁵ И да и нет. Пожалуй, имеет смысл рассматривать фетишизм сквозь призму диапазона интенсивности:

Уровень 1

Отдается незначительное предпочтение определенному типу сексуальных партнеров, сексуальных стимулов или сексуальных проявлений. (На этом уровне сам термин «фетиш[изм]» еще неуместен.)

Уровень 2

Отдается явное предпочтение определенному типу сексуальных партнеров, сексуальных стимулов или сексуальных проявлений. (Слабо выраженный фетишизм.)

Уровень 3

Наличие особых стимулов — необходимое условие сексуального возбуждения и полового акта. (Умеренно выраженный фетишизм.)

Уровень 4

Особые стимулы *занимают место* полового партнера. (Фетишизм высшего порядка.)⁶

«Фетишизация — норма для мужчин»

Психиатр Роберт Столлер, в течение многих лет изучавший эротические фантазии и сексуальное поведение, в результате пришел к заключению, что «фетишизация — норма для мужчин, но не для женщин»⁷. Это не означает, что женщинам совершенно безразличны отдельные части тела и «сексуальные» наряды. Однако они, судя по всему, не вызывают у женщин того «вожделения», которое могут испытывать по отношению к ним мужчины. (И это важный для нас момент, поскольку нам предстоит выяснить, чем привлекают женщин те вещи, которые мужчины используют в качестве фетишей.)

Многие мужчины превращают в фетиши отдельные части тела и предметы одежды; при этом некоторые из них называют себя «leg men» — «ногопоклонниками», «breast men» — «бюстопоклонниками» или «ass men» — «задопоклонниками». Однако «ногопоклонник» — это не совсем фетишист, «раз уж он предпочитает кончать не между ног, а на ноги своей партнерши»⁸. Несмотря на то что фетишизму по определению положено быть «болезнью» меньшинства, некоторые проявления фетишизма на поверку оказываются весьма распространенными среди вполне здоровых мужчин — иными словами, они практически являются «нормой». Существует огромное количество специализированных журналов с говорящими названиями — таких, как «Высокие каблуки» (High Heels), «Четвертый размер» (D-Cup), «Эротическое белье» (Erotic Lingerie). «Но лишь малая доля порнографии «специально посвящена какому-то [одному] из множества фетишей»⁹. И только «крошечная аудитория нуждается в этих специфических образах, чтобы испытать сексуальное возбуждение». Зато изображения «женщин на высоких каблуках и в нижнем белье распространены так же широко, как воспроизведение вагинального сношения, из чего можно сделать вывод, что они стали частью стандартной системы сексуальных образов»¹⁰.

В ходе подготовки материалов для этой книги мне пришлось отсмотреть большое количество порнографии, и я пришла к выводу, что остается лишь диву даваться тому, что может распалить человека; поскольку многие «заводятся» буквально от чего угодно — начиная с «Времен ампутантов» (Amputee Times) и заканчивая «Ванда объезжает Уолл-стрит» (Wanda Whips Wall Street).

Судя по всему, отдельные части тела становятся фетишами гораздо чаще, чем предметы одежды. «Большие буфера» (Big Bazooms), «Десятидюймовые орудия» (Ten-Inch Tools), «Взгрей ее задницу» (Up Her Ass), «Взгрей мою задницу» (Up My Ass), «Эта мишень — для тебя» (This Butt's for You) — вот типичные порнозаглавия. В роли фетиша также могут выступать определенный тип фигуры или расовая принадлежность: «Жирный жет» (Fat Fucks), «В деле черно-белый фетиш» (Black and White Fetish Exchange), «Восточные фетиши» (Oriental Fetishes). Но здесь прослеживаются параллели: пару генитальному фетишизму составляют «Страсти вокруг трусиков» (Panty Passions), а благоговение перед женской грудью дублирует поклонение «Гигантскому бюстгалтеру» (Huge Bras).

Чаще всего порнография демонстрирует генитальное совокупление («традиционное» или гомосексуальное), что находит отражение в таких названиях, как «Петушок в кругу друзей» (A Cock Between Friends) и «Свидание с киской» (A Date with Pussy). В некоторых названиях можно уловить намек на особые — фетишистские взаимоотношения с одеждой: «Тугая резина» (Tight Rubber), «Резиновое искушение Лизы» (Lisa's Rubber Seduction), «Жесткая кожа» (Hard Leather), «Жажда кожи» (Lust for Leather), «Развратница-лизунья в кожаном прикиде» (Leather Licking Slut), «Потаскушки на каблучках» (High-Heeled Sluts), «Плоть и кружева» (Flesh and Lace), «Задери юбку, спусти трусики» (Skim Up, Pants Down). Он слышится более отчетливо, если порнографический сюжет затрагивает тему трансвестизма и/или садомазохизма; из этого можно сделать вывод, что фетишизм часто пересекается с подобными проявлениями сексуальности. Порнография с участием трансвеститов не экзотика, а такие порнозаглавия, как «Мачо на каблуках» (Macho Man in Heels), «Симпатия морячок в женских трусиках» (Pretty Panty Marine), «Новый бюстгалтер Бэни» (Bany's New Bra), звучат вполне обыденно для «знатока».

Фетиши часто имеют отношение к форменной одежде, которая явно ассоциируется с особыми сексуальными фантазиями. Значимость униформы трудно переоценить; «Наши парни в униформе» (Our Boys in Uniform), «Шлюшки в униформе» (Sluts in Uniform), «Озорные медсестрички» (Naughty Nurses) — эти и подобные говорящие названия ясно указывают на то, что фетишизм всегда подразумевает эротическое либретто. «Байкер в черной коже» (Black Leather Biker) и «Ботинки и седла» (Boots and Saddles) — типичные примеры чрезвычайно распространенного жанра, целиком посвященного сексуальным фантазиям «в кожаном антураже» (leathersex). Такие названия, как «Домина в коже» (Domina in Leather), «Властелин в коже» (Leather Master), «Госпожа в коже» (Leather Mistress), позволяют судить о том, насколько тесно кожаные изделия ассоциируются с властью. Ее антиподу — покорности соответствуют другой антураж и другая форма одежды, на что недвусмысленно намекают «Одалиски в оковах» (Harem Girls in Bondage) и «Горничная для порки» (Maid to Be Spanked)¹¹.

Представленный в этой книге материал местами может показаться читателю чересчур гротескным и диким — «за гранью человеческого разума», если только речь идет не о тяжелых психических расстройствах. Однако «дикие» странности присутствуют в эротических фантазиях многих людей. В своем блестящем исследовании «Изучая эротические фантазии» (Observing the Erotic Imagination) Роберт Столлер сравнил один из самых ярких примеров «крайностей», описанный Крафт-Эбингом, с несколькими десятками рекламных объявлений из порножурналов:

«Пожиратели дерьма! Женские бои! пытки! Ампутация! Обезображенные девицы! Проколотые пенисы и обожатели женских трусов!» (Shiteating! Catfights! Torture! Amputation! Disfigured Girls! Pierced Penises and Panty Lovers!)¹²

Мои собственные изыскания в области гардеробного фетишизма подтверждают предположение Столлера о том, что существует «целая популяция мини-фетишистов на эротической почве — это большинство мужчин, [воспитанных] в большинстве культурных традиций»¹³.

Однако ни «патологический» фетишизм, ни «нормальная» склонность к фетишизации не типичны для женского поведения. Как заметила Луиза Каплан, «за исключением случаев сексуального мазохизма, где пропорциональное соотношение составляет приблизительно двадцать мужчин на одну женщину, на долю женщин приходится менее одного процента случаев, относящихся к сексуальным извращениям». Многие люди не желают признавать, что это правда. Кто-то рассуждает об исключениях. Другие настаивают на том, что, став более «сексуально раскрепощенными», женщины быстро наверстают упущенное и между ними и мужчинами установится паритет. Кроме того, находятся дамы, которые тешат себя мыслью о том, что «извращенцы» встречаются исключительно среди мужчин. Высказывая подобные мнения, и те, и другие, и третьи признаются в определенной наивности. «Более взвешенное мнение... [сводится к тому], что мужчинами управляет половой гормон тестостерон... в то время как женщины... менее склонны к открыто извращенным действиям», — пишет Каплан, несмотря на свою уверенность в том, что данное объяснение отводит слишком большую роль биологическим факторам¹⁴. Пока суть да дело, психиатры «ломают голову над женским фетишизмом, трансвестизмом, садомазохизмом [и] экигибиционизмом», игнорируя возможность того, что женщинам присущи какие-то особые, чисто женские извращения. «Мужские извращения выражаются в несколько нарочитых формах изощренного секса... [которые нужны мужчине] чтобы обуздать своих демонов». Каплан же, напротив, утверждает, что «само по себе сексуальное поведение, изощренное или наоборот, не является ключом [к пониманию] женских извращений»¹⁵.

Я обратила внимание на то, что все без исключения мужчины («натуралы» и геи, старцы и юноши), узнав, о чем будет моя книга, воспринимали это с одобрением и энтузиазмом — в отличие от множества женщин, которые признавались, что сама эта тема вызывает у них что-то похожее на «отвращение» или просто их «удручает». Исключение составили в основном молодые женщины, в большинстве своем связанные с миром искусства и/или интересующиеся порнографией.

Фаллическая женщина

Фрейд утверждал, что «фетиш является заменой женского (материнского) пениса, однажды поверив в существование которого, маленький мальчик... не желает быть разуверенным. <...> [И]бо, если женщина подверглась кастрации, то и его обладание penisом находится под угрозой»¹⁶. Эта теория многим кажется «странной и неубедительной» и потому требует некоторых пояснений¹⁷. Хотя существует достаточно свидетельств того, что многие маленькие дети — и мальчики и девочки — в своем развитии проходят ту фазу, когда они убеждены, что по крайней мере некоторые женщины (в частности, их матери) имеют пенис. Каплан пишет о фетишизме более живо, чем Фрейд, и, возможно, более убедительно с точки зрения современного читателя, однако и она придерживается намеченного им базового курса:

Маленький мальчик, чье детское любопытство, воображение, тревоги и желания заставляют его наделять свою мать суррогатным penisом, создает всего лишь временную, смутную фантазию... которую взрослый фетишист затем воплотит в [своей] обуви или меховой вещице. <...> Как первым подметил и настойчиво утверждал Фрейд, можно перерасти и забыть экстравагантные сексуальные теории маленького мальчика, но в них невозможно полностью разувериться. Они [могут быть] подавлены... но продолжают существовать как неосознанные фантазии, которые готовы вернуться... в любой момент, когда возникнет серьезная угроза — воображаемая или реальная — с таким трудом обретенной мужественности¹⁸.

Кое-кто из моих студентов задал вопрос: почему бы просто не объяснить фетишисту, что у женщин не бывает пениса? Будьте уверены, фетишист и сам это знает не хуже вас, однако при этом может — подчас бессознательно — стремиться к тому, чтобы наделить свою сексуальную партнершу суррогатным penisом.

Согласно мнению Фрейда, для взрослого фетишиста единственный способ преодолеть его «отвращение... к реально существующим женским гениталиям» заключается в «наделении женщин чертами, которые превращают их

в приемлемый сексуальный объект»¹⁹. Таким образом, превращенный в фетиш предмет функционирует как «символ триумфа, одержанного над страхом кастрации, и защиты от него»²⁰. Каплан вновь обращается к классическому сценарию: «Взрослый фетишист не в состоянии ввести свой пенис в храм судьбы, называемый вагиной, не заручившись поддержкой фетиша, который облегчит этот путь»²¹. Чтобы достичь сексуального возбуждения, ему необходим неодушевленный объект — кожаный сапог или черный корсет, — который станет фаллическим суррогатом. Его может надеть как сексуальный партнер/партнерша, так и сам фетишист. В дополнение к этому Каплан пишет следующее:

Фетишем может быть часть тела партнерши... [и даже] сама партнерша. К примеру, точно так же как кожаный сапог на высоком каблуке может олицетворять женщину с пенисом — так называемую фаллическую женщину, — сама женщина, в сапогах или без, может быть наделена своим любовником-фетишистом фаллическими чертами и таким образом превратиться, по крайней мере для него, в фетиш. Некоторые фетишисты способны испытывать сексуальное возбуждение только в присутствии женщин-полисменов, монашек или медсестер либо женщин, которые по их настоянию переодеваются в этих персонажей²².

Фетишизм включает в себя фаллический символизм — но что это означает? «Можно ли представить в качестве фаллического символа Монумент Вашингтона?» — спросил один из моих студентов. Сексуальный символизм живет по другим законам, нежели большинство символических систем, основанных на осознанной согласованности (красный свет означает «Стой!»). Далеко не каждый согласится с тем, что оружейный ствол или высокий каблук может символизировать половой член. Однако, несмотря на то что фаллический символизм может казаться абсурдным с точки зрения здравого смысла, у него есть определенные физические обоснования и материальные подтверждения. Так, однажды четырехлетний сынишка одной моей знакомой вбежал в гостиную в состоянии эрекции и гордо заявил: «Смотри, мамочка! Я — Монумент Вашингтона!»

Страх кастрации также вполне реален, о чем свидетельствует фурор, который произвело дело Боббитов (суд над женщиной, отрезавшей своему мужу пенис обычным кухонным ножом). Детская колыбельная Генриха Гофмана способна всколыхнуть укоровившийся в глубине души страх²³:

The great tall tailor always comes
To little boys who suck their thumbs,
And ere they dream what he's about,

He takes his great sharp scissors out
And cuts their thumbs clean off-and then,
You know, they never grow again*.

Согласно мнению французского психоаналитика Жака Лакана, фаллос и пенис — это совсем не одно и то же, хотя мы и привыкли использовать эти слова как тождественные синонимы. Пенис — это часть мужского тела, которая может обладать, а может и не обладать особой выразительностью; в то время как фаллос находится в вечном напряжении и является внушительным символом власти и потенции. «Если бы пенис был фаллическим символом, мужчины не нуждались бы... в галстуках и медалях»²⁴. Ни мужчины, ни женщины не «имеют» фаллоса, но и тех и других привлекает то, что он символизирует. Я не прошу читателей принять на веру, что фаллическая женщина — это «вездесущая фантазия [присутствующая] в извращениях»²⁵, но полагаю, что, после того как мы поближе рассмотрим некоторое количество фетишей, они будут склонны согласиться с тем, что подобное совсем не редкость, хотя это и не отражает целостной картины.

В классической фрейдистской теории есть лакуны, откуда берут начало определенные проблемы. Никакой объект не может стать фетишем случайно; и Фрейд задавался вполне законным вопросом — почему некоторые предметы (в частности, обувь, меха и нижнее белье) так часто выбираются в качестве «замены несуществующего женского фаллоса». Он предположил, что это может быть связано с тем, что они соотносятся с «последним моментом, когда женщина может быть воспринята как [существо] с фаллосом». Таким образом, «предметы нижнего белья, которые так часто выбираются в качестве фетиша, воплощают в себе момент разоблачения». Мех ассоциируется с волосами на лобке,

* Генрих Гофман (1809–1894) — немецкий психиатр, автор знаменитой книги *Struwwelpeter* — сборника назидательных стихов для самых маленьких. Цитата взята из стихотворения «История про мальчика, который любил сосать палец» (*Die Geschichte vom Daumenlutscher*).

Приходит великан-портной
Ко всем, кто палец тянет в рот.
И прежде чем смекнуть успеешь,
Зачем к тебе явился гость,
Тот ножницы свои достанет —
Острее бритвы, больше тесака —
Да пальцы тебе напрочь отстрижет.
И заново не вырастут они — вот так-то!
(Пер. Е. Демидовой)

из которых должен показаться пенис. Туфли пробуждают в памяти те моменты, когда маленький мальчик заглядывал под мамину юбку. Однако авторы недавних исследований подчеркивают сверхдетерминированный характер выбора объектов фетишизации.

Предположение Фрейда о том, что фетиш удерживает фетишиста от превращения в гомосексуалиста (компенсируя своим присутствием пугающий вид женских гениталий), было признано некорректным исходя из клинических доказательств: «Если бы фетиш был только заменой материнского пениса — не более того, для субъекта был бы непереносим вид „кастрированных” женских гениталий, который пробуждал бы в нем страх кастрации; этот страх должен быть неведом мужчине, чьим сексуальным партнером является другой мужчина»²⁶. Однако среди гомосексуалистов фетишисты встречаются не реже, чем среди гетеросексуалов. Кроме того, некоторые мужчины надевают на себя вещи-фетиши, чтобы заняться самоудовлетворением.

Не только материнский пенис

Фетиш вполне может быть суррогатом материнского пениса, но этим его значение не исчерпывается. Классическая фрейдистская теория неполна, поскольку интерпретирует комплекс кастрации «в узком смысле — как имеющий отношение к восприятию женских гениталий». Однако «само представление о кастрации должно быть расширено», чтобы включить в себя то, «что ему предшествует — страх разлуки»²⁷.

«Кастрация» — это проблема физической и эмоциональной уязвимости, не ограниченная страхом относительно гениталий²⁸.

Еще в 1953 году детский психолог Филлис Гринакр заметила:

Если мы... заменим «страх кастрации» на «вид изувеченного и истекающего кровью тела», думаю, мы сможем представить себе, что происходит [в головах] определенного количества детей. <...> Наиболее значимые травмы те, что получены в результате присутствия при каком-либо калечащем [душу] событии: обезображивающей смерти или несчастном случае, хирургической операции, выкидыше или родах в домашних условиях²⁹.

Существуют свидетельства того, что сказанное особенно верно в тех случаях, когда жертвой физического увечья становится сам ребенок.

Психиатр Роберт Столлер описал случай Мака — «ребенка-фетишиста», которого в возрасте двух с половиной лет охватила сексуальная одержимость вещами из гардероба матери — ее чулками и колготками. Теория Фрейда, согласно которой в том случае, если ребенок сталкивается с видом женских

гениталий приблизительно в то же время, когда он остро переживает страх кастрации, его фетишизм сводится к мастурбированию, не применима к случаю Мака³⁰. Зато здесь вполне уместна теория «калечащей душу травмы», выдвинутая Филлис Гринакр: Мак был тяжело травмирован проведенным позже положенного срока и исключительно болезненным обрезанием. Его взаимоотношения с приемной матерью также были далеко не безоблачными.

«Мы не можем забраться в голову Мака, — пишет Столлер. — И все же мы можем вообразить, как ее [то есть принадлежащие матери] шелковистые, гладкие, похожие на [человеческую] кожу колготки... удовлетворяют его потребность удержать ее при себе, [сделать ее] частью себя... успокаивая его более надежно, чем она сама во плоти». По утверждению Столлера, «приравнивать фетиш к материнскому фаллосу» или даже к «благодатной груди» — это излишнее упрощение, обусловленное тем, что за теоретическими рассуждениями мы не видим, как «другие части матери», такие как ее кожа, «также становятся составляющей этого фетиша»³¹.

Заново переосмыслив фрейдистскую теорию, французский психоаналитик Жанин Шассге-Смиржель отождествила фетиш с воображаемым «анальным пенисом»³². Описывая пациента, для которого фетишем стал протез его одноногого дружка, она замечает:

Если бы фетиш был не чем иным, как только материнским фаллосом, то этот случай с одноногим мужчиной и его протезом стал бы [для нас] настоящей загадкой, поскольку здесь мы сталкиваемся с двойным парадоксом: фетиш имеет непосредственное отношение к мужчине и этот же мужчина является объектом кастрации!

На самом деле... в былые времена каждый преуспевающий бордель славился своей «дамой на деревяшке». И если анальный пенис — это образ генитального пениса, то а posteriori — это его имитация³³.

Поддерживая в себе иллюзию, будто бы ему незачем завидовать пенису отца, фетишист убеждает себя в том, что между ними нет никакой конкуренции, а следовательно, не существует и страха кастрации. Единство «мать — дитя» остается неразделимым.

Другой пациент Шассге-Смиржель испытывал непреодолимое желание засунуть в рот сапог своей жены всякий раз, когда ее не было рядом. «Фетиш — это депозит, куда помещаются все парт-объекты, утраченные субъектом в процессе развития». В контексте фетишизма, подразумевающего физическое ограничение (в частности, корсетного и обувного фетишизма), «фетиш — это одновременно содержимое и вместилище», позволяющее символически припасть устами к материнскому соску — так сказать, вернуться в младенчество³⁴.

Впрочем, психологическое истолкование фетишизма не раз подвергалось сомнениям и нападкам.

«Изобретение» фетишизма

Мишель Фуко назвал секс «объяснением всему, нашим универсальным ключом». Кроме того, он описал «фетишизм» (взяв это слово в кавычки) как «образцовое извращение», которое «служит путеводной нитью при анализе всех прочих отклонений». Однако он отрицал психоаналитический взгляд на сексуальность как на ядро личности индивида и движущую силу человеческой деятельности, утверждая, что «психиатризация извращенного удовольствия» стала современным эквивалентом исповедальной и более поздних форм воли к знанию³⁵.

Вдохновившись идеями Фуко, многие ученые поставили под сомнение традиционный взгляд на сексуальность как на незыблемую «суть» и отказались признавать ее биологическую и психологическую предопределенность. Хотя основным предметом дискуссии эссенциалистов/конструктивистов была «гомосексуальность», они также касались вопроса о состоятельности и обоснованности других современных сексуальных категорий — таких, как «фетишизм». Работа Фуко о «репрессивных гипотезах» и расцвет *scientia sexualis* также побудили исследователей направить взгляд в сторону исторической перспективы сексуальных практик и категорий; в то время как сделанный им акцент на «телесных ощущениях и удовольствиях» и его взгляд на тело как на площадку для выражения дискурсов привели к возникновению действительно нового поля познания — «телологии» (англ. *bodyology*)³⁶.

Аналогия с порнографией может оказаться полезной. Откровенные изображения и описания половых органов и сексуальных утех существовали в большинстве мест и эпох, а может быть, повсеместно и во все времена — начиная с нацарапанных на скалах откровенных рисунков и заканчивая такими сложными философскими и художественными произведениями, как «Камасутра». Однако некоторые ученые утверждают, что «порнография — как легальный художественный жанр, судя по всему, — является сутобо западным понятием со [своей] особой хронологией и географией». Именно в Европе в начале Нового времени порнография впервые превратилась в «самоцель»³⁷.

Фетишизм, как и порнография, имеет свою историю. Хотя почти все сексуальные «причуды», с которыми можно столкнуться сегодня, были известны уже во времена Римской империи, это еще не доказывает, что фетишизм существовал всегда³⁸. На этот счет есть две теории. Первая говорит (в общих чертах): да, фетишизм универсален — или по крайней мере тысячи лет присутствовал в большинстве культур. Вторая теория, напротив, сводится к тому, что

фетишизм получил развитие только в западном обществе Нового времени. Обе точки зрения имеют свои основания и подтверждения.

Для многих культур телесная модификация и переодевание (трансвестизм) — обычные ритуальные действия. Не менее распространенное явление — фетишизация отдельных частей тела и предметов одежды. Римский поэт Овидий был пленен очарованием женской ножки; а в китайском обычае бинтовать девушкам стопы присутствует множество особенностей, роднящих его с фетишизмом. Для представителей племени самбия (Новая Гвинея), участвующих в ритуальной фелляции, объектом фетишизации являются уста мальчика³⁹. Но несмотря на то что склонность к фетишизации может быть присуща «большинству мужчин, [воспитанных] в большинстве культурных традиций», фетишизм в сегодняшнем его понимании, судя по всему, впервые проявил себя в Европе в XVIII веке, а затем — лишь во второй половине XIX столетия — *выкристаллизовался* в отдельный сексуальный феномен.

«Почему так много извращений было в XIX веке?» — спрашивает Колин Уилсон в книге «Неудачники» (The Misfits). «Странно, что никто из „сексологов“ не признал простого и очевидного факта — того, что большинство извращений, о которых они писали, берут начало в их собственном столетии»⁴⁰. По мнению Уилсона, «воображение и сексуальная фрустрация [то есть несостоятельность] слились воедино», чтобы расплодить фетиши. С этой теорией далеко не все в порядке; не последнюю роль в ее «проблемности» играют расхожие представления о сексуально «несостоятельных» (а следовательно, «склонных к извращениям») викторианцах. Тем не менее в XIX веке действительно произошло нечто такое, что, вероятно, навсегда изменило общепринятое значение сексуальности.

XVIII век был переходным периодом, на протяжении которого традиционные сексуальные представления и модели сексуального поведения постепенно приближались к современным образцам. По мере того как устанавливались связи между свободомыслием и «распутством», нарастал и интерес ко всему откровенно эротическому. Люди постепенно переставали мыслить такими категориями, как «половой акт»/«сексуальное сношение», и начинали задумываться о своей сексуальной тождественности. Развитие капитализма и урбанизация Европы очевидно создали среду, в которой «фетишисты» наконец-то начали осознавать себя и контактировать с людьми, имеющими схожие интересы.

Однако свою роль в фетишизме играет и биология.

Эволюция фетишизма

Сексуальность является одновременно производной истории и порождением природы. Сексуальное поведение человека (включая такие сексуальные

аномалии, как фетишизм) почти наверняка отчасти определяется биологическими факторами. Ни исторические изыскания, ни психоанализ не могут убедительно объяснить, почему фетишизм, как и все остальные «извращения», распространен среди мужчин во много раз больше, чем среди женщин. В роли расставляющей все на свои места парадигмы выступает социобиология, которая, по-видимому, подходит к решению такого рода вопросов исходя из имеющихся материальных доказательств и принимая во внимание эволюцию, наследственность и воздействие гормонов. Хотя многие люди отказываются с этим соглашаться (опасаясь того, что они воспринимают как вопиющие политические последствия), почти не вызывает сомнений тот факт, что не только строение тела и половых органов, но также особенности сознания и мышления зависят от половой принадлежности человека⁴¹. Мужчины и женщины по-разному относятся к любви и сексу.

В одном из фильмов Вуди Алена героиня Дайан Китон говорит: «Секс без любви — бесполезный опыт», на что Аллен отвечает: «Да, но как показывает весь бесполезный опыт, именно этот — один из лучших». Такие различия в оценках не носят абсолютного характера, но и физические различия тоже; хотя никто не станет отрицать, что в среднем большинство мужчин выше, чем женщины. Исключения не опровергают общих правил. Социологические теории не могут адекватно объяснить суть гендерных различий. И если мужчины имеют большую по сравнению с женщинами склонность к фетишизации отдельных частей тела и предметов одежды, причины этого следует искать не только в том, что когда-то их неправильно отняли от материнской груди или воспитывали в патриархальном обществе.

Принципы социобиологии (или эволюционной психологии) подразумевают, что эволюцию нашего сексуального поведения в основном определяет нормальный процесс дарвиновского естественного отбора, поскольку в долгосрочной перспективе это служит адаптивным целям. Здесь наиболее подходящим примером может стать тот факт, что вторичные половые признаки развивались именно так, а не иначе, потому что в них заложена информация о репродуктивной способности. (Информация, которую передают те или иные физические признаки, может быть правдивой или ложной в конкретных случаях, но если частота правдивой информации превышает частоту ложной, она становится эволюционной силой.) Таким образом, если мужчин-гетеросексуалов привлекают дамы с большой грудью, тонкой талией и гладкой кожей, это объясняется тем, что перечисленные черты ассоциируются с представлениями о молодой, но уже взрослой женщине, обладающей максимальной репродуктивной способностью. Предки мужского пола, отдававшие предпочтение девочкам препубертатного возраста или пожилым женщинам, проиграли в конкурентной борьбе, так как не передали по наследству своих генов. Потенциально это имеет

отношение к моде, поскольку в животном мире вторичные половые признаки (рога, яркое оперение и т.п.) можно сравнить с «биологической модой» — в том смысле, что изменения, затрагивающие данные признаки, могут либо усилить, либо снизить сексуальную привлекательность их носителей в глазах особей противоположного пола. Это циклический процесс: на протяжении нескольких поколений признаки, привлекательные в силу того, что они подчеркивают репродуктивную способность, закрепляются и таким образом постепенно завоевывают доминирующие позиции в филогенезе.

В царстве животных особям мужского и женского пола чаще всего приходится следовать разным эволюционным стратегиям. Самцы млекопитающих, не обремененные необходимостью вынашивать и выкармливать потомство, имеют возможность максимально преумножить свое генетическое наследие за счет спаривания с как можно большим числом способных к размножению самок. Следовательно, у мужчин из человеческой популяции сильно ориентированные на визуальное восприятие модели сексуального возбуждения развились как результат постоянной готовности к возможному «спариванию» с любой «привлекательной» (то есть очевидно способной к воспроизводству потомства) женщиной, которая может встретиться на их пути. В свою очередь, склонность мужчин приходить в состояние сексуального возбуждения под воздействием визуальных сигналов дает основания предполагать, что фетиши, которым поклоняется человечество, могли возникнуть на биологической почве. Например, корсет утрированно подчеркивает форму песочных часов, которая привлекает многих мужчин-гетеросексуалов; такое утрирование форм способно оказать мощное психологическое давление на определенные группы представителей мужского пола.

Как пишет психолог Гленн Уилсон, «по-видимому, неслучайно то, что участок головного мозга, ответственный за агрессивную мужскую сексуальность, является частью гипоталамуса, который заключает в себе систему восприятия визуальных сигналов (преоптические ядра)». И если мужская сексуальность в процессе эволюции развивалась таким образом, чтобы в конце концов превратиться в «систему самонаведения», это может быть одной из причин, объясняющих, «почему мужчины особенно склонны к искажению сексуальных наклонностей, которое мы называем парафилией»⁴². Проведенное Уилсоном исследование сексуальных фантазий выявило поразительные гендерные различия, в том числе значительно большую сосредоточенность мужских фантазий на визуальных, вуайеристских и фетишистских мотивах. Мужские фантазии часто включают в себя упоминание отдельных предметов одежды, «таких как черные чулки и [пояс с резинками], сексуальное белье, кожа или форма медсестры; например: „Шестнадцатилетняя девственница, одетая в школьную форму с коротенькой юбочкой...”»⁴³ Очевидно, что мужчин фантазии такого

рода посещают в два с половиной раза чаще, чем женщин. Кто-то может предположить, что подобные примеры гардеробных стимулов (по крайней мере для некоторых мужчин) в действительности есть не что иное, как искусственные вторичные половые признаки, которые служат индикатором сексуальной доступности женщины и ее способности пробуждать в мужчине желание.

Стремление к господству и агрессия, связанная с представлениями о социальной иерархии, присущи человеческим «особям мужского пола», по-видимому, не только потому, что сами мужчины ведут постоянную борьбу за доступ к наибольшему числу женщин (и другим ресурсам); другая причина в том, что женщины, которые предпочитают выбирать себе в пару мужчин с высоким статусом, в целом способны больше преуспеть в деле взращивания и защиты своего потомства. Доминирование и агрессия, будучи приобретенными в результате эволюции сексуально обусловленными свойствами, также могут иметь отношение к более широкому распространению парафилии среди мужчин. Интерпретация фетишизма, основанная на представлениях о «доминировании и несостоятельности», получила некоторое эмпирическое подтверждение: у студентов, которым сообщалось, что женщины находят их непривлекательными, наблюдалось временное снижение интереса к женщинам и значительно большее возбуждение при виде таких предметов, как туфли и нижнее белье⁴⁴.

Конечно, этот эксперимент подразумевал лишь временную и искусственно спровоцированную фетишизацию. Вместе с тем обнаружение связей между фетишизмом и садомазохизмом может навести на мысль о девальвации объекта человеческой любви. Это звучит моралистически (как и большинство написанного о фетишизме), но социобиология предполагает, что «встроенные в (под)сознание» чисто мужские свойства делают мужчин потенциально похотливыми и неразборчивыми в сексуальных связях. Кроме того, природа могла создать некие половые модификации — то ли по чистой случайности, то ли по какой-то до сих пор не понятой нами причине. На худой конец, кто-то может прийти к заключению, что приобретенные в результате эволюции психологические свойства неизбежно будут проявлены в большей или меньшей степени — насколько позволит уровень возможностей, а следовательно, определенный процент людей в своем поведении всегда будет впадать в те или иные крайности.

Все более убедительные доводы психологов-эволюционистов, подтверждающие, что сексуальное поведение человека [как биологического вида] сформировалось путем естественного отбора, не исключает возможности того, что индивидуальное поведение могут определять и другие, подчас весьма непростые причины, в том числе специфические органические поражения. Примерно в середине XX столетия медицинские исследования впервые нацелились

на выявление взаимосвязи между измененными состояниями головного мозга (органическими поражениями мозга) и «сексуальной психопатологией». Так, Артур Эпштейн изучил «тридцать случаев фетишизма или фетишизм-трансвестизма, из которых девять [сопровождались] атипичной электроэнцефалограммой, два — выраженными судорожными припадками, пять — клиническими симптомами поражения головного мозга». Вдобавок к этому он ознакомился с литературой, посвященной фетишизму, и нашел описания нескольких случаев, в которых также упоминались эпилептические припадки.

Один случай, произошедший в 1950-е годы с фетишистом, для которого сокровенным объектом вожделения была английская булавка, и сегодня поражает воображение. «Уставившись на булавку», этот субъект застывал «с остекленевшим взглядом» и был в состоянии лишь издавать «[какой-то] жужжащий звук». Иногда при виде английской булавки (или при мысли о ней) у него начинались настоящие судорожные припадки, а иногда по завершении фазы неподвижности он переодевался в платье своей жены. Пациенту была проведена темпоральная лобэктомия левой-передней доли, после чего он излечился и от фетишизма, и от трансвестизма. Диссекция мозгового сегмента выявила глиальный процесс (то есть особый вид опухоли головного мозга)⁴⁵.

Эпштейн также предположил, что свойства, ассоциирующиеся с фетиш-объектами, могут быть соотнесены с факторами, которые сыграли значимую роль в формировании сексуального поведения и психосексуальных качеств, присущих нашему биологическому виду. Например, блеск, запах и/или форма некоторых предметов и материалов может быть каким-то образом связана с эволюцией моделей сексуального возбуждения у приматов. В подтверждение этой теории он описал, как в зоопарке два не человекообразных примата пришли в состояние сексуального возбуждения при виде сапога. Между двумя его теориями — эволюционной и теорией патологии головного мозга — нет никакого конфликта, поскольку «отношение [фетишиста-человека] к фетиш-объекту может быть рассмотрено как действие, совершаемое по отношению к данному объекту почти произвольно»⁴⁶.

До известной степени проблемной является органическая (биологическая) версия, которая фокусируется исключительно на физическом состоянии органов головного мозга, упуская из виду разум (сознание), который мозг производит. Физиологические дисфункции головного мозга (особенно затрагивающие височные доли) в некоторых случаях могут быть факторами, предрасполагающими к фетишизму, как и к другим видам неконтролируемого поведения. Однако фактические данные указывают на то, что существуют по меньшей мере «две возможные этиологии: одна — которая отсылает [нас] в глубь испещренного рубцами головного мозга, и другая — которая, несомненно, принимая во внимание мозг, в первую очередь обращается к психологическому опыту»⁴⁷.

Сегодня многие психологи убеждены в том, что фрейдистская теория почти не имеет под собой научных оснований; поэтому они выказывают большее доверие неврологическим факторам, утверждая, что значительное преобладание случаев парафилии среди лиц мужского пола может объясняться, по крайней мере отчасти, генетическими, гормональными и эволюционными причинами⁴⁸. «Исследования показали, что возможна некоторая генетическая предрасположенность к [развитию] СМ- [садомазохистских] и ТВ- [трансвеститских] наклонностей, хотя, как выяснилось, пристрастие к резине и коже является полностью благоприобретенным», — пишет занимающийся научно-исследовательской деятельностью психолог Крис Госслин. «Также есть основания полагать, что некоторые [люди] биологически более склонны к такой форме адаптации, нежели остальные, — все дело в том, как устроено их сознание». Разыграет ли конкретный человек свою генетическую «карту», зачастую зависит от его жизненного опыта⁴⁹. Существует широко распространенное убеждение, согласно которому фетишизм — это «своего рода непреодолимая тяга, комбинация нетипичной „мозговой схемы” и аберрантной адаптации», включая «ограничивающее сексуальное воспитание»⁵⁰. Очевидно, что во многих случаях фетишизм подразумевает чрезмерное преувеличение или извращение качеств, привлекающих большинство человеческих «особей мужского пола». Конкретные проявления фетишизма почти наверняка предопределены (причем более чем одной причиной).

Неосексуальность и нормопаты

В «Диагностическом и статистическом руководстве» (Diagnostic and Statistical Manual), изданном Американской психиатрической ассоциацией (American Psychiatric Association), фетишизм трактуется как «периодические, вызывающие сильное сексуальное возбуждение фантазии, сексуальные позывы или действия, подразумевающие использование неживых объектов (к примеру, женского нижнего белья)»⁵¹. Однако на практике зачастую практически невозможно провести четкую грань между, скажем, фут-фетишизмом и обувным фетишизмом.

Чаще всего, хотя и не обязательно, неодушевленными фетиш-объектами становятся предметы гардероба и аксессуары: фартуки, сапоги, платья, очки, перчатки, носовые платки, плащи, туфли, чулки, нижнее белье и разные виды униформы. Нередко к ним предъявляются специфические требования: например, платье должно быть мокрым или изрезанным, а туфли — лакированными или поскрипывающими. Фетишем также может быть какой-либо материал — мех, кожа, шелк или резина; кому-то из фетишистов важно, чтобы из него были изготовлены определенные предметы одежды, для других это не имеет значения. Фетиш-материалы принято подразделять на два класса — «жесткие» (hard)

и «мягкие» (soft). «Жесткие» фетиши (предметы, изготовленные из кожи или резины), как правило, бывают черными и имеют гладкую блестящую поверхность; чаще всего это «туго стягивающие [тело] предметы одежды или обуви». «Мягкий» фетиш — это скорее нечто бархатистое, пушистое или покрытое оборками; типичные примеры — нарядное женское белье и меховые изделия⁵².

Однако среди множества предметов, использующихся в качестве фетишей, можно найти и вещи, не имеющие отношения к гардеробу: расчески, протезы (искусственные конечности), английские булавки, кнуты, розы, рулевые рамы от итальянских спортивных велосипедов и даже улитки и тараканы (кто-то из фетишистов пускает их гулять по своему телу во время мастурбации, а некоторые представляют, как этих «гадов» давит высокий каблук). Кроме того, существует так называемый негативный фетишизм, подразумевающий отсутствие чего-то естественного, непременно наличествующего при обычных обстоятельствах; так, некоторые мужчины испытывают сексуальное влечение к инвалидам, у которых ампутированы какие-либо части тела. Но в любом случае значимость предметов одежды особенно велика — во-первых, потому что между ними и телом человека существует теснейшая связь, а во-вторых, потому что этими искусственно созданными объектами можно как угодно манипулировать — снимать и надевать, хранить в укромных местах, передавать другим людям⁵³.

В упомянутом «Диагностическом и статистическом руководстве» фетишизм обсуждается в разделе «Сексуальные расстройства и нарушения гендерной идентификации» (Sexual and Gender Identity Disorders) (прежде называвшемся «Психосексуальные расстройства» — Psychosexual Disorders), наряду с эксгибиционизмом, педофилией, сексуальным садизмом и мазохизмом, трансвестизмом, вуайеризмом, зоофилией и атипичными случаями парафилии, такими как корпофилия, клизмофилия, урофилия, телефонная скатология и некрофилия. Эта «парадигма», что вполне ожидаемо и понятно, не пользуется популярностью среди приверженцев, которые предпочитают рассматривать фетишизм как неординарную, но вполне имеющую право на существование разновидность сексуального самовыражения, а возможно, и как проявление более раскрепощенной сексуальности.

В книге «Мода и фетишизм» (Fashion and Fetishism) Дэвид Кунцле утверждает, что психиатрические интерпретации фетишизма «бесполезны, если не [сказать] опасны»⁵⁴. Критический подход к обнародованию историй, основанных на патологических случаях, безусловно оправдан, вот только Кунцле не делает разницы между текстами вековой давности, такими как «Psychopathia Sexualis» Крафт-Эбинга, и современной медицинской литературой о человеческой сексуальности. Он отвергает любые попытки проанализировать возможно существующее неосознанное значение фетишистского стиля на том

основании, что все отчеты психологов на тему фетишизма непременно носят упрощенческий и репрессивный характер, поскольку трактуют данный феномен с точки зрения «патологии». По-видимому, в ответ на подобные претензии в новой редакции «Диагностического и статистического руководства» были изменены диагностические критерии фетишизма: вместо «действ[ия] обусловленные этой непреодолимой тягой» теперь читаем «...[являющиеся] причиной клинически установленного расстройства или упадка в социальной, профессиональной либо других значимых сферах жизнедеятельности»⁵⁵.

Сам Кунцле предпочитает полагаться исключительно на «чувства, переживания и суждения» «посвященных фетишистов»⁵⁶. Такой вид «полевых исследований» крайне важен, но следует помнить, что информанты не всегда рассказывают всю правду о себе, хотя бы потому, что, видя свою «кухню» изнутри, они неизбежно придерживаются однобокой точки зрения, что может повлечь и определенную недосказанность. Психиатр Джойс Макдугалл описывает пациента-фетишиста,

который платил проституткам, чтобы те пороли его и топтали его гениталии. На одном из сеансов он рассказал, как однажды столкнулся с другим клиентом того же борделя, и тот заметил, что у них много общего, так как он тоже платит, чтобы ему хорошенько отхлестали гениталии, но только мальчиком. [Тут м]ой пациент пришел в ужасное возбуждение и заявил: «...но этот человек безумен. У нас нет абсолютно ничего общего. Он же гомосексуалист!»⁵⁷

Как сами фетишисты объясняют, почему некоторые люди находят сексуальным туго затянуть себя в корсет и получить несколько хороших ударов кнутом или облачиться в прорезиненные штаны для «профессиональных пловцов»? «Я не собираюсь отвечать на этот вопрос нагромождением теоретических рассуждений о травме, полученной во младенчестве из-за того, что памперсы были подмоченными, а мамочкины руки холодными», — писала Пэт Калифа, некогда бывшая крупной фигурой в американском лесбийском фетишистско-садомазохистском сообществе*. «Психоаналитические теории о происхождении сексуальных предпочтений никогда не преподнесут вам проверяемой гипотезы, которая может быть оперативно сформулирована, а затем доказана или опровергнута. Вместо этого вам читают мораль о неполноценности „других“ или выдают переработанную версию ваших собственных

* Впоследствии Пэт Калифа изменила пол и в настоящий момент продолжает вести достаточно активную сексуально-просветительскую деятельность — уже в ином амплу — под именем Патрик Калифа. (Прим. пер.)

сексуальных предрассудков. Социологический или антропологический подход куда более интересен»⁵⁸.

Пэт Калифа была одной из тех, кто сумел наиболее отчетливо выразить то, что может быть названо фетишистской точкой зрения со всеми ее сильными и слабыми местами, под которыми мы подразумеваем, с одной стороны, глубокое, полученное на личном опыте знание предмета, а с другой — отсутствие критической дистанции. Как сама она говорила об одной знакомой англичанке, «[она] сильна в разумном истолковании сексуальных отклонений». На самом деле под «социологическим или антропологическим подходом» Калифа, как мне кажется, подразумевала чисто описательный подход к исследованию фетишизма — тот, что избегает любого анализа (что бы ни скрывалось за этим словом) или уподобляет современный фетишизм ритуальным практикам других культур. И хотя в ее собственном «подходе» определенно чего-то недостает, Калифа была совершенно права, когда сказала: «Чем больше мы знаем о том, чем занимаются люди, тем лучше мы можем понять, как такое поведение называется на их жизни, — что их гнетет, что они получают в награду, а что в наказание»⁵⁹. Как заметил Фрейд, «[фетишисты] обычно бывают вполне удовлетворены [своими фетишами] и тем, как они облегчают их эротическую жизнь»⁶⁰.

«Нормален» ли фетишизм?⁶¹ Само это слово — «нормальный» — стало неоднозначным, если не воспринимать его исключительно как синоним слова «нормативный». Многие сексуальные практики, которые в прошлом считались ненормальными (в частности, орально-генитальный секс), со временем сделались вполне приемлемыми. Большинство врачей сегодня «[не спрашивают:] „Нормально ли такое поведение?“», но скорее [задают вопрос:] „Что означает такое поведение у данного пациента? Оно делает его сильнее или служит помехой?“ и, конечно же, „Является ли такое поведение социально допустимым?“»⁶² Исследование, в котором приняли участие сто фетишистов, питающих страсть к резине, показало, что «фетишизм может существовать как обособленное личное предпочтение и иметь к патологии такое же далекое отношение, как обычное хобби, например коллекционирование марок»⁶³. Но в то же время не подлежит сомнению тот факт, что преступления насильственного характера зачастую совершают люди, страдающие тяжелыми расстройствами на сексуальной почве⁶⁴. Так, Уильям Хайренс убил трех семнадцатилетних девушек, а затем долго упивался «ощущением и цветом» женских трусиков⁶⁵.

Некоторые отклонения, например склонность приходить в возбуждение при виде туфель на высоком каблуке... могут казаться обыденными и даже забавными. Но другие, такие как ритуальное вспарывание женских животов таким образом, чтобы рана напоминала вагину... относятся к числу самых ужасающих преступлений, какие только известны

в человеческом обществе. Невозможно отделаться от впечатления, что между невинными фетишистскими и садомазохистскими «причудами» и некоторыми ледящими душу серийными преступлениями пролегает своего рода континуум, который поддерживается постоянно усиливающейся цепной реакцией реализуемых сексуальных фантазий. Вот почему понимание этих явлений столь важно для медицинских специалистов, имеющих клиническую практику и выступающих экспертами в суде. Несмотря на то что многие формы сексуального поведения, прежде считавшиеся извращенными, были узаконены в последние десятилетия, для этого процесса необходимо установить какой-то предел⁶⁶.

Человеческая сексуальность никогда не сводится исключительно к естественным отправлениям; это всегда сложная психологическая конструкция, в которой важную роль играет фантазия. Вот почему фетишизм так интересен⁶⁷. Именно *потому*, что он производит столь странное впечатление — действительно, почему кто-то испытывает сексуальное возбуждение при виде туфель? — фетишизм демонстрирует, что «половой инстинкт и сексуальный объект попросту неотделимы друг от друга»⁶⁸. Психолог Макдугалл использует термин «неосексуальность», чтобы описать варианты сексуального поведения, которые, как и фетишизм, подразумевают создание нового сексуального сценария⁶⁹. Она задается вопросом: когда аналитики безапелляционно называют какое-то поведение или какие-то фантазии *извращенными*, «на каком основании они делают подобные заявления»? Слова «адаптация к реальности» приятно звучат, но чьи представления о реальности будут приняты в качестве эталона? Какие тайные убеждения и ценности лежат в основе критики извращенных фантазий? И кто нам запретит утверждать, что «извращенец — это всегда кто-то другой». Но по крайней мере некоторые из тех, кто «бежит от иллюзорной жизни» (Макдугалл называет их «нормопатами»), действуют опасными и бесчеловечными методами. Хотя, если «нормопат способен что-то сделать только в миссионерской позиции», не является ли это тем же извращением?⁷⁰

«Долгое время считалось, что извращенец — это всего лишь парень, который занимается любовью, скажем, со старым башмаком, — написал „простой обыватель“ Джордж Стейд, — но не теперь, особенно если вы читали, что пишут люди с богатым клиническим опытом». Так как «эксперты сходятся во мнении... что извращенец является извращенцем не в силу того, чем он занимается... но в силу склада ума, который заставляет его это делать» — с «мечтами об унижении и мести» или, к примеру, с «желанием... восстановить первичное единство матери — ребенка». И Стейд задает вопрос: «А стали бы люди обременять себя сексом, если бы вы отняли у них мечты об унижении и мести?»

(И на что вообще должны быть похожи «нормальные» фантазии?) Как заметил все тот же Стейд, многие мужчины «влюбляются в тех, кто может подменить их матерей... и если они не хотят соития с ними, будь я проклят, если я понимаю, чего вообще они хотят». Узнать и понять «натуралов» значительно легче — «они это мы». Нам всего-то и нужно — не замечать всех этих разнообразных порочных делишек, на которые нас толкает так называемая «прелюдия»⁷¹.

Но что, если «натуралы» и «извращенцы» вдруг начнут одинаково одеваться?..

Мода и фетишизм

«Сегодня бондажные приспособления, кожа, резина [латекс], „вторая кожа“, длинные тесные юбки, разодранные платья, сапоги на молнии — одним словом, всё, чем полны мечты фетишиста, — можно получить прямо из рук Алайи, Готье, Монтаны, Версаче»¹. Как писал *Vogue* в 1992 году, многие моделиеры из числа самых влиятельных фигур мировой моды черпали вдохновение в сексуальных извращениях. Тем не менее уже год спустя некоторые обозреватели попробовали списать со счетов замешанные на фетишизме стили, представив их как преходящее увлечение: «В прошлом осталась мода, прославляющая бондажирование и садомазохизм»². Однако подобные заявления были явно преждевременными; поскольку за последние тридцать лет «игривые» вкрапления фетишистских мотивов все больше и больше внедрялись в моду.

Куда бы нас ни заносили «качели» сезонных коллекций, мода раз за разом возвращалась к подчеркнуто фетишистским стилям. Фетишизму придается особое значение в этот исторический временной момент, потому что именно сейчас он перестал ассоциироваться в первую очередь с присущими отдельным людям сексуальными «извращениями» и сексуальными субкультурами. Массовая культура сделала видимыми для широкой аудитории некогда тайные и скрытые от посторонних глаз сексуальные практики. Приблизительно до 1965 года фетишистские образы в основном прятались среди страниц специализированных журналов, таких как *High Heels*, а приобрести вещи в фетишистском стиле было крайне трудно. Но затем предметы и изображения, так или иначе связанные или ассоциирующиеся с фетишизмом, начали выбираться из своих укромных уголков, чтобы предстать на всеобщее обозрение.

Ботфорты* и кэтсьюты

Движение «за сексуальное освобождение», развернувшееся в 1960-е и 1970-е годы, повлекло за собой переоценку явлений, которые было принято относить

* В оригинале — *kinky boot*. В английском языке этим словосочетанием обозначается высокая обувь, ассоциирующаяся с «сексуальными забавами». Помимо ботфортов, это

к числу сексуальных отклонений. «Ханжеская стыдливость» была отринута как весьма неудачный побочный продукт «иудейско-христианской религиозной традиции» и процветающей буржуазно-капиталистической идеологии. «Телесные табу», как тогда говорили, «рассыпались в прах под натиском восстановленной в правах человеческой сексуальности и отказа от сексуальной вины»³. Как только преимущество оказалось на стороне мятежного духа и тяги к наслаждению, а ограничения и запреты, наложенные на человека цивилизацией, соответственно, были раскритикованы и развенчаны, «извращенную» сексуальность открыто признали соблазнительной.

Первой ласточкой фетиш-моды, снискавшей массовую популярность, стали так называемые *kinky boots* — ботфорты, прежде ассоциировавшиеся в первую очередь с образом проститутки, исполняющей роль доминантрикс («госпожи»). «Мода или фетиш?» — вопрошал редактор журнала *High Heels*⁴. Кожаные сапоги высотой до колен или по самые бедра, на внушительных каблуках, часто «украшенные» шнуровкой или длинными рядами пуговиц... Некий читатель «Странной жизни» (*Bizarre Life*) прислал в редакцию журнала две фотографии английской топ-модели Джин Шримптон, сопроводив их письмом следующего содержания: «Думаю, ваших читателей проберет дрожь при виде [этого]. Эти „игривые“ сапожки заставляют меня трепетать до самого позвоночника всякий раз, когда я смотрю на них; и должен еще признаться, что длинная, пышная шевелюра Джин также будоражит меня до дрожи»⁵.

Особая заслуга в популяризации фетиш-моды принадлежит телевизионному сериалу «Мстители» (*The Avengers*). Актриса Дайана Ригг сыграла в нем Эмму Пил — сильную, сексуальную женщину, чей знаменитый наряд — облегающий комбинезон из черной кожи (кэтсьют) — явно был создан под влиянием «кутюрных» фетишистских костюмов работы Джона Сатклиффа из *Atomage*. Первый вариант костюма миссис Пил был еще более близок к своим прототипам от *Atomage*, но телевизионные продюсеры сочли, что он будет вызывать слишком явные ассоциации с фетишизмом, и дали указание костюмерам избавиться от капюшона и маски, полностью скрывавшей лицо героини.

1990 год ознаменовался возрождением интереса к стилю Эммы Пил — как к неотъемлемой части моды на «ретро шестидесятых», в особенности на облегающие комбинезоны. На этот раз модная пресса представляла ее как героиню феминистского толка и сравнивала с другим неистовым созданием — Женщиной-кошкой. Образ сильной и в то же время сексуальной героини, очевидно, привлекает многих женщин (причем не меньше, чем мужчин). И что бы ни под-

также сапоги-чулки, а иногда и сандалии с высокими (до колен) ремнями или шнуровкой. (Прим. пер.)

разумевал ее стиль, он не воспринимается как нечто, что обычно навязывают женщинам модельеры мужчины.

Важно обратить внимание на то, что фетиш-мода была вполне *обычным явлением* на протяжении довольно долгого времени. «Шестидесятые годы были чудесным временем для тех из нас, кого привлекала экзотическо-эротическая одежда», — вспоминал некий приверженец резины⁶. В 1971 году вещи в фетишистском духе (в частности, кожаные, с «корсетной» шнуровкой ботфорты) можно было купить даже в универмагах эконом-класса, например в Montgomery Ward. В этот период облик мужчины также стал более эротичным, поскольку эпоха рок-н-ролла породила новый тип мужской ролевой модели. Как посетовал один не назвавший своего имени поклонник изделий из кожи,

...[в]седозволенность всегда идет об руку с новыми представлениями. <...> Мы начали становиться пресыщенными. <...> Мы говорим: «Это его пунктик», или еще более небрежно: «Он на этом заиклился!» <...> На любителя кожи больше не смотрят как на «фрика». <...> Скачущие козлами певцы рок-н-ролла, одетые в обтягивающие кожаные костюмы, стали мужскими секс-символами для молодежи нашей страны. <...> Не приходится сомневаться в том, что кожа олицетворяет мужественность и это именно то, чего хотят наши девочки (независимо от их пола)⁷.

Задолго до того, как Мадонна «стала провозвестником массового восприятия садомазохистской эстетики», многие другие артисты освоились в фетишистских костюмах⁸.

Панки — представители молодежной субкультуры, ассоциирующейся с такими музыкальными коллективами, как Sex Pistols, особо поспособствовали внедрению фетишизма в моду. Панковский «бунтарский стиль» был демонстративно «рвотным стилем», вобрав в себя разнообразные оскорбительного или устрашающего вида предметы (например, собачьи ошейники и цепи), при виде которых обыватель должен был испытывать ужас и отвращение:

Английские булавки... носили как жутковатые украшения, втыкая их в щеки, уши и губы. «Дешевые» бросовые материалы (пластик, люрекс и т.п.), вульгарные уже по своему замыслу (как, например, искусственные леопардовые шкуры), и «тошнотворные» расцветки, долгое время отвергавшиеся теми, кто стоял на страже качества модной индустрии, как неудобоваримый китч, спасались от уничтожения панками и превращались в предметы одежды... которые следовало воспринимать как осознанный комментарий по поводу общих представлений о современности и вкусе.

*<...> в частности, запретная иконография сексуального фетишизма была... извлечена из недр будуаров, чуланов и порнографических фильмов и помещена в уличную среду*⁹.

Женщины-панки «присвоили этот запретный дискурс и переориентировали или подорвали заложенные в нем значения»¹⁰. Они манипулировали такими сексуальными клише, как чулки в сеточку, обувь на шпильке, проглядывающие из-под верхней одежды бюстгалтеры, прорезиненные макинтоши. Певица Сьюзи Сью носила черные подштанники из «мокрого» винила, похожий на сбрую лифчик, один черный ботфорт высотой до бедра и одну туфлю на высоком каблуке с обвивающими лодыжку ремешками, которые она называла «бондажем». И вдобавок — нацистскую повязку на руке.

Среди модельеров самое близкое отношение к панк-эстетике имела Вивьен Вествуд. В 1974 году она превратила свой магазинчик в скандально известный бутик для садомазохистов, бондажистов и фетишистов Sex; в нем продавалась одежда из резины, кожаные бондажные приспособления и причудливая обувь. Помещение магазина «украшали» кнуты, цепи, маски, зажимы для сосков и даже больничная кровать, покрытая прорезиненной пленкой. Примерно половину ее клиентов составляли фетишисты (которые шили дорогие резиновые костюмы по индивидуальному заказу), а другую — молодые люди, искавшие одежду, которая «давала бы возможность нарушить табу» и публично заявить «о том, насколько ты плох»¹¹. «Бондажная одежда была тесной на вид, — говорит Вествуд, — но когда вы надевали ее на себя, она давала вам ощущение свободы»¹².

Сама Вествуд в начале 1970-х годов придерживалась стиля «тотальное садомазо» (total S&M). Она носила «резиновые чулки с negligé и туфлями на шпильке, а позднее полноценный бондаж — в то самое время, когда все поголовно были в клешах и на платформах». Это был ее способ бросить вызов «ортодоксальности в одежде»¹³. Не так давно Малькольм Макларен, некогда бывший партнером Вивьен Вествуд, заявил, что, раз уж резина и кожа «символизируют радикальные настроения... [то] фетиш-мода — это само воплощение юности»¹⁴.

Террористический шик

Мрачная подоплека секса и связанного с ним насилия оставила свой модный след не только в субкультурных течениях. Мода 1970-х годов в целом была отмечена столь явной печатью извращенного эротизма и садомазохистского насилия, что один исследователь безжалостно охарактеризовал ее как «террористический шик» (Terrorist Chic)¹⁵. На смену «фантазийным нарядам» 1960-х пришла «новая brutality»¹⁶. Даже манекены в витринах универсальных

магазинов то и дело оказывались связанными, «расстрелянными» или «ослепленными» с помощью шор, а модные журналы демонстрировали повышенный интерес к разного рода извращениям и декадансу.

«Фрик-кабаре и извращенный секс нашли свой отголосок в сегодняшнем декадансе», — писала Барбара Роуз в статье для американского *Vogue*. Текст сопровождали иллюстрации Хельмута Ньютона, чьи «фотографии прекрасных женщин, попавших в западню или связанных по рукам и ногам, выводят на первый план тонкую грань между освобождением и оковами. <...> [К]омната в безмянном отеле пробуждает фантазии о возможном эротическом приключении. <...> Мерцающие поверхности ловят и отражают свет на картинах, которые объединяют элегантность и боль, изобилие *fin de siècle* и присущую нашему времени отчужденность». Вместе с тем, поскольку в этих садомазохистских «мини-драмах», как правило, «нет видимой фигуры угнетателя», Барбара Роуз высказала предположение, что такие фотографии намекают, будто «оковы — дело рук самих женщин»¹⁷.

Хельмут Ньютон, что называется, «сделал фетишизм шикарным». Еще в 1970-е годы в поисках «правильных» аксессуаров для фотосессий Ньютона стилистам приходилось рыскать по магазинам, где отоваривались проститутки и фетишисты. Однако к началу 1990-х годов высокая мода уже была близка к тому, чтобы согласиться с его взглядом на современную женщину¹⁸. И хотя мы не можем поставить в заслугу Ньютону то, что он своей рукой интегрировал фетишизм в моду, его фотографии действительно оказали большое влияние на этот процесс в силу их сфокусированности на взаимосвязи между сексом и властью. Его *dramatis personae* — персонажи сексуальной драмы — это вуайерист, эксгибиционист, проститутка, фетишист, садомазохист, трансвестит и доминантрикс¹⁹.

В качестве примера рассмотрим одну фотографию из целой серии работ Ньютона, опубликованных во французском *Vogue* в 1977 году под общим заглавием «Женщина или Суперженщина». Женщина стоит перед зеркалом; на ее голове защитный шлем, на ногах сапоги для верховой езды; ее ноги заметно отстоят одна от другой; руками она разводит в стороны полы черного кожаного плаща от Клода Монтаны (дизайнера, снискавшего известность благодаря своим сексуальным моделям из кожи). Хотя обычно зеркало в искусстве является символом женского «тщеславия», здесь оно скорее напоминает о фетишистских играх с отражением и мастурбацией. Наездницу (или амазонку) можно представить как один из «подклассов» доминантрикс; и это по-своему подтверждает фотография на следующей странице того же *Vogue*: на ней знаменитая модель предстает перед зрителем одетой в объемистые джодпуры (от Тьерри Мюглера) и «скачущей верхом», усевшись на мужскую спину. Если верить сопровождающему фотографии тексту, такие предметы, как кожаный плащ и джодпуры, — это непременная часть гардероба «женщин-завоевательниц».

Привлекательность «жесткой упряжи» долгое время была востребована в фетишистской и садомазохистской порнографии, где образ женщины-наездницы то и дело сливался со своей противоположностью. (В 1994 году американский *Vogue* опубликовал фотографию Ньютона «Седло» (Saddle), на которой изображена женщина, стоящая на четвереньках на кровати, — в джодпурах, жокейских сапогах и с тяжелым седлом на спине — как будто ожидая всадника, готового прокатиться на ней верхом.) Но одно дело, когда визитная карточка профессиональной проститутки обещает клиенту «Скачки с фантазией» (Horse Riding Fantasies), и совсем другое — когда порнографические грезы «Госпожи наездницы» (Riding Mistress) изливаются на страницы самых авторитетных и известных во всем мире модных изданий.

1970-е годы не стали периодом затишья после бури 1960-х. Несмотря на то что политическая активность студенчества заметно остыла по окончании Вьетнамской войны, почти во всех остальных сферах культурный радикализм 1960-х не только не сошел на нет, но и распространился в более широкие слои общества. А сексуальная революция вообще приобрела характер массового явления. Предписанные законом цензурные ограничения стали менее строгими, в то время как скорость коммерциализации и меркантилизации секса продолжала нарастать.

«Сексуальные черные чулки и сапоги?» (Dig Black Stockings and Boots?) — этот вопрос был вынесен в заглавие статьи, опубликованной в 1975 году в популярном издании «Сексологии» (Sexology); продолжение звучало обнадеживающе: «В каждом из нас есть что-то от фетишиста» (There's a Bit of Fetishist in Everyone). «Приятная неожиданность! Все сексуальные излишества скорее можно назвать здоровыми, нежели наоборот, — так что наслаждайтесь». Автор статьи Роджер Мэдисон согласился с тем, что крайности могут представлять собой некоторую проблему — «[н]о не такую уж серьезную проблему». Человек, питающий слабость к туфлям, может захотеть оказаться «реабилитированным» в глазах окружающих; если же нет, что ж, тогда он обрекает себя на «весьма неприятную сексуальную жизнь, о которой не скажешь, что она дорогого стоит». В конце концов, фетиш действительно никогда не «причинял вред[a] всем и каждому». Тем более что человеку, судя по всему, куда важнее избежать «ловушки невротического чувства вины»²⁰.

Однако вопрос о том, что же такое фетиш, по-прежнему оставался актуальным. Согласно мнению автора брошюры, содержание которой представляет собой смесь популярной психологии и «мягкой» порнографии, «[e]сли вождение направлено на старую пару армейских ботинок (возьмем их в качестве примера абсурдного выбора), нам бы следовало приступить к терапевтическому экзорцизму, чтобы отделаться от этого конкретного фетиша. Но совсем другое дело — привязанность к женскому сапогу на высоком каблуке, которую и наблюдать можно гораздо чаще». В конце концов, сапог имеет не-

посредственное отношение к ноге, а нога — это «путь», ведущий к влагилицу; поэтому фетишист, испытывающий страстную привязанность к женскому сапогу, таким образом устремляется к самой женщине! Кроме того, «высокие каблуки *так* нравятся мужчинам, потому что оказывают сдерживающий эффект на женскую походку»²¹. Со своей дистанции мы можем увидеть те перекосы, которыми грешит этот анализ. Тяга к «старой паре армейских ботинок» кажется его автору «абсурдной» и нездоровой, поскольку подразумевает существование гомоэротической привязанности. Фетишизация *женского* тела и одежды и даже открытый интерес к бондажированию, напротив, выглядят в его глазах нормальными и здоровыми проявлениями сексуальности.

Отложив в сторону сомнительную брошюрку и обратившись к учебным пособиям для колледжей, мы обнаружим тенденцию говорить о фетишизме как о проблеме, актуальной только «для старшего поколения», поскольку с появлением «все больших возможностей публично демонстрировать тело такие фетиши вполне могут начать выходить из употребления»²². Однако на протяжении всего своего существования самим фетишам приходилось преодолевать нетерпимость окружающих. Чем более благожелательными становятся интонации медицинских специалистов, обращенные к фетишистам-мужчинам, тем строже и придиричвее их тон по отношению к женам этих мужчин. Отвечая на вопрос о человеке, который настаивал на том, чтобы его супруга оставалась полуодетой во время полового акта («Нуждается ли такое маниакальное поведение в психиатрическом лечении?»), ведущий одной из рубрик альманаха «Медицинские аспекты человеческой сексуальности» (*Medical Aspects of Human Sexuality*) высказался довольно резко: «Что и в самом деле требует более глубокого изучения, так это вопрос, является ли такое требование проблемой для его жены. <...> Кое-кому следовало бы поинтересоваться ее отношением к сексу». Он также посоветовал обратиться к семейному психологу, «если эта ситуация по-прежнему будет оставаться для них источником проблем»²³. Книга «Секс в жизни раскрепощенного мужчины» (*Sex and the Liberated Man*), в свою очередь, призывает супругов «уступать, хотя бы в определенных пределах»²⁴:

Это не означает, что вы должны согласиться, если ваш(а) партнер(ша) станет настаивать на том, чтобы третьим с вами в постели был боа конструктор! Разница между различными фетишами и фетишистскими действиями может быть огромной, и вы можете счесть некоторые из них скорее неприемлемыми... однако вам стоит попытаться выяснить, нет ли у вашей второй половины каких-нибудь невинных фетишей, с которыми вы также могли бы иметь дело. Если вы пойдете на это, то наверняка получите ответную благодарность. К тому же, если вы уговорите ее пойти на то, чтобы она позволила вам не отказываться от тех радостей,

которые приносят вам собственные безобидные фетиши, вы ощутите еще большую близость — и, вероятнее всего, испытаете большее возбуждение по сравнению с тем, каким оно могло бы быть [в обычных условиях]. Особенно в том случае, если кто-то из вас страдает от неких сексуальных проблем... обращение к фетишистским удовольствиям может оказаться весьма желательным для достижения максимального удовлетворения²⁵.

(Обратите внимание, автор никак не может окончательно определиться с гендерной принадлежностью супруга-фетишиста.)

Однако к концу 1970-х и в 1980-е годы произошел некий переворот как в массовом сознании, так и во взглядах специалистов в области психиатрии. Сексуальное раскрепощение оздоровило и осчастливило далеко не всех. Можно критиковать «викторианское» отношение к мастурбации и вместе с тем брезгливо обходить стороной того, кто занимается самоудовлетворением, рассматривая картинки с изображением связанных женщин и изувеченных тел. Книга Роберта Столлера «Извращение» (Perversion) оказала особое влияние на настроения профессионального сообщества психиатров. Движение в защиту женских прав также постаралось привлечь внимание к тем приемам, которые в контексте мужского сексуального поведения приводят к эксплуатации женщины или лишают ее человеческого достоинства. Повторная переоценка фетишизма, так же как и новая волна критики в адрес порнографии и любых проявлений «сексистской» эстетики, грозила привести к возникновению серьезных разногласий между призывавшими к цензурным ограничениям феминистками и радикальными сторонниками сексуальной свободы.

Больше «садо», нежели «мазо»

Мода, и в особенности модная фотография, играла важную роль в так называемых сексуальных войнах или секс/порнодебатах, которые берут начало в 1970-х годах и продолжают по сей день. Ортодоксальные феминистки обращали внимание в первую очередь на агрессивные аспекты «мужского взгляда» и на те способы, при помощи которых мода превращает женщину в «объект». Нападкам критики в основном подвергались модные течения, выдержанные в откровенно эротическом ключе, и работы модных фотографов. Но к началу 1980-х годов некоторые исследователи феминистского толка задались вопросом, можно ли так упрощенно трактовать образный строй моды²⁶. Всегда ли женщины реагируют на модные образы с пассивным нарциссизмом? Не могут ли некоторые из них (например, лесбиянки) перейти от созерцания к более активным, вызывающим и даже бунтарским формам их «потребления»? Согласно мнению Розетты Брукс, некоторые фотографы, в частности Хельмут

Ньютон, использовали условный язык порнографической фотографии таким образом, чтобы поставить под сомнение существование каких бы то ни было стереотипов, тем самым «дела[я] спорными прямые обвинения в сексизме»²⁷.

«Модный репортаж, показывающий женщин в первую очередь сексуальными, иногда до такой степени, будто они вышли из фантазий онаниста, производит эффект, суть которого в том, что он заставляет видеть такими *всех без исключения* женщин — эффект тем более мощный, поскольку он воздействует исподволь; эффект тем более опасный, поскольку его оружие — мода», — заявил модный обозреватель Колин Макдауэлл²⁸. Однако английский модельер Хелен Стори, исходя из того что любая одежда несет в себе некое гендерное послание, утверждала, что «цветастый халат от Лоры Эшли, который [служит отличительным знаком] довольной жизнью женщины, крепко привязанной к своему насиженному месту, [выглядит] куда более пугающе, чем черные сапоги из пластика»²⁹.

В 1991 году на вопрос журналистки Сары Мауэр о символическом значении ее сексуальной «бондажной» коллекции Хелен Стори без тени сомнения ответила, что в ней «больше свободы, чем ограничения» и что она рассказывает о снедающем женщину «гневе». Это заставило Сару Мауэр задуматься: «С женской точки зрения кажется, что этот новый взгляд на бондаж куда более „садо“, нежели „мазо“». Важно не забывать, добавила Мауэр, что «узы, связывающие моду и фетишизм, имеют долгую историю... [и] то, что поначалу шокирует, со временем становится общим местом... все мы прекрасно знаем, что случилось с „игривыми“ сапожками»³⁰.

Многие выдержанные в фетишистском ключе модные течения пробили себе дорогу «на глянцевые страницы, в магазины и на улицу». Так, в декабре 1987 года британский Elle вынес на обложку изображение предметов одежды из лоснящегося ПВХ, лайкры и резины. В январе следующего, 1988 года Elle продемонстрировал черный атласный корсет и кожаную юбку фасона микромини. А для февральского выпуска Elle был составлен ансамбль из резинового жакета от Estomorph и корсетно-бондажного пояса. И так далее. Конечно, «такие слова, как „фетиш“, пожалуй, [звучат] слишком прямолинейно, слишком пугающе для того, чтобы соответствовать задачам массового рынка — поэтому следует подыскать другие термины... например, „телесная осознанность“, „глянцевый шик“ или еще проще — „секси“»³¹. Сегодня, как и в 1980-е годы, вызывающие модные тенденции с ярко выраженной перверсивной составляющей достаточно часто интерпретируют всего лишь как стиль «секси».

Поскольку фетиш-мода часто делает женщину подобной доминантрикс, ее также можно рассматривать как один из подклассов «властного стиля» (power dressing), ставшего главным модным трендом 1980-х годов. «Фотографии, сделанные Хельмутом Ньютоном с семидесятых по восьмидесятые

годы, — это сильный аргумент, — сказала дизайнер Лиза Брюс в 1994 году. — Такой взгляд на женщину был весьма впечатляющим»³².

Кроме того, многих женщин привлекает образ «плохой девчонки». Американский модельер Бетси Джонсон в 1980-е годы устраивала фэшн-шоу в клубе Mudd, во время которых демонстрировала своих «плохих девчонок» за решеткой. Не так давно феминистки, организовавшие художественную выставку, использовали название «Плохие девчонки» (а не, к примеру, «Разгневанные женщины»), чтобы охарактеризовать участниц, представлявших на ней свои работы.

Многие женщины носят одежду, вызывающую те или иные ассоциации с фетишизмом. Почему они это делают — желая больше нравиться мужчинам, или потому что сами находят особую эротическую привлекательность в таких вещах, как туфли на высоком каблуке и «игривое» белье? На сегодняшний день этот вопрос по-прежнему остается открытым. Однако вполне вероятно, что сексуально-властный образ «плохой девчонки» — это именно та составляющая фетиш-моды, которая делает ее привлекательной для женщин. Это, в свою очередь, возвращает нас к вопросу о женских фетишах. Некоторые феминистки, похоже, почти на подсознательном уровне убеждены в том, что только угроза получить позорное клеймо объясняет крайнюю немногочисленность женщин-«извращенок», которые составляют самую героическую часть знающих себе цену (особенно в сравнении с серыми мышками и покорными невротичками) «плохих девчонок». При таких условиях их алчное стремление отыскать фетишисток среди женщин стало выглядеть как странная попытка «незаконно присвоить извращенные наклонности», а согласно предположению Наоми Шор, даже как «позднейшая и наиболее тонкая форма зависти к пенису»³³.

Поскольку Фрейд интерпретировал фетишизм, пользуясь терминами фаллического символизма, его часто обвиняют в «фаллоцентризме»³⁴. В глазах многих теоретиков от феминизма фетишизм выглядит как «симптом, одинаково свойственный капитализму и патриархату в своем двойственном проявлении — поклонении объектам и превращении женщин в [такие] объекты: концепция, которая, опять же, подразумевает, что фетишист — это всегда мужчина, в то время как женщина превращается в фетиш как таковой, [то есть] в совершенный объект». Впрочем, среди феминисток нашлись и те, кто предупреждал, что подобная трактовка «в конечном итоге может совсем упустить из виду присущие женщинам желания». Таким образом, обновленная теория утверждает:

...проявляя себя в рамках фаллического порядка, фетиш нарушает этот порядок, уводя сексуальность прочь от «должного»... центра притягательности — коим являются гениталии лиц противоположного пола — а в конечном итоге и прочь от гендерно маркированного тела в целом.

Он смещает сексуальность в сторону всепоглощающего интереса к фрагментарному, к неодушевленному... и коль скоро фетиш — это объект, находящийся не на своем месте, его власть вырывается за пределы иерархии «нормального». <...> Фетишизм относят к числу извращений, так как он толкает на крайности и нарушает фаллоцентрический, или пенисно-ориентированный, сексуальный порядок³⁵.

Подобные образчики феминистской критики вызывают разочарование — в первую очередь тем, как в них сочетаются язвительные замечания и идеологическое позерство. Да, женщину действительно достаточно часто рассматривают как объект — «титки и задницу» — и соответственно с ней обращаются. Да, действительно нельзя считать адекватным отношение к женщинам исключительно как к жертвенным объектам, поскольку они также являются субъектами, имеющими собственные сексуальные потребности. Однако наивно полагать, что сексуальность может быть уведена «прочь от гендерно маркированного тела». Разве мы гермафродиты? И вовсе не очевидно, что существование женщины можно изменить к лучшему, сместив сексуальность «в сторону... фрагментарного, неодушевленного». Мысль о подрыве «фаллоцентрического... сексуального порядка» пришла по душе целому ряду деятелей академической науки, вот только факты говорят о том, что сами фетишисты, как правило, чрезвычайно «пенисно-ориентированы» в своих сексуальных интересах.

Хотя женщин, которые испытывают сексуальное возбуждение (вплоть до оргазма) при взаимодействии с теми или иными предметами одежды, значительно меньше, чем мужчин, они все же существуют. Джульет Хопкинс обнародовала случай из клинической практики, в котором фигурировала шестилетняя девочка, склонная к обувному и фут-фетишизму. Правда, как сообщила сама Хопкинс, «эта девочка была психически нездорова и верила, что она мальчик»³⁶. В недавно изданной и весьма актуальной книге «Женский фетишизм» (Female Fetishism) Лорейн Гамман и Мерья Макинен приводят целый ряд реальных примеров женского фетишизма; в этой «портретной галерее» мы встречаем и семнадцатилетнюю обожательницу резинового макинтоша, и фетишистку «на почве» белых чулок, к тому же страдающую булимией. Авторы книги высказали провокационное (хотя и не вполне убедительное) предположение, что пищевые расстройства — в частности, булимию — можно рассматривать как своего рода пищевой фетишизм³⁷.

Психиатр Роберт Столлер описал нескольких фетишисток со склонностью к трансвестизму. Одна из этих женщин говорила, что ей достаточно «всего лишь переодеться в мужскую одежду», чтобы «спровоцировать оргазм», который доставляет ей «гораздо большее наслаждение», нежели половое сношение.

Она пережила свой первый оргазм в ранней юности, надев костюм своего брата: «...и когда я взглянула на себя в зеркало, я поняла, что потрясающе похожа на своего отца»³⁸. Другая женщина призналась, что еще с одиннадцатилетнего возраста ее «сексуально возбуждают» джинсы Levi's: «Когда я надеваю пару „левайсов” из голубого денима — заметьте, никакая другая мужская одежда не дает такого эффекта — я ощущаю себя более чем мужественно. Возбуждение возникает немедленно — как только я начинаю их натягивать... на бедра». Ее оргастические переживания обострились, если вдобавок к джинсам она надевала еще и сапоги³⁹.

Конечно, сегодня многие женщины носят вещи из традиционного мужского гардероба, но, как правило, делают это из практических, политических или «модных» соображений, а вовсе не из стремления получить эротическое удовлетворение, непосредственно связанное с этими предметами одежды. (Транссексуалы среди женщин встречаются значительно чаще, чем трансвеститы.) Далеки от истины те, кто утверждает, что мужчины несправедливо вешают ярлык «извращение» всякий раз, когда женщины посягают на их гардероб — даже если такое вторжение социально допустимо. По-настоящему показательны и значимы не особенности поведения как таковые, а тот смысл, который они под собой подразумевают. Женщина в платье с глубоким вырезом может иметь некоторую склонность к эксгибиционизму, но ее эксгибиционистские наклонности, определенно, отличаются от тех, что заставляют мужчину пугать прохожих, распахивая перед ними полы надетого на голое тело плаща, — хотя бы потому, что, надевая открытое платье, женщина испытывает совсем иные чувства и руководствуется совсем иными мотивами.

Нисходящая извращенность

Фетишизм совсем не то же самое, что воплощенный в отношении к одежде эротизм. Обратимся к наследию Роберта Геррика — поэта XVII столетия, которого историк моды Джеймс Лавер окрестил «первым фетишистом». В одном из стихотворений Геррика есть такие строки:

Whenas in silks my Julia goes
Then, then, methinks, how sweetly flows
The liquifaction of her clothes*.

* Из стихотворения «К платью Джулии» (Upon Julia's Clothes):

Когда б, о, Джулия, ты ни прошла, в шелка одета,
Мне тотчас чудится, как сладко, мне тотчас чудится, как влажно,
Тонуть, тонуть в водовороте твоих струящихся одежд.
(Пер. Е. Демидовой)

Однако по-настоящему поэта влекли вовсе не шелка «струящихся одежд»; описывая их, он скорее стремился воспеть шелковисто-нежное тело своей возлюбленной Джулии и томительный экстаз сексуального оргазма. Точно так же, когда он пишет: «A sweet disorder in the dress / kindles in clothes a wantonness» («Наряда милая небрежность / Что озорные язычки огня...»)*, — беспорядок в одежде возлюбленной отражает ее готовность сбросить с себя покров; это ее эротическое дезабиле является частью любовной прелюдии. И он не столько стремится погрузиться в «tempestuous petticoat» («кипенье нижних юбок»), сколько жаждет обнять саму Джулию. Возможно, Геррик и имел склонность к фетишизации, но он не был фетишистом; он всего лишь отличался повышенной восприимчивостью по отношению к некоторым (из множества других) эротическим аспектам одежды — например, к ее тактильно-чувственным свойствам, к ее месту в амурных играх и к ее двойственной роли по отношению к телу, которое она в одно и то же время должна скрывать от посторонних глаз и выставлять на всеобщее обозрение в самом выгодном свете, — причем все это может быть присуще как женскому, так и мужскому костюму.

В XVIII столетии было очень немного «настоящих» фетишистов, их число значительно увеличилось лишь после 1850 года. За последние двадцать лет историческая трактовка сексуальности, присущей человеку XIX столетия, была существенно пересмотрена. Еще в 1966 году, когда Стивен Маркус опубликовал свою работу «Другие викторианцы» (The Other Victorians), большинство исследователей увидели в описанной им картине сексуальной жизни Викторианской эпохи ханжеское лицемерие, зачастую служащее ширмой для порнографии и извращений. Однако со временем научное сообщество начало задаваться вопросом, не была ли такая интерпретация безоговорочно продиктована своекорыстием сексуальных реформ XX века — а значит, и нашими собственными предрассудками. Британский историк Майкл Мейсон извлек из документальных материалов множество свидетельств того, что ханжество в сексуальных вопросах было относительно редким явлением в Викторианскую эпоху, а также убедился, что многие женщины в те времена не только знали, что такое оргазм, но и регулярно предохранялись от нежелательной беременности. Кроме того, в контексте викторианского общества существовала самодостаточная гедонистическая прослойка, «живущая согласно кредо „fucking is the great humanizer“**»⁴⁰.

Мишель Фуко, взиравший на данный предмет с совсем иной точки зрения, также поставил под сомнение «репрессивные гипотезы», предположив,

* Здесь и далее цитата из стихотворения «Пленительность беспорядка» (Delight in Disorder). (Прим. пер.)

** «Ничто так не очеловечивает, как хорошая случка» (англ.). (Прим. пер.)

что в XIX столетии общество действительно могло по-новому оценить значимость сексуальности, что породило «подлинный дискурсивный взрыв» интереса к сексу⁴¹. Секс не просто не был запретной темой — в XIX веке о нем говорили (выражаясь современным языком, «полемизировали») как никогда прежде. Однако люди не просто «говорили о сексе».

Французский историк Ален Корбен, по сути, доказал, что отношение общества к сексуальности постепенно претерпевало изменения на протяжении всего периода между 1850 годом и началом Первой мировой войны — в частности, в том, что касалось растущей потребности в «изошренном эротизме». Он даже не побоялся сравнить сексуальную культуру конца XIX столетия с сексуальной культурой 1970-х годов: «...точно так же как в 1970-е можно было наблюдать, как общество наводняет эротические образы... журналы и гаджеты, последние десятилетия XIX века, несмотря на все законодательные потуги... озаменовались массовым распространением... склонностей, фантазий и техник, которые прежде существовали лишь в узких рамках аристократического эротизма»⁴².

Согласно его утверждению, извращения начали «просачиваться» внутрь буржуазной и даже рабочей классовой прослойки. Люди больше не хотели довольствоваться быстрым удовлетворением генитальных потребностей; клиенты публичных домов требовали экзотики, в частности, их стала привлекать фелляция, к которой еще недавно относились с таким отвращением, что проститутка, занимавшаяся оральным сексом, становилась парией даже в борделе и не имела права есть за общим столом. Однако в конце XIX столетия публичные дома уже нанимали на работу «специалистов», чтобы обучать девиц тонкостям орального секса.

Кроме того, проститутки стали все чаще использовать фантазийные или тематические костюмы: особо востребованными были «невесты» и «монашки», а также «школьницы» и «горничные». Другие жрицы любви наряжались в роскошные negligé. Нагота также пользовалась спросом; и проститутки, занятые в живых картинах с лесбийскими сюжетами, устраивали свои представления на фоне «черного бархатного занавеса или в комнатах, задрапированных черным атласом, ярко оттенявшим белизну их тел»⁴³. (Рихард фон Крафт-Эбинг также отмечал, что некоторые «мужчины, приходя в бордели, требуют, чтобы женщины... наряжались определенным образом, например в балетных танцовщиц или монахинь и т.п.; поэтому... эти заведения обеспечены гардеробом на все случаи жизни»⁴⁴.) Как пишет Корбен, садомазохистские инсценировки, групповой секс и вуайеризм стали гвоздем программы во многих публичных домах. Подобные практики приносили в сексуальную сферу театральность и зрелищность, что вполне могло способствовать появлению и широкому распространению особых сексуальных фетишей, тесно связанных с визуальным стимулированием и ролевыми играми.

Почему эта сексуальная революция должна была стать результатом стечения множества социальных и культурных факторов? Корбен указывает на то, что процесс увеличения уровня благосостояния, распространявшийся все дальше вниз по социальной лестнице, привел к изменению потребительских стереотипов, касавшихся «преступного» секса, что роднит его с более тривиальными сферами, такими как рынок пищевых продуктов (приобщение масс к гастрономическим изыскам) и одежды (демократизация моды). Становление феминизма (в частности, второстепенный дискурс на тему сексуальной эмансипации женщин) также играло свою роль в постепенной визуализации сексуальности на протяжении всей последней четверти XIX столетия. Однако особую значимость имело распространение *scientia sexualis** и то, какие плоды эти семена новых знаний о сексуальности приносили в сознании уже взрослых людей⁴⁵.

Какой была в те времена наука о сексе? Ограничивалась ли она описанием поведенческих особенностей? Или, заручившись поддержкой психиатрии, действовала в репрессивном ключе, стремясь заклеить позором и выжечь каленым железом «извращенную» сексуальность? Исследователей, стоявших у истоков сексологии, в частности Крафт-Эбинга, упрекали в том, что они видели в людях с необычными сексуальными наклонностями горстку «пьющих кровь, поедающих дерьмо, уродующих трупы извращенцев»⁴⁶. Да, Крафт-Эбинг слишком часто обращал внимание на «криминальные» и «патологические» аспекты фетишизма — с этим не поспоришь. И методологические перегибы, судя по всему, имели место: фетишистов, обращавшихся за лечением по доброй воле и собственному почину, были считанные единицы; многие из тех, чьи имена впоследствии вошли в историю психиатрии, сперва подвергались аресту — как правило, за кражу предметов, являвшихся для них фетиш-объектами, но иногда и за насильственные действия, которые сегодня мы, скорее всего, назвали бы сексуальными домогательствами (например, за попытку отрезать у женщины прядь волос или отхватить ножом лоскут от ее шелкового платья). Хавелок Эллис, проводивший опросы среди людей своего круга, исповедовал более романтический или секс-позитивистский подход, утверждая, что «эротический фетишизм» имеет «естественные основания» и в нем проявляется присущая человеку способность создавать символы и наделять объекты «смысловым содержанием»⁴⁷. Но какими бы ни были профессиональные предубеждения первых сексологов, их несомненная заслуга состоит в том, что им удалось собрать информацию о великом множестве возможных вариантов проявления человеческой сексуальности.

* Наука (знания) о сексе (лат.). (Прим. пер.)

Поэт-битник Аллен Гинзберг в интервью *New York Times* признался, что труды Крафт-Эбинга были первой «запрещенной книгой» из всех, что он прочитал в своей жизни, «с радостью открывая для себя реальные истории подобные моей»⁴⁸. Можно подумать, что фетишизм возник как составляющая часть сексуальной «революции» XIX столетия. Хотя он не был абсолютно новым явлением — «извращенность», присущая аристократии еще в XVIII веке, «проделала путь по нисходящей». И также нельзя сказать, что это явление, к которому специалисты того времени лишь по ошибке или в силу ограниченности своих знаний прилепили ярлык «патологическое». Процесс «навешивания ярлыков», сопутствовавший развитию современной психологии сексуального поведения, по времени совпал с важным, хотя и неоднозначным этапом постепенного становления фетишистского самосознания.

Сексуальная привлекательность товара

«Мода предписывает [соблюдать] ритуал, в котором поклонения требует фетиш товара», — заявил марксист и теоретик литературы Вальтер Беньямин. Использование слов «ритуал» и «поклонение» возвращает нас к антропологическому дискурсу о фетишизме. Но Беньямин также прибегает к метафоре эротического характера, сравнивая фетишизм с «сексуальной привлекательностью товара»⁴⁹. Как мы уже знаем, последователи Фрейда утверждают, что фетишисты «поклоняются» той власти, которую они неосознанно приписывают тем или иным объектам (например, женским туфлям); марксисты, в свою очередь, настаивают на том, что дезориентированные в своей разобщенности рабочие «суеверно» благоговеют перед «идолами», которых создают собственными руками. Даже экономисты порой обращаются к метафорам, достойным семейной эпопеи: мода — «любимое дитя капитализма»⁵⁰.

Современные интеллектуалы, пишущие о фетишизме, охотно эксплуатируют оба источника — и теорию психоанализа, и марксистскую трактовку; хотя и выборочно, стараясь никак не ссылаться на недавно опубликованные работы практикующих врачей и не сталкивать лбами, к примеру, лаканианский анализ фаллического означающего и неомарксистское прочтение товарного фетишизма. Самопровозглашенная фетишистка Пэт Калифа не скрывала своего пренебрежительного отношения к научным теориям левого толка, воздавая должное капиталистическому предпринимательству, побуждающему пуританское общество обеспечивать заинтересованных потребителей фетишистской одеждой и экипировкой (хотя при этом она открыто критиковала предпринимчивых «чужаков», которые наживались за счет сообщества «сексуальных эксцентриков», но не горели желанием вкладывать капитал в его дальнейшее процветание). Производство, продажа и культурная значимость фетишист-

ских товаров — тема, слишком обширная для того, чтобы ее можно было должным образом осветить в рамках данного исследования, но все же мы не можем обойти ее стороной, не сказав хотя бы нескольких слов.

С момента опубликования «Капитала» идея товарного фетишизма подверглась существенной переработке. Если для Маркса основной интерес представляло товарное производство, то другие мыслители, такие как социолог Торстейн Веблен, обращали особое внимание на «показное потребление» товаров, повышающих «престиж» своих владельцев (к их числу, конечно же, относятся и предметы одежды). Венгерский философ-марксист Дьёрдь Лукач продвинул анализ товарного фетишизма еще на шаг вперед, предложив свою концепцию «овеществления», описывающую, каким образом капитализм превращает в абстракцию и вещи, и самих людей. Сравнительно недавно культурологи, в частности Джудит Уильямсон, автор книги «Расшифровка рекламы» (*Decoding Advertisements*), обратились к семиотическому подходу, чтобы выяснить, какие языковые средства и визуальные образы позволяют рекламе превращать в фетиши те или иные товары: например, что делает бриллиант символом любви. А в посвященных товарному фетишизму работах Жана Бодрийяра еще острее подчеркнута подрывающая традиционную марксистскую трактовку мысль об автономии знака⁵¹.

Меж тем некоторые феминистки попытались проанализировать «фетишизированные» женские образы, растиражированные и ставшие вполне обыденными в контексте капиталистического общества. Бесспорно, «сексуально-эротические коды были превращены в товар в двадцатом столетии, и... этот „потребительский фетишизм эротического“ обладает проникновенными выразительными средствами». И все же, как заметили Лорейн Гамман и Мерья Макинен в книге «Женский фетишизм», критики от феминизма могут ошибаться, видя в этом «сексуальный фетишизм», который непременно позиционирует женщину как объект или как жертву. Они обращают внимание на то, что «образы зачастую бывают ироничными и могут пониматься по-разному» в зависимости от многих изменчивых факторов, включая (постоянно меняющийся) культурный контекст⁵². В качестве «иллюстрации» они взяли тот же пример, что и я, — Эмму Пил из телесериала «Мстители», которую многие зрительницы считают одновременно сексуальной и сильной женщиной.

Однако давайте оставим в покое абстрактные образы и вернемся к вполне осязаемым товарам.

До тех пор пока не было налажено коммерческое производство фетишистской атрибутики и предметов одежды, каждый нуждающийся в них индивид создавал собственные уникальные фетиш-объекты — точно так же как и собственную порнографическую продукцию. Но на рубеже XIX–XX веков некоторым предприимчивым людям удалось основать собственный бизнес,

изготавливая и продавая фетиш-объекты — главным образом корсеты и обувь, то есть те вещи, которые трудно сделать собственными руками в домашних условиях. Приверженцы до сих пор с ностальгической нежностью вспоминают знаменитое лондонское ателье Bottier*. В 1940-е и 1950-е годы обувь в фетишистском духе — на платформе и непомерно высоком каблуке — изготавливали также в парижском Maniatis и лондонском Cover Girl. Однако в 1970-е годы большая часть фетиш-обуви производилась анонимно. На ней не было фирменных ярлыков или клейма производителя, и вполне возможно, что заинтересованные лица шили ее по индивидуальному заказу у самых обычных, ничем не выдающихся (но толерантно настроенных) обувщиков.

К производителям и дистрибьюторам фетишистской атрибутики и предметов одежды время от времени применялись те же правовые санкции, что и к распространителям порнографии. (В 1960-е годы несколько британских компаний, занимавшихся изготовлением одежды из резины и кожи, были привлечены к суду.) Ситуация была в определенном смысле куда более благоприятной в начале XX века, когда представители властей, по-видимому, не находили ничего «сексуального» в делах, связанных с фетишизмом, поскольку в них в основном фигурировали объекты и ритуалы и не так уж часто упоминались нагота и половые сношения.

В период с 1923 по 1940 год журнал London Life (пожалуй, самое влиятельное в XX столетии периодическое издание для фетишистов) во множестве публиковал «скандальные» отзывы своих читателей об обуви на высоком каблуке и корсетах (предназначенных как для мужчин, так и для женщин), боди-пирсинге, экспериментах с переодеванием, телесных наказаниях, а также материалы на смежные темы. Это было то самое время, когда в Великобритании действовал официальный запрет на публикацию «научной» литературы о сексе (в частности, он распространялся на труды Хавелока Эллиса). В London Life можно было найти рекламу обуви (на «семидюймовом каблуке») и корсетов («тугая шнуровка — это наш профиль»). Например, некий Лоуренс Лентон с Крукхем-роуд, 27а, Лондон, предлагал всем желающим «изготовленные по всем правилам мужские корсеты»⁵³. Коммерциализация сексуального фетишизма, возможно, сыграла свою роль в популяризации других форм неосексуальности, но отнюдь не породила их. Противозачаточные средства, афродизиаки, аборт и фривольные «французские открытки» существовали задолго до того, как начался этот процесс, и их рекламу мы также видим на страницах London Life. Судя по всему, производители одежды на удивление медленно реагировали на реальные запросы фетишистов, из-за чего те часто жаловались, что им трудно раздобыть вещи, о которых они грезят.

* «Обувщик» (фр.). (Прим. пер.)

Можно предположить, что некоторые из корсетье, обувщиков и рабберитье (rubberite)*, обслуживавших фетишистский рынок, и сами относились к числу приверженцев. Так, о Мадам Кейн (Madame Kayne) говорят, что она была обожательницей тугих корсетов. (Сама она утверждала, что в конце XIX века в моде была талия объемом от 14 до 18 дюймов**, «а многие юные леди похвалялись, что у них она еще меньше».) В 1930-е годы она была главным специалистом по «старомодной осанке с подтянутой талией» не только у дам, но и у «господ». «Все корсеты прекрасно держат форму» — обещала ее реклама. Кроме того, она торговала шелковым и атласным бельем, а также прорезиненными панталонами, пижамами и даже резиновыми «бюстами»⁵⁴.

«Поклонники Тончайшей Талии, Высокого Каблука, Колечка-в-Ухе и какого угодно числа иных и[м] [sic!] материальных объектов — вот они, фетишисты; и кого ни возьми, каждый принадлежит к интеллектуальной верхушке общества», — утверждал некто Cosmopolite в 1911 году в статье, озаглавленной «Очарование фетиша» (The Fascination of the Fetish)⁵⁵. Затянутая в корсет талия, высокий каблук и боди-пирсинг были (и по-прежнему остаются) тремя наиболее популярными фетишами. Пристрастие к ним, как правило, ни в коей мере не отражало модные тенденции текущего периода — и определенно не являлось частью мужского модного стиля. Но у приверженцев, судя по всему, тем не менее была возможность обзавестись теми вещами, о которых они мечтали.

После Второй мировой войны консервативная атмосфера настолько стухла, что отдельным фетишистам пришлось «уйти в подполье». И это при том, что модный мейнстрим 1950-х годов вобрал в себя целый ряд «фетишистских» элементов. В частности, «изобретенный» Кристианом Диором и представленный публике в 1947 году стиль ню-лук возродил — пусть и в несколько видоизмененном варианте — моду на корсетные изделия. Помимо корректирующего белья (представленного силуэтами «осиная талия» и «веселая вдова»), в моде того времени погоду делали туфли на шпильке, нижние юбки и бюстгальтеры с заостренными чашечками. Оглядываясь в прошлое, последующие поколения фетишистов видят в 1950-х годах своего рода «серебряный век» фетишизма, уступающий лишь золотому веку Викторианской эпохи.

Однако новые ультраженственные направления в моде обязаны своим рождением «мистическому обаянию женственности» (а не расцвету фетишизма). Свою лепту также внесли структурные изменения внутри модной системы (в первую очередь развитие массовых направлений моды) и политические события, особенно холодная война, которая всколыхнула в обществе волну

* Мастер, специализирующийся на изготовлении одежды и аксессуаров из резины (от англ. rubber — «резина»). (Прим. пер.)

** Приблизительно от 35 до 45 см. (Прим. пер.)

ностальгии по прошлому, в том числе по традиционным гендерным ролям и символам. Профессиональный интерес психиатров к фетишизму достиг нового пика в 1950-х годах, что, впрочем, не ознаменовалось каким-либо концептуальным прогрессом. Эпоха гомофобии заразила своими настроениями психиатрическую трактовку фетишизма, поэтому чаще всего из уст профессионалов можно было услышать рекомендацию «кардинально изменить поведение».

Меж тем, какими бы драматическими ни были коллизии, изменившие облик моды — от андрогинного стиля 1920-х годов до гендерно стереотипных тенденций 1950-х, приверженцы всегда хранили верность классическим фетишам. В 1950-е годы *Biz-zarre Club* периодически выпускал отпечатанное на мимеографе приложение, в котором публиковались письма читателей, тем самым продолжая традицию, основанную довоенным *London Life*. Некий мужчина писал: «Я люблю тугие корсеты [и] ультравысокие каблуки... а мое лицо ярко накрашено». Другой признавался в любви к «прекрасному женскому белью, особенно относящемуся к периоду 1900–1920 [годов]»; этот корреспондент также «весьма интересовался тугим шнурованием»⁵⁶.

Совсем иной представляется ситуация в 1980-е годы, когда британские журналисты оповестили всех о том, что «быть сексуально экстравагантным круто — фетишизм снова в моде». А ведь в 1970-е годы даже истинные приверженцы «ограничивающей» и «защитной» одежды не решались появляться на публике в нарядах, которые они покупали у таких производителей, как *Sealwear* (фирма, специализирующаяся на резиновых изделиях) и Джон Сатклиф из *Atomage* (создававший эксклюзивные изделия из кожи по индивидуальному заказу). Переломный момент наступил в 1983 году, когда открылись первые модные фетиш-клубы, где постоянно собиралась разношерстная компания, состоявшая из старых приверженцев и молодых людей, которым всего лишь хотелось «быть в тренде»⁵⁷.

Современный уличный стиль складывается из всего, что в него приносят разношерстные «стилевые популяции». В 1980-е годы возникли и быстро разрослись новые модные кланы. «Готы унаследовали от панков интерес к фетишизму и перевели его на язык более изящного, экстравагантного стиля», — вспоминает Тед Полимус. Затем пришло время первертов, которые явно находились под влиянием поздних стиливых популяций (в частности, киберпанков) и моды как таковой. Среди первертов практически не было «настоящих» фетишистов, хотя они и рядились в излюбленные фетиш-материалы (в частности, в резину) и охотно «присваивали» такие классические гардеробные фетиши, как корсеты и экстравагантная обувь. В их число входили некоторые поп-музыканты, дизайнеры с альтернативными взглядами на моду (например, Пэм Хогг и Кристина Китсис), а также клубные законодатели мод⁵⁸. Сегодня «фетиш-тусовка», или «первертный мир», — это интернациональный

феномен. На данную группу потребителей работает множество компаний, занимающихся разработкой и производством предметов одежды; в их число, в частности, входят Axford (корсеты), Ectomorph (резина и предметы одежды из мокрых на вид тканей) и Ritual (обувь на шпильке). Магазины, торгующие разнообразной фетиш-продукцией, есть в Австралии, Дании, Франции, Германии, Голландии, Японии, Швейцарии и на всей территории Соединенных Штатов (к примеру, Сиэтл является центром культа «садо-мазо», а в Атланте отовариваются трансвеститы.)

Капитализм, определенно, сыграл свою роль в становлении и популяризации вдохновленной фетишизмом моды — во-первых, потому что импульс к развитию моды как таковой дал именно расцвет капитализма; а во-вторых, потому что модная индустрия не так давно похитила и присвоила великое множество предметов из фетишистского гардероба. Однако это лишь часть процесса, носящего более общий характер, — процесса, в ходе которого субкультурные стили ассимилируются в модный мейнстрим, предварительно пройдя через руки мелких производителей, работающих на «странную публику». Как только некий гардеробный фетиш или фетишистский образ становится явным «фактором стиля» в среде трендсеттеров, его тут же берут в оборот знаменитые на весь мир модные дизайнеры, чьи творения, в свою очередь, становятся прототипами для куда более дешевых (во всех отношениях) изделий, которые в скором времени наводняют массовый рынок одежды.

«Мода — это сравнительный оборот, в котором фетишизм играет роль суперлатива», — таково мнение специалиста в области истории костюма Джеймса Лавера⁵⁹. Как и множество других высказанных им «великих мыслей», это заявление чересчур упрощает истинное положение вещей, хотя и несет в себе зерно истины. Конечно, семидюймовый каблук туфли-фетиша можно назвать гиперболой или утрированной интерпретацией обычного высокого каблука, но этим его значение отнюдь не исчерпывается. Даже в тех случаях, когда модельеры с той или иной степенью осознанности воспроизводят порожденные фетишизмом образы, создаваемые ими предметы одежды в результате обретают совсем иное значение, которое может меняться в зависимости от конкретной ситуации и вовлеченных в ее коллизии действующих лиц.

Корсет

Как напоминает нам Мишель Фуко, человеческое тело привыкло быть объектом для различных проявлений «дисциплинарной власти». Властные отношения «обогащают его, оставляют на нем свои отметины, закаляют его, терзают его, помыкают им... чтобы от него исходили знаки»¹. Многие мыслители феминистского толка утверждали, что женское тело (в особенности) долгое время являлось ареной, где властвовали дисциплинарные режимы, изобретенные специально для того, чтобы сделать женщин покорными и «феминными»; к их числу сторонники данной точки зрения относили диеты и традиционное женское платье. В подобном контексте корсет не может рассматриваться иначе как инструмент физического подавления и сексуальной меркантилизации. Однако многие воздавали и воздают должное эротической привлекательности корсета, а искусствовед Дэвид Кунцле даже осмелился предположить, что любительницами тугого утягивания XIX столетия были сексуально раскрепощенные фетишистки, искавшие физического наслаждения в объятиях корсета и весьма далекие от мысли о том, что корсет каким-то образом их «угнетает»².

«Утягивание ради удовольствия?» — однажды задала вопрос *New York Times*. «Спор о том, что есть корсет — нежные объятия или душный застенок, может вот-вот разразиться вновь, поскольку новомодные корсеты, увиденные нами в недавно представленных курортных коллекциях, уже появляются на улицах»³. «Вдохните поглубже», — советовал *Vogue*⁴. Второе пришествие корсета (в качестве корректирующего белья и модной детали верхней одежды) указывает на то, что смысловое значение одежды находится в процессе постоянного переосмысления. В этой главе мы обратимся к прошлому и настоящему корсетных изделий, опираясь на ключевые понятия «мода», «фетиш» и «фантазия».

Позволю себе небольшое отступление личного характера. Некоторые члены *London Life League*^{*}, организации, объединяющей приверженцев корсета, убеждены, что я «против корсета» — отчасти потому, что посвященная этому предмету литература вызывает у меня слишком много вопросов. Кроме того, я использую слово «фетишизм», которое, согласно положениям Лиги,

* В дословном переводе с английского — Лига лондонской жизни. (Прим. пер.)

подвергает «многих невинных людей риску быть заклеяменными совершенно незаслуженной печатью позора»⁵. С другой стороны, найдутся светлые академические головы, в которых укоренилась мысль, что я «за корсет» (и рьяно поддерживаю идею пытки корсетом) — поскольку открыто признаю, что ношение корсета вызывает определенные эротические ассоциации и что слухи о связанных с этим опасностях сильно преувеличены. Однако я хотела бы подчеркнуть, что сама никогда не выступаю ни за, ни против какого-либо предмета одежды — и к тому же прекрасно осознаю, что сарториальные пристрастия могут иметь множество разных значений.

Приверженцы тугого корсета

Корсет и туфли были первыми предметами гардероба, к которым стали относиться как к фетишам; и по сей день корсет остается одной из ключевых деталей фетиш-моды⁶. Однако чрезвычайно важно провести различия между обычной *модой* на корсетные изделия (которой следовало большинство дам в XIX веке) и существенно отличающейся от нее и известной очень ограниченному кругу людей *фетишистской* практикой тугого шнурования, зачастую сопряженной с садомазохизмом и трансвестизмом. Хотя подавляющее большинство женщин в Викторианскую эпоху носили корсеты, охотниц утягивать талию до шестнадцати дюймов среди них было не больше, чем наших современниц, желающих и умеющих носить туфли-фетиши на семидюймовых каблуках.

Журналистка Сьюзен Фалуди смешивает понятия «мода» и «фетишизм», когда пишет: «Викторианские торговцы одеждой были первыми, кто еще до возникновения массового рынка... нижнего белья превратил корсеты в фетиш»⁷. Но корсетный фетишизм никогда не имел отношения к массовому рынку. И можно было пересчитать по пальцам тех мастеров, что снабжали «фетишистский рынок», занимаясь изготовлением необычайно узких корсетов как для женщин, так и для мужчин.

Ни один другой предмет одежды не вызывал такого количества споров, как корсет. Этому способствовали две основные причины: первая — медицинского характера, вторая — связанная со смысловым (в первую очередь, сексуальным) подтекстом. Обзор посвященной «проблеме корсета» медицинской литературы не входит в мою задачу, ограниченную тематическими рамками этой книги, однако замечу, что совместно с доктором медицины Линн Кутче мы обнаружили, что сведения о якобы спровоцированных ношением корсета заболеваниях в большинстве своем либо несостоятельны по сути, либо носят явно преувеличенный характер. Также нет никаких исторических свидетельств, подтверждающих расхожие слухи о том, что женщины Викторианской

эпохи страдали от смещения ребер. Исключительно наивной представляется мне и трактовка текстовых источников. Вот что пишет все та же Фалуди:

Стоило модной индустрии забуксовать, и она тут же обращалась к производству насильственно стесняющих тело одежд, а модная пресса заботилась о том, чтобы женщины их носили. «Если вы хотите, чтобы девочка выросла кроткой и женственной в своих помыслах и поступках, потуже затягивайте на ней шнуровку», — советовал один из множества почитателей корсета со страниц одного поздневикторианского издания⁸.

Пресловутый совет «потуже затягивать на ней шнуровку» часто цитировали как «доказательство» того, что девушки и женщины Викторианской эпохи были вынуждены постоянно терпеть болезненную, «ребродробительную» процедуру тугого шнурования, которая составляла часть целенаправленной политики притеснения женской части населения. Однако стоит заметить, что данная цитата заимствована, пожалуй, из самого сомнительного источника, какой только можно вообразить, — скандально известной «корсетной корреспонденции», публиковавшейся *Englishwoman's Domestic Magazine* (далее — EDM).

В период с 1867 по 1874 год EDM обнародовал на своих страницах не одну сотню писем, посвященных корсетам и практике тугого шнурования, многие из которых были выдержаны в откровенно садомазохистском тоне. Там же можно было найти письма и на другие животрепещущие темы — например, как лучше высечь девчонку или пришпорить леди-наездницу. Многие историки, не потрудившись критически оценить информацию, слишком буквально восприняли причудливые заметки из EDM и сочли их достаточным доказательством существования широко распространенной практики «истязания корсетом» на протяжении всей Викторианской эпохи. Однако Фалуди, судя по всему, даже не удосужилась ознакомиться непосредственно с журнальной публикацией корреспонденции на страницах EDM. Вместо этого она обратилась к другому источнику информации о корсетах и корсетном деле — моей книге «Мода и эротизм», откуда она надергала отдельных цитат из писем некоего Моралиста⁹. И хотя это меня не особо удивило, я все же была весьма раздосадована тем, насколько ей удалось (вольно или невольно) извратить смысл представленных мной исторических свидетельств.

Охарактеризовать Моралиста как «одного из множества почитателей корсета [дающих советы] со страниц одного поздневикторианского издания» мог только человек, пребывающий в глубоком заблуждении, поскольку в XIX веке тугое шнурование почти повсеместно было предано анафеме. Так что корреспонденты, присылавшие письма в EDM, и их будущие «преемники» поступали в высшей степени необычно, оправдывая и пропагандируя эту практику.

Вырванное из контекста, письмо Моралиста действительно звучит как призыв к угнетению женщины и использованию корсета в качестве инструмента подавления. Но если перечитать его, поставив в один ряд с другими заметками на ту же тему, приверженность Моралиста к «почитанию корсета» предстанет перед нами в совершенно ином свете и обретет иной смысл¹⁰.

Безусловно, у людей, присылавших письма в EDM, были совсем иные приоритеты, нежели у взрослых женщин в Викторианскую эпоху. Занимавшие их вопросы можно разделить на три категории: 1) телесная модификация в ее крайних проявлениях, включая ношение туго затянутого корсета денно и ночно; 2) садомазохистское наслаждение болью и привязанность к эротическим сценариям, подразумевающим доминирование и подчинение; 3) использование корсета в качестве необходимого элемента при переодевании (трансвестизм). Факир Мусафар, также известный под прозвищем «the Ol' Corsetier» — «Старик Корсетьер», пожалуй, самый знаменитый из всех ныне живущих приверженцев корсета. Он говорит, что постигал таинства тугого шнурования, в том числе читая такие источники, как EDM, который «следовал вполне фетишистской концепции»¹¹.

Если верить EDM, самопровозглашенные «приверженцы тугого шнурования» добивались с его помощью невероятных результатов, делая талию экстремально тонкой. Другие «фетишистские» издания также утверждали, что молодая дама при желании способна уменьшить объем своей талии аж до 10 дюймов*. Например, некая Нелли Дж., пятнадцатилетняя девушка, якобы уменьшила свою талию с 20 до 16 дюймов путем круглосуточного ношения тугого корсета¹². В еще большую крайность впала «Берта Дж., талия 11 дюймов, возраст 15 лет», которую лицемерно называли «маленькой страдальцей»¹³. При упоминании подобных персонажей у современной аудитории, как правило, дух захватывает от ужаса. Среди этих людей, уже давно привыкших верить в (вымышленные автором) «16 дюймов» Скарлетт О'Хары, редко найдется здравомыслящий скептик, готовый усомниться в том, что такие и еще большие крайности и претензии имели место в действительности. Но письма почитателей тугих корсетов далеко не всегда правдивы. Когда я привела известного корсетье Перла в Институт костюма при Метрополитен-музее, он был заметно разочарован, поскольку обнаружил, что очень немногие из увиденных нами корсетов так же миниатюрны, как его собственные — с 19-дюймовым каркасом¹⁴.

В рекламных объявлениях чаще всего упоминаются корсеты объемом от 18 до 30 дюймов. Более свободные корсеты — от 31 до 36 дюймов также были широко доступны, а в некоторых объявлениях упоминаются размеры от 37 дюймов и более. Изучив сотни рекламных объявлений, я не насчитала

* Около 25,5 см (1 дюйм равен 2,54 см). (Прим. пер.)

хотя бы поддюжины упоминаний корсетов объемом менее 18 дюймов. Только в одной рекламе «корсетов, делающих талию очень миниатюрной» приведены цифры «от 15 до 26 дюймов» — вполне возможно, что она была рассчитана на клиентов из числа приверженцев тугого шнурования. Тончайшая талия, то и дело упоминающаяся в таких источниках, как EDM, вовсе не была «характерной чертой» женщин Викторианской эпохи. Тем не менее скандальная известность корреспонденции, приходившей на адрес этого издания, оказалась столь велика, что на выставке, которую Институт костюма при Метрополитен-музее посвятил викторианской моде, в качестве сопроводительных текстов рядом с витринами, где выставлялись корсеты, были использованы цитаты из писем читателей EDM.

Учитывая, что человеческое поведение допускает самые разные крайности, я не берусь утверждать, что такого чуда, как талия 16 дюймов в обхвате, никогда не существовало. Напротив, я наверняка знаю, что такая и даже бо́льшая миниатюрность талии достижима, причем не только теоретически, но и на практике — и тому есть вполне современные живые примеры, с которыми я обязательно вас познакомлю. Однако исторические свидетельства говорят о том, что в былые времена, как и сегодня, столь крошечная талия была бо́льшой редкостью. Поэтому я считаю, что настало время развеять «миф о 16 дюймах», долгое время служивший краеугольным камнем, на котором держались наши представления о женщине XIX столетия.

В 1994 году журнал *Verbal Abuse* опубликовал интервью с Перлом, которое у него взяла доминантрикс Госпожа Ангельская задница (*Mistress Angel Stern*), видевшая «в пристрастии к корсету фетиш числа и размера». На это Перл ответил, что «для размера талии магическое число — восемнадцать. Любое число меньше восемнадцати производит потрясающе впечатление — да, я бы сказал, магическое»¹⁵.

Ставший ключевой фигурой в мире телесной модификации Факир Мусафар, которого Перл называет своим кумиром, выделяет «три основных типа людей», которые в наше время носят корсеты¹⁶. Первые — те, кого он называет «корсетными нонконформистами»; они желают «изменить форму тела... и достичь какого-либо эстетического идеала». (По-видимому, именно к этой категории он относит себя.) Вторые — это «корсетные идентификационисты», которые отождествляют корсет с «женственностью и женским нижним бельем». Они далеко не всегда заинтересованы в том, чтобы «вылепить тело» (то есть их не особо привлекает собственно шнурование) — «надевая корсет, они, очевидно, подвергают себя своеобразной гендерной трансформации». (И хотя он не заостряет на этом внимания, нетрудно понять, что под эту категорию подпадает множество трансвеститов.) Третьи — «корсетные мазохисты», которые используют тугое шнурование, «чтобы создать эротический дискомфорт»¹⁷.

Существуют многочисленные точки пересечения, объединяющие все три названные категории; в то же время некоторые люди по-настоящему не подходят ни под одну из них. Кроме того, конечно же, нельзя сбрасывать со счетов обычных последователей «корсетной» моды, хотя сегодня их значительно меньше, чем в XIX веке.

Дисциплина и наказание

«Кто-то может вообразить, что в мире ролевых игр в жанре садо-мазо человек в корсете всегда выступает покорным рабом», — пишет Стефани Джонс. Но это не так; символика корсета куда как сложнее. Некоторые садомазохисты убеждены, что кожаный корсет имеет право носить только тот, кто доминирует, а корсет из резины — только тот, кто подчиняется; однако другие настаивают на том, что корсеты не имеют столь «жестко predetermined сексуальной „окраски“». Значение корсета задается контекстом: «Доминантрикс носит свой корсет как доспехи, его крутые и строго очерченные изгибы — это высшая степень сексуальной насмешки в адрес раба, которому дозволено смотреть, но не прикасаться. <...> С другой стороны, раба заставляют носить корсет как наказание»¹⁸. Облаченная в корсет госпожа производит впечатление «непробиваемой»/«непроницаемой». В противоположность этому корсет, предназначенный для раба, одновременно и олицетворяет, и вызывает ощущение «порядка» и «зависимости». По этой причине корсет часто используют при «трансформации мужчины в шимейл (англ. she-male)». Это потворствует его желанию выглядеть как женщина и одновременно служит ему наказанием, тем самым смягчая в нем чувство вины¹⁹.

Эротическая притягательность корсета может быть связана с «загадкой женщины» — такое предположение высказал труженик секс-индустрии Алексис Девилль. «Я знаю лишь, что, если на сцене я одет в корсет, у меня получается изображать раба лучше, чем когда он на мне не надет»²⁰. С точки зрения «мазохистов», «даже умеренно затянутый корсет оказывает восхитительно негативное воздействие на мобильность, равновесие и физическую устойчивость того, на ком он надет». Однако Факир Мусафар в статье о безопасных корсетных техниках для садомазохистов делает акцент на том, что «корсет — это часть снаряжения, к которому предъявляются свои требования качества и безопасности, точно так же как и ко многим другим составляющим садомазохистской амуниции. <...> Не так уж много предосторожностей необходимо соблюдать, разыгрывая садомазохистские сцены с участием тугих корсетов»²¹.

В фетишистской литературе XIX столетия не употребляется ни слово «раб», ни слово «садомазохист», зато многие опубликованные в EDM письма пестрят такими словами, как «дисциплина», «заточение», «принуждение», «страдание»,

«боль», «мука», «агония», «покорность» и «жертва». Некоторым корреспондентам было недостаточно миниатюрного размера талии как такового: они утверждали, что «[как минимум] наполовину очарование тонкой талии возникает не вопреки, но благодаря тому, что она туго затянута» — «чем туже, тем лучше». «Правильно применяемое ограничение уже само по себе привлекательно»²². (Это должно было звучать *в высшей степени* необычно в более широком контексте викторианской культуры, отдающей несомненное предпочтение талии, тонкой «от природы», в сравнении с ее созданной при помощи корсета «копией».)

Некоторые преданные поклонники корсета, в частности некий Альфред, с садистским удовольствием представляли себе ставших жертвами корсета женщин:

Для меня есть что-то необычайно привлекательное в мысли о том, что юная девушка долгие годы была приучена к строжайшей дисциплине корсета. Если она страдала (в чем я ничуть не сомневаюсь) от сильнейшей боли... вызванной его невыносимым давлением, это должно полностью окупаться в ее глазах тем восхищением, которое вызывает ее фигура²³.

Но не менее обычным делом для корреспондентов EDM и подобных ему изданий было воображать и живописать, как руки властных женщин затягивают в корсеты мужчин и мальчиков. Других это воодушевляло на то, чтобы примерить роль жертвы и подвергнуть себя мучениям. Один мужчина написал в журнал «Современное общество» (Modern Society) в 1909 году: «Меня убедили... приобрести парочку корсетов от Tortured Victim* с талией в семнадцать дюймов»²⁴.

Крафт-Эбинг упоминает в своих трудах человека, получавшего удовольствие от «боли при тугом шнуровании, которую испытывал сам или заставлял испытывать женщин»²⁵. Другой ведущий сексолог начала XX века — Вильгельм Штекель описал несколько подобных случаев, в том числе и «респектабельного» женатого мужчину, который затягивал себя в корсет, переодевался в женское платье и носил женские туфли на высоком каблуке, причем они были ему настолько малы, что он начинал заметно прихрамывать: «Это действительно выглядело так, как будто физическая боль была неотъемлемой частью переживаемого им блаженства, и он упивался им настолько долго, насколько это позволяли те или иные предметы женской одежды». Кроме того, он

собирал любую литературу, которая была написана в поддержку или против [тугих корсетов]. Часто он пытался затянуться настолько туго, что вполне мог бы лишиться сознания, однако так в этом и не преуспел. Ему даже удалось склонить к тугому шнурованию свою жену, и он собствен-

* «Измученная жертва» (англ.). (Прим. пер.)

норучно затягивал ее корсет — с каждым днем все туже, до тех пор пока ее линия талии не уменьшилась почти до шести дюймов. Это также вызвало у него сексуальное удовлетворение²⁶.

Некий полицейский тридцати шести лет от роду, которого также консультировал Штекель, носил корсет и «мастурбировал перед зеркалом, фантазируя, что он — одна из виденных им женщин». Он заполнил целый альбом газетными вырезками с изображением корсетов, сопроводив их непристойными подписями и похабными замечаниями: «Ха! Дрожу от нетерпения сорвать одежду с затянутой в такой безумный корсет дамочки, а затем хорошенько ее оттрахать (но пусть для начала посопротивляется, пока ее корсет не расплзется по швам)». Штекель называет этот альбом «библией» фетишиста и обращает внимание на разительный контраст между христианским воспитанием и безбрачной жизнью его хозяина и преследующими его «адскими» фантазиями²⁷.

Если верить письмам, опубликованным в EDM, боль и чувство сдавленности часто смешивались с «завораживающими», «наиприятнейшими», «восхитительными», «грандиозными», «изысканными» и просто «приятными» ощущениями, возникающими благодаря туго затянутому корсету. Однако «боль и наслаждение» — не единственная животрепещущая тема. Мотив «господства и подчинения» был как минимум не менее важен. Поэтому многие истории повествовали о насильственном принуждении к ношению тугого корсета.

Французская госпожа

Некоторые из самых ранних и самых резонансных писем дают определенное представление о практике воспитания при помощи тугого корсета в закрытых пансионах. Так, некая Нора писала:

В возрасте пятнадцати лет меня поместили в фешенебельную школу в Лондоне, и там существовал обычай каждый месяц уменьшать талию учениц на один дюйм — до тех пор пока она не станет достаточно тонкой в глазах госпожи директрисы. Когда в семнадцать лет я покинула школу, размер моей талии был всего тринадцать дюймов, хотя прежде ее окружность составляла двадцать три дюйма. Каждое утро одна из горничных приходила, чтобы помочь нам одеться, а старшая гувернантка следила за тем, чтобы наши корсеты были затянуты так туго, как только это возможно²⁸.

Чтобы оценить истинную ценность подобных признаний, необходимо вдоль и поперек изучить хотя бы несколько аналогичных писем и проанализировать использованные в них языковые средства.

Как я писала в моей первой книге, сюжеты часто повторяются: на протяжении нескольких лет девочку никто не принуждает соблюдать строгую дисциплину или носить корсет, возможно, потому, что ее «родные» постоянно находятся «в отъезде». Но вдруг ситуация круто меняется, и ее заставляют подчиниться жестокой корсетной дисциплине. Когда повествование достигает кульминационного момента, его мечтательную неопределенность неожиданно нарушает детальная сосредоточенность на особых характеристиках корсета и мельчайших подробностях связанных с ним действий. Как писала некая Фанни,

[д]о пятнадцати лет я... страдала оттого, что была предоставлена... самой себе. <...> Семейные обстоятельства и превратности судьбы... привели моих родных к окончательной мысли о том, что мое образование требует завершающего штриха в континентальной манере. <...> Меня отправили в аристократический и в высшей степени фешенебельный пансион для благородных девиц, расположенный в предместье Парижа... [где] меня приучили к суровой и жесткой системе шнурования²⁹.

Иногда барышня пыталась бунтовать или взывала к милости своих воспитателей, но ее заставляли смириться³⁰.

Истории становились все более непристойными, по мере того как XIX век постепенно подходил к концу, и их вполне можно рассматривать в одном ряду с аналогичной корреспонденцией, посвященной телесным наказаниям. Пока одни заинтересованные лица с чувством и знанием дела обсуждали лучшие методы ограничения телесной свободы (что принесет больше толку — намертво затянутый корсет или ручные кандалы?), другие корреспонденты точно так же спорили, что лучше — вдоль и поперек исхлестать девочке «круп» или цепью приковать ее к потолку, оставить ее в одном нижнем белье или раздеть догола. Во многих письмах от поклонников тугого шнурования и других методов физического ограничения встречаются пассажи, которые с легкостью могли бы сойти за выдержки из порнографического романа; поэтому малейшее поползновение вознегодовать и осудить историческую практику воспитания при помощи тугих корсетов в реально существовавших школах неизбежно уступает убеждению, что все эти письма следует рассматривать и анализировать как излитые на бумагу сексуальные фантазии.

В одном письме рассказывается, что случилось с некой Осиной талией, попытавшейся воспротивиться тому, чтобы ее талию продолжали утягивать, когда она и так уже уменьшилась до 18 дюймов:

Услышав это, директриса-француженка ужасно разгневалась, поскольку ее особой заботой было следить за тем, чтобы у всех девушек была осиная

талия. Тогда мне назначили наказание, которое основательно меня усмирило, и нет никаких сомнений в том, что оно принесло мне много хорошего. Мое тело всей своей тяжестью повисло на моих запястьях, которые были крепко связаны у меня над головой, в то время как мои ноги, втиснутые в тесные ботинки на высоком каблуке, были привязаны к кольцам в полу. Находясь в этом положении, защищенная одним лишь корсетом, я получила удар по спине тяжелой плетью, что причинило сильную боль, но не оставило никаких следов, благодаря тому что я была крепко связана, а корсет был туго зашнурован. После такого бичевания я чувствовала себя униженной и изрядно присмирела, но прежде чем французская госпожа соизволила развязать мне руки, она сократила размер моей талии до пятнадцати дюймов³¹.

То, что в письмах часто фигурируют «мадемузели», французские гувернантки, директрисы-французенки или «французская госпожа», по-видимому, следует рассматривать как значимый факт. Несмотря на то что в большинстве английских школ девочек действительно обучали французскому языку, пожалуй, будет правильнее воспринимать появляющуюся в подобных историях французенку как персонаж, на который возложена важная фантазийная роль³². В письмах трансвеститов также то и дело появляется аналогичная ключевая фигура — «искусная служанка-французенка», которая помогает герою повествования преобразиться в «героиню»³³.

Рассказанные во многих письмах истории отсылают нас в зарубежные столицы, чаще всего — в Париж или Вену. Авторы одних утверждают, что учились в иностранных школах; другие — что насмотрелись на затянутых в корсеты мужчин и женщин прямо на улицах. «Во Франции часто видишь женщин с тонкой талией, — писал некто Путешественник. — В Вене тугое шнурование в порядке вещей»³⁴. Посвященная «национальным особенностям талии» передовица из Family Doctor обращает внимание на то, что в период, который принято называть Викторианской эпохой, «культивации осиной талии уделялось гораздо большее внимание на континенте — в частности, в Париже и Вене, — нежели в Англии»³⁵.

Почему именно Париж и Вена были выбраны на роль тех заповедных мест, где якобы процветало тугое шнурование? Возможно, — отчасти — всего лишь потому, что «это где-то за границей», а людям всегда легче поверить в какие-то странности, если они, по слухам, происходят где-то далеко — тем более что большинству читателей вряд ли мог представиться случай побывать в этих местах. Нет никаких независимых свидетельств в пользу того, что население Франции и Австрии испытывало какую-то особую тягу к корсетам. Но англичан вполне могли посещать причудливые фантазии о жизни на континенте в те

времена, когда французские поцелуи, французская литература и французское платье были у них в особом почете.

Притяжение фетишистской истории к Вене выглядит более очевидным и, судя по всему, имеет прямое отношение к той славе, которую снискала императрица Елизавета Австрийская (1837–1898), считавшаяся в свое время эталоном стройности, а также к одному весьма примечательному письму из корреспонденции EDM, с которым мы ознакомимся чуть позже. Согласно современной версии биографии императрицы Елизаветы, размер ее талии составлял 19,5 дюйма (49 см) в обхвате. При росте 5 футов и 7,5 дюйма* она весила всего 110 фунтов**. Она фанатично придерживалась диеты, занималась гимнастикой и носила тугий корсет³⁶. Даже в наше время Елизавета все еще считается образцом для подражания среди приверженцев корсета.

Нет никаких достоверных *внешних источников*, которые бы подтверждали, что закрытые школы и частные пансионы, где практиковалось тугое шнурование, когда-либо существовали в действительности; и в таких уважаемых изданиях, как Times, вы не найдете ни одного очерка о том, как в школах для девочек учениц истязают при помощи корсета. Ни в одном письме не названа какая-то конкретная школа. Более того, рассказанные в них истории зачастую нереальны по самой своей сути. Мог ли переодетый юноша оставаться незамеченным среди воспитанниц женского пансиона? Конечно, представить такую ситуацию можно, однако она маловероятна³⁷. При изучении *внутренних источников*, к числу которых я отношу отдельные письма и всю фетишистскую корреспонденцию как особый жанр, в глаза бросается не только фантастичность их якобы правдивого содержания, но и разного рода противоречия. Поскольку авторы писем из кожи вон лезли, чтобы друг друга перещеголять, их байки раз от раза становились все более дикими. Кроме того, обычным делом для многих из них был плагиат — пересказ ранее опубликованных историй, представленных как опыт из собственной жизни. Так, в 1933 году издание London Life опубликовало письмо, озаглавленное «Нужно ли девушкам тугое шнурование?», которое слово в слово повторяло письмо другого автора, напечатанное в Modern Society в 1909 году.

Даже когда отдельные моменты какой-то истории кажутся правдоподобными, их затмевают фантастические детали. «Классная дама» из «школы мадам ла Б. в ближайшем предместье Парижа» написала в 1899 году в Society, чтобы поведать о «тугом шнуровании и самом новом помешательстве», под коим она подразумевала моду на проколотые tetons***, распространению кото-

* Около 172 см. (Прим. пер.)

** 50 кг. (Прим. пер.)

*** Соски (фр.). (Прим. пер.)

рой содействовали «ювелиры с Рю Сент-Оноре». Да, в те времена некоторые люди действительно прокалывали себе соски, и эта тема горячо обсуждалась корреспондентами Society. Но когда «классная дама» говорит, что это поветрие было описано в *La Vie parisienne*, а также в «недавно изданном романе», я не могу отделаться от мысли, что она всего лишь повторила переиначенную на свой лад идею, которую сперва где-то вычитала. И уж совсем не верится, что кольца в ее проколотых сосках вкупе с «трением, производимым... нижним бельем» могли способствовать увеличению ее бюста³⁸.

В порнографических рассказах действие часто разворачивается в режимных учреждениях — в школе, армейской казарме, тюрьме, поскольку это подразумевает наличие антуража, включающего в себя униформу, иерархические отношения и наказания. Однако людям свойственно стремиться к воплощению своих сексуальных фантазий. И хотя я весьма сомневаюсь в том, что частные школы, где детей заставляли носить тугие корсеты или одежду, предназначенную для противоположного пола, когда-либо существовали в реальности, мне думается, что взрослые фетишисты вполне могли содержать подобные заведения для себя и своих «единомышленников». В 1910 году журнал *Photo Bits* упоминал «Учрежденную мисс П.Б. Академию для избранных, где преподают культуру талии и обучают искусству ходить на высоких каблуках»³⁹. Существовала ли такая школа в действительности или это была чистой воды фантазия? Возможно, истина где-то посередине.

Мне в руки попал рекламный проспект современной английской «школы» для совершеннолетних фетишистов: «Исправительная академия мисс Прим — школа для несносных мальчишек и девчонок не моложе 21 года... включая „мальчиков, которым лучше было бы стать девочками”». Можно записаться на занятия по уикендам или на более продолжительный курс; желательно приобрести униформу («что дает право на 30 дополнительных дней») — в комплект входят темно-синий сарафан («заранее сообщите нам, кому он предназначен — ТВ* или девушке»), панталоны и т.д.⁴⁰ В клубе *Torture Garden* я разговорила с одним человеком, который сказал, что он посещал подобное заведение. В Нью-Йорке есть своя «Частная школа мисс Веры для парней, которые хотели бы быть девочками», и ее также иногда величают «Академией». Сама мисс Вера называет себя деканом по работе с учащимися; а ее подруга мисс Дана заведует факультетом высоких каблуков. Размер оплаты колеблется от 300 долларов за приватный двухчасовой урок (неужели всего лишь за консультацию?) до 2000 долларов за «целый уикенд»⁴¹.

Если Фалуди цитирует Моралиста («потуже затягивайте на ней шнуровку»), то Кунцле предпочитает ссылаться на автора, который подписывался

* Трансвеститу. (Прим. пер.)

Шнуровка («когда ты чувствуешь себя туго зашнурованным... это грандиозно»). Но почему мы должны верить, что опубликованные в EDM письма основаны исключительно на фактах и написаны реальными людьми? не секрет, что многие «письма читателей», которые попадают на страницы современных журналов, состряпаны редакторами, а другие представляют собой беллетризованные (то есть подвергшиеся серьезной литературной переработке) вариации на темы личного опыта. Далеко не все письма, подписанные женскими именами, на самом деле написаны женщинами; в порнографической литературе полным-полно изложенных от первого лица женских историй, за которыми в действительности скрываются авторы-мужчины — это давняя традиция, примером которой может служить придуманная Джоном Клеландом Фанни Хилл. И если современные психиатры правы, утверждая, что подавляющее большинство фетишистов — мужчины, то мы можем с большой долей уверенности предположить, что в переписке, которую мы назвали «корсетной корреспонденцией», также в основном участвовали лица мужского пола.

В 1899 году Дама под пятьдесят написала в Society, чтобы поделиться воспоминаниями о том, что ей довелось пережить в «фешенебельном частном пансионе» в начале 1860-х годов — на протяжении «одного из тех периодов, когда тугое шнурование пользовалось особой популярностью, как можно понять из корреспонденции, касающейся этого времени, которая появилась в *The Englishwoman's Domestic Magazine*». Она долго и со вкусом перечисляет всевозможные детали, играющие культовую роль в фетишистской литературе. Все это звучит словно ритуальный речитатив, льющийся из уст сексуальной и не лишённой садистских наклонностей «наставницы» частного пансиона, населенного порочными юными аристократками, а заодно переодетыми в женщин мужчинами. В нем вездесущая французская бонна, мадемуазель де Бовуар, предстает перед нами как женщина, хотя и «пухленькая», но тем не менее имеющая «талию 13 дюймов в обхвате»; «порка розгами... [является] официально разрешенным наказанием»; а кольца в сосках — о которых, судя по переписке, в те времена грезили многие читатели Society — носят «три французские барышни, дочери маркиза»⁴⁷.

Как я уже писала в моей первой книге, я не сомневаюсь в том, что настоящие фетишисты действительно делали многое из того, о чем они рассказывали в своих письмах: носили туго затянутые корсеты, прокалывали различные части тела, потчевали себя хорошей поркой, переодевались в женские платья. Но я совсем не уверена в том, что все это происходило при тех обстоятельствах и в том антураже, который они описывали: в закрытой школе, где корсет используется в качестве дисциплинарной меры; в кругу семьи, сплошь состоящей из аристократов-фетишистов; или под неусыпным надзором мадемуазель де Бовуар.

Мужчины в корсетах

Еще одна тема, занимающая значимое место в фетишистской литературе, — это роль утягивающего корсета в жизни мужчины. Некий Вальтер писал в *Englishwoman's Domestic Magazine* в ноябре 1867 года:

Меня довольно рано отправили учиться в Австрию — туда, где никто не смеется над туго зашнурованным джентльменом, чего не скажешь об Англии; и когда супруга доктора заявила, что мне следует носить корсет, я отреагировал на это вполне по-английски. Однако у меня не было другого выбора. Дюжая *madchen** была стоически глуха к моим протестующим воплям, и мигом затянула меня в модный венский корсет. <...> [С] каждым днем шнуровка становилась все туже и туже, причиняя ужасные неудобства и безмерную боль. Впрочем, всего через несколько месяцев мне, так же как и каждому из моих десяти или двенадцати товарищей, уже хотелось, чтобы мой корсет был затянут настолько туго, насколько хватит сил паре самых крепких рук⁴³.

Письмо Вальтера не стоит принимать за чистую монету. Помимо явного содержания, имеющего отношение к практике воспитания при помощи корсета в закрытой школе для мальчиков, в нем, судя по всему, есть еще и скрытый смысл, отсылающий нас к эротическим фантазиям, в которых мальчик подросткового возраста оказывается во власти влиятельных женщин («супруги доктора» и «дюжей *madchen*») и вынужден, против своей воли, примерить на себя вещь из женского интимного гардероба и затем носить ее не снимая. Но вскоре боль, которую он испытывает в душных объятиях тугого корсета, уступает место удовольствию, а оскорбленное самолюбие успокаивается осознанием того, что подобные трюки с переодеванием вполне нормальны в контексте чужой культуры.

Следует подчеркнуть, что в XIX веке мужчины (во всяком случае, подавляющее большинство) не носили корсетов. Однако мужские корсеты и корсетные пояса действительно существуют. В 1820-е годы корсет (с жестким каркасом и шнуровкой на спине) носили денди, стремясь с его помощью сделать свой силуэт более «модным» — то есть похожим на песочные часы. (Хотя должна предупредить, что не стоит слишком доверять правдивости карикатур на эту тему — это не самый надежный из исторических источников.) Если верить альманаху *Work-woman's Guide* за 1838 год, мужские корсеты использовались также военнослужащими, охотниками и любителями силовых видов спорта. Сегодня историки моды утверждают, что в подобных случаях

* Девушка, служанка (нем.). (Прим. пер.)

под словом «корсет» зачастую подразумевался всего лишь «длинный кусок материи или широкий пояс, поскольку в [его] задачу не входила борьба с округлостями женской фигуры»⁴⁴. Однако Вальтер в своем письме пропагандирует вовсе не мужские пояса, а сделанный по женскому образцу корсет с жестким каркасом. В 1909 году другой любитель утягивания, также назвавшийся Вальтером (возможно, в честь своего предшественника, о котором узнал из EDM), написал в *Modern Society*: «Я советую всем вашим читателям выпросить, одолжить или украсть у своих сестер (или жен) парочку корсетов и примерить их на себя»⁴⁵.

Мысль о том, что мужчина может быть затянут в корсет, повергала в ужас многих корреспондентов; даже Ля Жени, прославивший ярым сторонником воспитания девушек при помощи тугой шнуровки (хотя бы того или нет), настойчиво повторял, что сам он ни за что не станет носить корсет, называя это «скорее отвратительной идеей»⁴⁶. Кто-то говорил, что мужской корсет полезен для здоровья, особенно если вас мучают боли в спине⁴⁷. Противник тучности рекомендовал носить корсет «крупным» мужчинам⁴⁸. А Достойный человек спрашивал: «В чем причина такой предубежденности по отношению к джентльменам, которые носят корсет?»⁴⁹

Когда в 1886 году мужчина, подписавшийся «Обожатель корсетов», прислал в журнал *Family Doctor* письмо, где описал невероятное наслаждение, которое он испытывает благодаря своему тугому корсету, ему ответила некая Мэри Браун: «Я думаю Обожатель корсетов должен быть женоподобным человеком... из тех, что хотели бы быть женщинами. <...> Не сомневаюсь, ему бы понравилось носить пеньюар и нижние юбки и прикидываться дамой»⁵⁰. Это спровоцировало целый поток писем от мужчин — *приверженцев* корсетов и трансвеститов. «Я не являюсь представителем пола, привыкшего к корсету от природы, но, несмотря на это, ношу корсеты уже более десяти лет», — писал один из них⁵¹.

Писем от мужчин, в которых так или иначе затронута «корсетная тема», слишком много для того, чтобы можно было не ограничиваться ключевыми вопросами и осветить все любопытные моменты. Однако мы, определенно, не можем обойти стороной проблему женского господства. Сразу двое корреспондентов — Воспитанный как девочка и Мнимая леди — написали в *Family Doctor* о том, как в детстве их воспитывали тетюшки, которым доставляло удовольствие наряжать их девочками. Такой сюжет вполне может иметь под собой реальную основу, чему есть целый ряд достоверных доказательств⁵². Куда больше сомнений вызывают рассказы о женах, которые якобы заставляли своих мужей носить тугие корсеты и наряжаться в женское платье. Так, некий Атласный корсет рассказывает о том, что, когда он женился «на даме значительно старше [него]... чья изысканно тонкая талия и очаровательно приподнимавшие ее над

землей туфли пленили [его] воображение... она заставила [его] подписать один документ», который требовал, чтобы его манера одежды полностью ее удовлетворяла. «Я охотно на это согласился, поскольку и представить не мог, к чему это приведет»⁵³. (Хотя, как мне кажется, это было не так уж трудно.) Однако современные исследования, в которых в качестве изучаемого объекта участвовали трансвеститы и их жены, показывают, что инициатором переодевания обычно является сам мужчина.

Полковник в отставке утверждал, что «в Америке [корсеты] вполне обычны, и мальчики носят их точно так же, как девочки; что, без сомнения, способствует прекрасной осанке американских юношей и... мужчин»⁵⁴. Но у большинства корреспондентов ажиотаж вызывали мужчины, говорящие на немецком языке, — особенно австрийские и прусские военные. Несмотря на то что австрийскую армию нельзя назвать «внушающей ужас военной машиной», Австро-Венгерская империя славилась изобилием разного рода униформы, которая выглядела столь эффектно, что ее часто копировали, чтобы блеснуть на костюмированном балу где-нибудь во Франции или Великобритании. Таким образом, английские фетишисты из поколения Вальтера вполне могли иметь представление о том, как выглядит эта одежда. В свою очередь, прусская (а позднее германская) армия отличалась исключительной мощью. «Всем известно, что очень многие прусские офицеры носят корсеты», — писал Реформатор; по его мнению, «ничто не сделает мужчину или мальчика таким здоровым, как прямота осанки, которая достигается ношением корсета»⁵⁵. В его письме, как и во множестве других, фаллический символизм корсета и отменно сидящей военной униформы соперничает с деталями, вызывающими прямые ассоциации с трансвестизмом (нижние юбки и серьги).

Фетишистское почитание униформы было (и остается) значимой частью или «подвидом» гардеробного фетишизма; во многих случаях оно связано с фантазиями на тему господства и подчинения. Трансвестит, проводящий время в обществе армейских офицеров, — достаточно популярный персонаж фетишистской переписки. «Однажды в Вене я на спор поужинал в компании нескольких офицеров, нарядившись в вечернее платье... и утянувшись до 16 1/2 дюймов», — хвастался Воспитанный как девочка⁵⁶. «Я думаю, когда мы носим корсет, это пугает мужчин, — пишет Красавица из Кенсингтона, явно кривя душой (поскольку только что похвалялась своими „16 дюймами“), — но мой брат, он служит в гвардии, все время твердит, что так надо. Я знаю, сам он еще не то вытворяет. Прошлой осенью он выиграл грандиозное пари, когда, переодевшись в женщину, отобедал в компании хорошо знакомого офицера»⁵⁷. В 1909 году журнал *Modern Society* опубликовал серию писем под рубрикой «Рабы корсета» в том числе и от некой Доры, которая поведала, что ее горничная, уроженка Венгрии, прежде служила у одного австрийского офицера,

который затягивался в корсет и носил каблуки высотой 4 дюйма⁵⁸. Человек, писавший под псевдонимом Миниатюрная талия, был готов поклясться, что «в Вене ношение корсетов — обычное дело для представителей мужского пола»⁵⁹. В «Воспоминаниях корсетье» (*The Recollections of a Corsetière*) рассказчик, от лица которого ведется повествование, разъезжает по Европе в поисках образчиков тончайшей талии и в Вене встречает «закованного в корсет лейтенанта». Он не только носит «длинный корсет военного образца» — его «униформа подогнана по фигуре при помощи... корсетной арматуры, чтобы обеспечить идеально ровную посадку». Вдобавок ко всему этот лейтенант не чужд трансвестизма⁶⁰.

Все подводные камни, на которых легко поскользнуться, исследуя фетишистскую литературу, можно увидеть на примере очерка, посвященного дисциплинарному режиму в австрийских гимназиях в 1930-е годы. Для начала его автор цитирует Вальтера. Затем, довольно беспорядочно, а зачастую вопреки логике и здравому смыслу, он высказывает предположение, что немцы (в том числе нацисты) были зрелыми, мужественными и презирающими корсет антифетишистами, в то время как Австрию сплошь населяли женоподобные, полузадушенные корсетами фетишисты. Тем не менее Гитлер у него представлен как «самый успешный фетишист, которого когда-либо видел этот мир», хотя и не ярко выраженный, что в его случае объясняется необходимостью постоянно лицемерить. А поскольку, как полагает автор, Соединенные Штаты, «подобно Австрии и Великобритании, скорее можно назвать страной корсетов», он дает «позитивный прогноз относительно успешной перспективы [американского] мирового господства»⁶¹. Нет нужды говорить, что этот странный трактат не содержит никаких достоверных сведений о том, что в австрийских школах на самом деле существовала система воспитания при помощи тугих корсетов; и все же он хотя бы отчасти помогает понять, почему корсет то и дело играл роль громоотвода, когда над обществом стучались тучи иных проблем.

Как бы то ни было, в мире были и есть мужчины, которым нравится носить корсет. Самая старая реклама мужских корсетов из тех, что мне известны, датирована 1899 годом; она представляет несколько моделей — здесь и широкие пояса для сна и охоты, и высокие, жестко структурированные при помощи каркаса корсеты с воинственными названиями «Мальборо» и «Карлтон»*.

* Джон Черчилл Мальборо, герцог Мальборо (1650–1722), — английский полководец и государственный деятель, главнокомандующий английской армией на континенте во время войны за Испанское наследство. Гай Карлтон, барон Дорчестер (1724–1808), — первый генерал-губернатор Британской Северной Америки, во время Войны за независимость Соединенных Штатов — главнокомандующий британских вооруженных сил в Северной Америке. (Прим. пер.)

Она появилась в периодическом издании *Society*, где также публиковалась обширная фетишистская переписка. Совсем немного мужских корсетов сохранилось в музейных коллекциях; так, в Институте костюма города Киото мне представилась возможность подробно рассмотреть один из образцов конца XIX века — английский корсет «Меч Аполлона», изготовленный из плотной материи бежевого цвета и снабженный «спартанской арматурой».

Основанная в Монреале *London Life League* предлагает помощь и поддержку мужчинам и женщинам, которые находят удовольствие в ношении корсета. В издающихся Лигой информационных листках и памятках для желающих больше узнать о корсетах постоянно повторяется, что «позитивное восприятие и желание носить корсет не зависят от гендерной принадлежности. <...> Современный мужчина может стать гордым преемником династического опыта, впервые описанного укротителями быков — минойцами, а затем унаследованного статными эдвардианскими денди и армейскими офицерами». Их авторы признают, что мужчина в корсете рискует услышать «недоброжелательные замечания» в свой адрес, и рекомендуют проявлять осмотрительность и в то же время нести знание в массы. Например, путешественников предупреждают, что установленные в аэропортах электронные металлодетекторы могут отреагировать на стальной каркас корсета — если это произойдет, самым мудрым решением будет заявить, что корсет необходим для «ортопедических» целей⁶².

Некоторые трансвеститы (зачастую это женатые мужчины среднего возраста) носят свои корсеты, не афишируя этого. Совсем немногие тайком надевают то, что принято называть «пенисным корсетом» — трубку из кожи и/или резины, которая до середины затягивается при помощи шнуровки. Иногда они также носят «шейные корсеты». Однако с точки зрения моды более интересно и значимо поведение «клубной публики» (ощутимую долю которой составляют молодые мужчины-геи): не так давно в клубах стали появляться люди, которые носят корсеты открыто и без стеснения — как предмет верхней одежды.

Старомодный фетишизм

Женская мода стала постепенно избавляться от корсета начиная примерно с 1907 года, когда державшийся передовых взглядов французский кутюрье Поль Пуаре представил публике свой неоклассический стиль. К 1910 году молодые и стройные женщины начали выбираться из жестких корсетов, отдав предпочтение прорезиненным поясам и бюстгальтерам, а в гардеробе пожилых и более корпулентных дам появился длинный прямой корсет. Неужели пришло время попрощаться с миниатюрной талией? Этот вопрос прозвучал в заметке «Талия нас покидает?», опубликованной в *Photo Bits*:

Я только что прочитал... что «в этом сезоне не будет ни тонких талий, ни [округлых] бедер...» Пронзительный стон вырвался из глубин моего уязвленного сердца. Боюсь, мне не дано понять значение этого новейшего эдикта моды. Пышная грудь, божественная талия... округлые бедра — неужто мы вот-вот с ними распрощаемся?! не дай господь! Кто-то скажет, что они никуда *не* денутся. Да. Но они будут скрыты от наших глаз⁶³.

Автор заметки утешает себя мыслью о том, что «никто не затягивает корсет туго, чем ланкаширская прядильщица» — «Так пожелаем ей удачи! Она олицетворяет собой *весь народ*». И наконец, он делает последнюю отчаянную попытку убедить себя в том, что все не так плохо, как кажется, — он заявляет и чуть ли не клянется, что от кого-то слышал, будто наблюдаются «признаки быстрого возврата к самой что ни на есть „осиной“ талии и что „знающие“ ценители втайне испытывают самый строгий из всех тугих корсетов». Однако все это явный самообман.

В 1910 году Photo Bits выпустил несколько тематических номеров с общим подзаголовком «Тончайшая талия». В одном из них обсуждалась возможность основания Корсетного клуба (Corset Club) и Минойской лиги (Minoan League), которые способствовали бы распространению культуры тайт-лейсинга среди мужчин. В другом провозглашалось: «Тринадцать дюймов — вот наш идеал». Роман с продолжением «Жемчужина Пикадилли» (The Pearl of Picadilly) «описывал многочисленные «приключения Осиной талии» — мужчины в ярко-красном корсете, утягивающем талию до вожделенных 13 дюймов. Также в этих выпусках можно найти эссе «Культ корсета» (The Cult of the Corset) и рассказ, озаглавленный «В погоне за тринадцатидюймовой талией» (The Hunt for the Thirteen-Inch Waist)⁶⁴.

Однако приверженцы все чаще обращали взоры в сторону викторианского прошлого, говоря об ушедшем золотом веке тугого корсета. Вместе с тем размер идеальной талии в их фантазиях продолжал уменьшаться. Автор заметки «Мода на осиную талию» с ностальгическим восторгом живописует викторианскую талию, которая была не больше 10, а то и 9 дюймов⁶⁵; впрочем, один из участников переписки все же позволил себе не поверить в существование «талии, которая была бы настолько тоньше, чем [его] собственная»⁶⁶. В 1933 году некий Восторженный почитатель осиной талии написал в London Life:

Уважаемый сэръ... я тоже обожаю тончайшие талии представительниц прекрасного пола. И я не могу понять, почему мужчину кто-то может счесть ненормальным лишь потому, что он предпочитает видеть женщину туго затянутой в корсет, особенно если учесть, что викторианцы были страстными поклонниками осиной талии, которая в их времена, конечно же, встречалась повсеместно.

Мне всего 27 лет, и с некоторых пор меня мучает вопрос, не опоздал ли я с рождением лет на тридцать, коль скоро я нахожу куда больше сексуальной привлекательности в женственной фигуре, искусно подчеркнутой корсетом, нежели в так называемой «естественности» фигуры, с которой приходится сталкиваться сегодня.

Впрочем, один мой приятель говорит, что в Париже и сегодня все еще можно найти женщин, которые не прячут от посторонних глаз свою тончайшую талию. В связи с этим я намерен в скором времени провести там неделю-другую, чтобы выяснить, насколько это верно.

Может быть, кто-то из ваших заинтересованных читателей сможет поделиться со мной полезной информацией, направив ее в соответствующую рубрику вашего издания⁶⁷.

Таким образом, несмотря на то что корсет был практически изгнан из моды (точнее, заменен бюстгалтерами и поясами), он продолжал занимать центральное место в фетишистском пантеоне. В 1937 году журнал *London Life*⁶⁸ вспомнил прославившуюся своими тутими корсетами и тонкой талией французскую актрису Полер, портреты которой украшали страницы *Tatler* и *Photo Bits* еще в 1909 году.

Самой знаменитой современной «женщиной в корсете», несомненно, была Этель Грэйнджер из Питерборо (Англия), которая за несколько лет уменьшила размер своей талии с 23 до 13 дюймов. Будучи вполне миниатюрной (при росте 5 футов и 3 дюйма (159 см), она весила около 100 фунтов (45,5 кг)), в 1928 году она начала носить корсет по настоянию своего супруга, «помешанного на изгибах фетишиста» Уилла Грэйнджера, который позже написал и самолично издал биографию своей жены. В этой книге есть такие главы: «Этель превращает себя в жену, о которой можно только мечтать» (*Ethel Makes a Dainty Wife*), «Что может сделать толика любви» (*What a Little Love Will Do*), «Счастье на высоких каблуках» (*High-Heeled and Happy*), «Кольца в носу» (*Nose Rings*), «Орудия пытки» (*Torture Tools*), «Проколотые грудки» (*Pierced Tits*) и «Долгожданные тринадцать дюймов!» (*Thirteen Inches — At Last!*)⁶⁹.

С ранних лет Уилл Грэйнджер был одержим идеей телесной модификации (впрочем, его эксперименты над собственным телом, в том числе связанные с ношением корсета, продлились совсем недолго). Заняв явно доминирующую позицию в семье, он не только заковал свою жену в тугий корсет, но также сделал проколы на ее теле — в тринадцати местах. Не совсем ясно, какими мотивами руководствовалась сама Этель, потакая прихотям своего мужа, хотя люди, знавшие ее лично, говорят, что ей это также доставляло удовольствие. Пристрастие Уилла к утягиванию было столь непреодолимым, что он был почти взбешен, когда акушер-гинеколог настоял на том, чтобы Этель отказалась

от корсета на время беременности. Казалось, что война развеяла ее иллюзии относительно прелести корсета, но в 1946 году Уилл заставил ее «начать сначала», и к концу 1950-х годов она вновь вернулась к своим 13 дюймам⁷⁰.

«Мода меняется, меняемся и мы», — писал Уилл Грэйнджер; однако в действительности его преданность корсету не имеет почти ничего общего с модой. Такое несомненное явление в мире моды, как стиль 1950-х годов, подразумевавший наличие «осиной» талии, которую можно было подчеркнуть с помощью моделирующего корсетного пояса, отличается от настоящих, подчас суровых фетишистских практик в самой своей сути.

Хотя изначально Грэйнджеры держали свои «игры с телом» в секрете, им все же суждено было стать культовыми фигурами в мире приверженцев. Имя Этель появлялось на страницах прессы в 1957 и 1959 годах, а также в 1968 году, когда агентство Associated Press опубликовало ее фотографию, естественно, сделав акцент на ее «13 дюймах». В конце концов она попала в «Книгу рекордов Гиннеса» как обладательница «тончайшей в мире талии»; информацию об этом ее муж впечатал прямо в ее паспорт. Образ Этель Грэйнджер до сих пор используется в рекламе, значительно повышая ценность телесной модификации в глазах многих людей. Этель умерла в 1982 году — через несколько лет после своего супруга, но почти до самого конца она не расставалась с тугим корсетом⁷¹.

Сегодняшний день тугого утягивания

Все, что связано с корсетом, «весьма эротично» — так говорит Факир Мусафар, самый известный среди всех сегодняшних приверженцев корсета. «Беззащитные дамы с тонкой талией — это [ни больше, ни меньше!] сексуальный запал для мужчин», а также и для самих женщин, «если они настроены... на такую форму телесного совершенствования». Корсет «обостряет сексуальные переживания»: «С этим ничто не сравнится: ты, настоящий мужчина, до предела затягиваешь себя, а затем занимаешься любовью с женщиной, которая тоже насмерть стянута корсетом... все ваши внутренние органы и ваши сексуальные составляющие находятся в разных позициях и под разным давлением и так далее — так что для этого есть механическая основа. Это настоящий экстаз»⁷².

В 1950-е годы, вдохновленный материалами из *Englishwoman's Domestic Magazine* и *National Geographic*, Факир Мусафар «повернул вспять» физический рост своего тела, уменьшив размер талии с 29 до 19 дюймов. Два названных источника вдохновения также повлияли на ранние формы его самопрезентации: он позиционировал себя и как «Современного представителя примитивной цивилизации» (*Modern Primitive*), и как «Совершенного джентльмена» (*Perfect Gentleman*). В 1950-е и 1960-е годы Факир основал собственный корсетный

бизнес, однако клиентов было недостаточно для того, чтобы он приносил доход, поэтому Мусафар продал свою компанию владельцам BR Creations, где в 1980-е годы работало всего три мастерицы. «Теперь они продают их людям с самыми обычными наклонностями, не только ограниченному кругу людей со странностями», — говорил Факир Мусафар в глубокой задумчивости. «Это как со свадебными салонами — диву даешься, как им удается распродать все эти вещи. Они подсуетились и толкнули рекламу в New York Times — и получили кучу заказов»⁷³.

Перл — британский последователь затягивания в корсет, размер его талии 19 дюймов. «Это фетиш?» — спросила я у него. «Возможно», — ответил Перл. «Ношение корсета — это чувственный опыт... Однако мой интерес не распространяется на сексуальные практики». Как и многие другие приверженцы, Перл вырос в очень религиозной семье, а его интерес к корсетам зародился еще в раннем детстве. «Когда мне было то ли два, то ли три года, я жил у своей бабушки, и она каждый день надевала корсет, потому что в юности у нее произошло смещение позвонков. А я всегда помогал ей затягивать шнуровку. Все это было так красиво сделано, из розового, обязательно из розового, такого очаровательного абрикосово-розового атласа».

«Я делаю это совсем не потому, что пытаюсь походить на женщину», — утверждает Перл. (Его поддерживает фотограф Тревис Хатчисон; он говорит, что ощущает себя «очень мужественным» в корсете, который Перл изготовил специально для него.) С точки зрения Перла, утягивание позволяет «контролировать себя»; он полагает, что «одежда должна быть более дисциплинирующей». Несмотря на то что сам он считает корсет «удобным», ему нравится ощущение физической «скованности» и сама мысль о том, что «[определенная] одежда приносит с собой определенные правила; [в ней] вы не можете делать те или иные вещи. Вы не можете сутулиться. Если я не надену корсет, я не буду чувствовать, что у меня все в порядке. Точно так же мне неприятно ходить босиком. И мне очень нравятся мои кожаные туфли. Я сплю в корсете или надеваю широкий пояс, потому что для меня лучше всего ощущать, что все и всегда под контролем. Это улучшает мое самочувствие»⁷⁴.

Перл представил меня одной женщине, которая также практически не расстается с корсетом. После того как у нас состоялась продолжительная беседа по телефону, я навестила Кэти Ю. и ее мужа в их доме на северо-востоке Соединенных Штатов. Кэти, обычная американская домохозяйка средних лет, способна утянуть свою талию до 15 дюймов. (Таков, предположительно, размер ее талии под корсетом — данная цифра указана исходя из того, что корсет добавляет дополнительные 2 дюйма, так что «наружная» мерка равна примерно 17 дюймам.) Впрочем, обычно она не затягивает корсет до предела, так что ее «повседневная» мерка, снятая поверх корсета, равна 18–19 дюймам. При

росте 5 футов и 6 дюймов (168 см) Кэти весит около 130 фунтов (59 кг), и чтобы добиться такого крошечного объема талии, она носит свой корсет двадцать четыре часа в сутки, снимая его, только когда хочет принять ванну. И это действительно привело к тому, что форма ее тела непрерывно трансформируется⁷⁵.

Муж Кэти — хирург. «Ходят упорные слухи, что он удалил мне ребра!» («В этом нет никакой нужды, — отвечает на это ее супруг, — ведь ребра очень подвижны».) На рентгеновском снимке туловища Кэти видно, что ее нижние ребра деформированы, а расстояние между позвонками увеличено. Однако она уверена, что муж никогда бы не стал настойчиво просить ее сделать что-то несущее реальную угрозу здоровью.

Сам он питал повышенный интерес к корсетам на протяжении всей своей жизни. Когда они только начали встречаться (более тридцати лет назад), он уговорил ее надевать корсет по особым случаям. А к свадьбе преподнес ей корсет, изготовленный специально на заказ. У Кэти «не было проблем» с этим увлечением ее жениха: «Они [корсеты] ему нравились, и что с того». После свадьбы она носила корсеты время от времени, в основном с вечерними платьями. Но через девять или десять лет, когда их дети уже подросли, они свели знакомство с несколькими приверженцами корсета из Англии и Германии, и это побудило их по-настоящему увлечься тугим шнурованием.

«Для меня легче носить корсет постоянно», — говорит Кэти. Как она пояснила, «некоторым людям нравится это неожиданное давление», которое возникает, когда вы очень быстро затягиваете корсет. (Например, у Уилла Грэйнджера, судя по всему, вошло в привычку то и дело устраивать показательные сеансы для гостей, во время которых он затягивал шнуровку на корсете Этель так туго и так быстро, что иногда она теряла сознание.) Однако Кэти никогда не нравились такие головокружительные ощущения, поэтому она предпочитает затягивать шнуровку постепенно; обычно она делает это с помощью специального крючка и обычной дверной ручки, которая помогает удерживать шнуры в натянутом состоянии.

«Когда вы пытаетесь сделать себя еще чуточку тоньше, чувствуется некий дискомфорт; не знаю, правильно ли называть это „болью“», — говорит она. Гораздо больше проблем возникает с «потертостями на чувствительной коже», из-за которых иногда даже появляются «волдыри или маленькие ранки». По словам Кэти, ее мужу «доставляет удовольствие визуальный эффект, который дает корсет, — то, как он акцентирует очертания фигуры». «Мне всегда это нравилось», — встревает он в наш разговор. (И это при том, что его матушка никогда не носила корсета.) Несмотря на то что облик затянутой в корсет женщины «действует на него возбуждающе в сексуальном плане», сама Кэти, если верить ее словам, «не получает каких-то особых чувственных ощущений от ношения корсета». Он доставляет ей удовольствия не больше,

чем любой другой красивый предмет женского белья, и явно уступает в «чувственности» атласному платью.

«Мой интерес в том, чтобы доставить удовольствие мужу», — говорит она; по ее оценке, «в девяносто девяти процентах случаев женщины носят корсет, потому что это нравится их мужьям или тем, кто им особенно дорог. По крайней мере с моим поколением дело обстоит именно так». Среди ее знакомых есть одна пара из Германии; когда партнер из этой пары предложил своей спутнице жизни носить корсет, она выдвинула встречное предложение: «Если ты ожидаешь, что я это сделаю, то, будь любезен, и сам сделай это». Так что теперь они оба носят тугие корсеты.

«Очень часто увлечение корсетом — это супружеский феномен, — говорится в одной недавно изданной исследовательской работе. — Результаты наших изысканий указывают на то, что в заурядных парах, получающих удовольствие таким способом, жены зачастую становятся восприимчивыми к подобной эстетике под влиянием своих мужей». (Иными словами, в гетеросексуальных парах, где мужчина не является трансвеститом и ни один из партнеров не имеет садомазохистских наклонностей, настоящий интерес к корсету и всему, что с ним связано, питает только супруг.) Как призналась авторам этого исследования Кэти, «если бы я была замужем за кем-то другим, кому [корсеты] были бы ничуть не интересны, я вряд ли обзавелась бы такой вещью. И если завтра он скажет, что его это больше не интересует, для меня это тем более не станет проблемой»⁷⁶. Однако в разговоре со мной она несколько перефразировала данное утверждение: «Если бы он умер, я, наверное, так и продолжала бы носить корсет, разве что не такой тесный. Когда ты делаешь это так долго, тело привыкает к корсету. Теперь, стоит мне всего на час-другой остаться без корсета, моя спина начинает болеть. Я нуждаюсь в его поддержке». Кроме того, вся ее одежда сшита по индивидуальному заказу и рассчитана на перетянутую корсетом фигуру. «Если бы я перестала носить корсет, мне было бы просто нечего надеть!»

«Для некоторых людей [корсет] все равно что бондаж или телесная модификация, — говорит Кэти, — но это не наш случай». Она строго дистанцируется от приверженцев корсета, имеющих отношение к таким «диким» вещам, как трансвестизм. Тем не менее она полагает, что «мужчины могут привести больше доводов в пользу ношения корсета». Например, Факир Мусафар «делает это, чтобы испытать [свои] пределы». Кэти знакома с несколькими девушками, которые в свои двадцать с небольшим носят корсет, потому что им «просто нравится, как он выглядит. Это своего рода популярный модный манифест». Такие молодые женщины не боятся надевать свои корсеты «поверх одежды», иногда сочетая это с другими элементами фетиш-стилей, в частности с кожей и латексом.

Кэти и Перл познакомили меня с Лорен, женщиной двадцати семи лет, которая носит 19-дюймовый корсет. «Мне нравятся ощущения, которые он

вызывает, — сказала Лорен, — будто кто-то крепко обнимает меня. И еще мне нравится, как это выглядит». В отличие от Кэти, которая затягивает себя в корсет, чтобы доставить удовольствие супругу, Лорен уверяет: «Я ношу корсет ради себя самой; мой приятель тут совершенно ни при чем». Она сравнивает утягивание с балетом: «Балет культурно приемлем, а корсет — нет; но в обоих случаях вы тренируете тело. Балет дает огромную нагрузку ногам, но в результате получается нечто, что кажется нам прекрасным».

Лорен считает, что утягивание, как и балет, «связано с силой и грацией». «Это женственно, и в то же время в этом столько силы. Мне хотелось бы развеять мифы о корсетах. У меня нет никаких проблем со здоровьем. Главное, делать все с умом — не вредя своему здоровью — и позволить своему телу привыкнуть. Единственная проблема, с которой я столкнулась, связана с тем, что я не слишком тренированный человек, поэтому у меня бывает слабость». «Какие у тебя впечатления от новых модных корсетов?» — спросила я. Лорен немного помедлила с ответом. «Меня это напрягает. Часть моего существа так и хочет сказать: „Ну что вы в самом деле — это же не мода, а образ жизни“. Но если кому-то это поможет понять, что такое корсет, то оно того стоит»⁷⁷.

С тех пор как носить корсет стало почти модно, Кэти заметила, что корсетные балы, которые она посещает довольно давно, уже не те. На первом ее балу, в Англии, присутствовало около двадцати гетеросексуальных пар: мужчины — в смокингах, женщины — в элегантных вечерних платьях, надетых поверх корсетов. Недавние мероприятия, такие как венский корсетный бал 1994 года*, собрали большую и пеструю толпу, в которой можно было заметить мужчин-трансвеститов и женщин, носивших свои корсеты как верхнюю одежду.

И снова в моде

Когда мода вновь повернулась лицом к корсету, Вивьен Вествуд одной из первых среди модельеров сделала ставку на обаяние запретного плода. «Именно ее корсет, который мы впервые увидели в 1985 году, — корсет, приподнимающий грудь таким образом, что она кажется налитой, а посередине образующий соблазнительную расщелину, стал ее наиболее значимым вкладом [в моду] за последние десять лет», — утверждал *Vogue*⁷⁸. Для Вествуд источником вдохновения стали скорее прямые корсеты XVIII столетия, нежели более знакомый широкой публике викторианский корсет в форме песочных часов: «Мода постоянно жаждет чего-то нового, даже если [это новое] почерпнуто из прошлого»⁷⁹. Хотя на первый взгляд корсеты Вествуд выглядят весьма впечатляюще, у них нет жесткой, ярко выраженной структуры. Перл по этому поводу заме-

* Книга написана в 1996 году. (Прим. пер.)

тил: «Они пластичны и легковесны, настолько, что будут привлекательны для незрелых умов, думающих только о комфорте. На них нет шнуровки — они просто застегиваются на молнию».

Однако для многих других модельеров самой привлекательной деталью корсета как раз является шнуровка. Еще в 1950-х годах французский кутюрье Жак Фат создал вечернее платье из розового атласа с корсетной шнуровкой на спине. Кураторы выставки «Инфратуалеты» (Infra-Apparel), состоявшейся в Институте костюма при Метрополитен-музее, Ричард Мартин и Гарольд Кода сопоставили вечернее платье Фата с современными предметами одежды, в частности с корсетным купальным костюмом итальянского модного дома Fendi.

Французский модельер Жан-Поль Готье, пожалуй, более всего прославился тем, что создал для Мадонны ее знаменитый бледно-розовый атласный корсет со шнуровкой и чашечками в форме головной части ракеты. В его резонансной весенней коллекции 1987 года было достаточно корсетов, корсетных поясов и бюстгалтеров. Кроме того, среди его дизайнерских достижений есть несколько резиновых корсетных платьев со шнуровкой через всю спину, возродивших к жизни образ, который уже использовался в порнографической фотографии 1930-х годов. Также Готье продемонстрировал несколько курток с корсетной шнуровкой (как женских, так и мужских).

«Первым своим фетишем я сделал корсет, — вспоминает Готье. — А все из-за моей бабушки». В детстве он часто и подолгу оставался в ее доме. Он помнит, как однажды нашел в ее гардеробной корсет цвета само с длинной шнуровкой: «Боже мой! Что это? — подумал я. <...> Через некоторое время я увидел, как она надевает его, и она попросила меня затянуть его потуже». Бабушка рассказывала ему о моде на тугие корсеты, якобы существовавшей на рубеже веков, и он был «заворожен» ее рассказами, которые сделал «одной из [своих] тайн»⁸⁰. Для своего «именного» парфюма Готье придумал бутылку в форме корсета из своей коллекции.

Начиная с середины 1980-х годов «корсетная тема» то и дело будоражит современную моду. И в связи с этим нельзя не упомянуть французского модельера Тьерри Мюглера, который сделал корсет неотъемлемой частью своего во многом театрального стиля *femme fatale*. Никогда не боявшийся выйти за рамки, Мюглер представил публике агрессивные корсеты с усеянными шипами чашечками и кожаные корсеты с декоративными деталями, сильно напоминающими кольца, которые вставляют в соски. Также в его арсенале есть сверкающие корсеты для вечернего выхода, скульптурные пластиковые бюстье, форма которых — словно отголосок древнеримской военной эстетики («нательные доспехи», адаптированные к пропорциям женского тела) и множество других корсетов, бюстгалтеров и бюстье, выполненных в неповторимом

авторском стиле. Кроме того, Мюглер привнес «корсетный» крой и в другие предметы одежды, такие как, например, черная кожаная куртка.

Обосновавшийся в Париже уроженец Туниса Аззедин Алайа также не обошел в своей работе тему корсета. Так, в 1991 году он продемонстрировал публике корсеты и чулки с рисунком «под леопарда». В 1992 году он сотворил не только серию очаровательных кожаных корсетов красного и морено-розового цвета, но и аксессуары к ним — в том числе ридикюли, форма которых напоминала крошечные корсеты. Если Алайа не придумывает новые корсеты, он наверняка занят тем, что создает широкие кожаные ремни, которые можно затянуть так туго, как вам заблагорассудится. Даже Бетси Джонсон — американка, в основном создающая недорогие, удобные и приятные к телу вещи для молодых девушек, и французенка Шанталь Томас, которая с успехом занимается дизайном нижнего белья, не смогли пройти мимо корсетов. Что уж говорить о знаменитых кутюрье! И Кристиан Лакруа, и Унгаро, и Валентино охотно создают весьма эффектные и заоблачно дорогие корсеты. Карл Лагерфельд сделал корсет центральной темой своей работы для дома Chanel. «Эту одежду невозможно носить без корсета, — заявил он. — Она так подогнана по фигуре, что без корсета от нее отлетят все пуговицы»⁸¹.

К 1994 году корсет окончательно вернулся в моду уже в двух ипостасях — как предмет нижнего белья и как деталь верхней одежды. Даже ориентированные на массового потребителя универмаги, такие как Saks Fifth Avenue, поверили рекламе, настаивающей на том, что «корсет с резинками для чулок заявил о себе как... аксессуар, придающий облику законченный вид»⁸².

Обувь

Согласно ранней версии сказки о Золушке, злые сводные сестры отрезали себе пальцы и обтесали пятки ради того, чтобы втиснуть свои ножищи в хрустальные туфельки, но сочащиеся струйки крови предательски выдали их уловку. В сатирической кинокартине Уильяма Кляйна «Кто вы, Полли Магу?» (1966) профессор объясняет, что скрытый смысл истории Золушки — это «достоинство крошечных ножек и красивой одежды». С победным видом он делает вывод: «И что мы имеем? — фетишизм, увечье, боль. Мода — это пустая шелуха».

Хотя это явное преувеличение, многие люди, пожалуй, склонны с ним согласиться, во всяком случае, когда речь заходит о высоких каблуках. Художница Камилла Нормент создала скульптуру «Хрустальная туфелька» из хрупких осколков битого стекла. Однако история Золушки пришла ей на ум, когда работа уже была окончена; ее первоначальный замысел подразумевал создание скульптуры, которая воплотила бы в себе идею уязвимости человеческого тела и рабского подчинения путам одежды.

И тем не менее обувь на высоком каблуке таит в себе очарование, непреодолимо завораживающее многих людей. «Я обувная фетишистка», — гордо заявила в беседе со мной одна специализирующаяся на моде журналистка (имея в виду лишь то, что она питает слабость к хорошей обуви). В миллионах женщин есть что-то от Имельды Маркос, а миллионы мужчин при виде женщины, идущей на высоких каблуках, демонстрируют рефлекс на зависть академику Павлову. Но все ли они фетишисты? Насколько — по сути — фетишизм отличен от знакомой многим из нас страсти к «сексуальной» обуви и «игривым ножкам»? В этой главе я попытаюсь объяснить, почему нога и обувь играют столь важную роль в системе эротических образов.

Когда мы рассматриваем данный вопрос в исторической перспективе, само собой напрашивается сравнение с приемами и приспособлениями, ограничивающими свободу и рост стопы. На Западе — как и в Китае — миниатюрная ножка долгое время прочно ассоциировалась с общепринятыми представлениями о женской красоте; в то время как большая нога и массивная обувь считались признаками мужественности. В свою очередь, высокие каблуки могли вызывать в воображении образ ног, закованных в колодки.

«Золотой лотос» длиной три цуня

Китайская традиция туго пеленать стопы девочек и молодых женщин несет в себе множественные черты культурного квазифетишизма. В китайской эротической литературе есть сцены, в которых мужчина нежно ласкает, целует и даже облизывает стянутые бинтами женские ноги. Женскую стопу размером в три дюйма* называли «золотым лотосом» и воспевали как идеальное олицетворение эротической привлекательности: «Взгляни на них, как покоятся они в твоих ладонях, — писал один поэт во времена династии Сун, — столь дивные, что описанию не поддаются». Формировавшаяся в результате систематического бинтования стоп семенящая походка также входила в число достоинств, делавших женщину сексуально привлекательной; а кроме того, было принято считать, что она укрепляет мышцы влагалища. В XVIII веке иезуит отец Рипа так писал о китайцах: «Их вкусы извращены до небывалой степени: я знаю одного врача, который сожительствует с женщиной, не имея с ней иных сношений, кроме любования ее ногами и осыпания их ласками»¹.

Если китайский знакомый отца Рипы, кроме упомянутых ласк, действительно не имел иных сексуальных сношений со своей госпожой, жившие в одно с ним время соплеменники, должно быть, видели в нем редкого чудака, который чересчур щепетильно относится к продолжению рода и опасается других далеко идущих последствий частых и продолжительных половых актов. Но как бы то ни было, эта история — по крайней мере на первый поверхностный взгляд — сродни современным отчетам западных специалистов о проявлениях обувного и фут-фетишизма.

Так, в недавно обнародованном докладе о современных формах сексуального поведения в качестве примера приведена история женщины, которая, сама того не зная, вышла замуж за фут-фетишиста. К ее ужасу новоиспеченный супруг в первую брачную ночь для начала подстриг ногти на ее ногах, а затем долго целовал и вылизывал ее стопы:

Я сдуру говорю: «Займемся любовью! Я хочу тебя!» А он мне отвечает: «Я и так занимаюсь с тобой любовью». И тут у него произошло семяизвержение. <...> Но что окончательно вывело меня из себя, так это то, что он попытался сотворить с моими пальцами на ногах. Вы, наверное, представляете, как парни просовывают бильярдный кий между пальцами руки? Так вот, Мистер Фут начал пристраивать свой пенис у меня между пальцев ног и возить им вперед-назад, и от всего этого еще больше возбуждался... это было так дико².

* Чуть больше 7,5 см. (Прим. пер.)

Всякий раз, когда она пыталась склонить мужа к обычному генитальному сношению, он на время превращался в импотента.

В нашем, западном обществе обычай утягивать стопы с помощью тугих повязок долгое время рассматривали как чудовищную форму угнетения женщины и/или как атрибут «извращенного» секса. Однако исследователи постепенно вносят коррективы в традиционную картину, которая нам знакома, в первую очередь, по заметкам западных миссионеров и эротической литературе — то есть из источников, в основе которых лежит чуждое китайскому мировоззрение. Вот на что в связи с этим обращает наше внимание Дороти Ко: «Перевязывание стопы тугой повязкой не укладывается в рамки монолитной, неизменной традиции, и это не тот жизненный опыт, через который прошли все несчастные женщины во времена каждой приходившей к власти династии; это скорее не подчиняющаяся строгим канонам практика, имеющая разное значение в глазах разных людей. <...> Иными словами, это практика, зависящая от определенных условий»³.

Подробное описание и анализ обычая бинтовать стопы выходит за рамки тематики данной главы; однако я считаю себя обязанной обратить ваше внимание на то, что вникнуть в суть этого феномена можно лишь в том случае, если мы вернем его в оригинальный исторический контекст и постараемся разобраться в его многообразном и изменчивом смысловом содержании. Судя по всему, традиция зародилась при китайском императорском дворе в X веке и в те времена имела отношение исключительно к искусству танца. Можно предположить, что изначально ограничения сводились всего лишь к ношению тесных чулок, которые, может быть, даже уместно будет сравнить с пуантами современных балерин. Однако во времена династии Сун обычай переняло высшее общество, где утянутая стопа сделалась «маркером» социального статуса; при этом его исполнение, по крайней мере в отдельных случаях, стало приводить ко все более заметной физической деформации. К XIV столетию пеленание стоп практиковалось даже среди крестьян. В целом обычай просуществовал вплоть до начала XX века.

Перевязывание стоп было болезненной и изматывающей процедурой, жестоко ограничивающей физическую подвижность и мобильность женщины. Четыре маленьких пальца в результате сдавливания загибались под подошву стопы, относительно свободным оставался лишь большой палец. Передняя часть стопы «устремлялась» навстречу пятке, из-за чего большой палец смещался книзу, а пяточная кость вперед. Кости ломались, в районе подъема формировался крутой изгиб, а со стороны подошвы стопа изгибалась глубокой аркой. (Силуэт деформированной таким образом стопы чем-то напоминает очертания туфли на высоком каблучке.)

Скрывающийся за всем этим сексуальный символизм очевиден. Действительно, из литературных произведений эротического содержания мы

узнаем, что в сексуальных играх торчащий большой палец выступал в качестве эрзац-пениса, а впадина с подошвенной стороны стопы использовалась как псевдовагина. Иногда женщина возбуждала партнера, касаясь ногами его гениталий, а кроме того, ее утянутая ножка могла полностью уместиться во рту у мужчины. Обувь также находилась в центре эротического внимания. Сшитый из яркого шелка, украшенный вышивкой, а зачастую еще и надушенный благоуханиями башмачок скрывал стопу и лодыжку партнерши и вместе с тем мог служить атрибутом различных эротических ритуалов, например становиться сосудом во время шуточных возлияний.

До недавнего времени не вызывало сомнения, что только беднейшие китайки (а также представительницы других этнических групп, в частности женская часть маньчжурского населения) имели возможность сохранить ноги не изувеченными. И все же сегодня мы склоняемся к мысли, что, несмотря на существование экстремального и крайне болезненного способа бинтования «золотой лотос», применявшегося при наложении утягивающих повязок на ноги некоторых девочек, «другие носили повязки, выполненные менее болезненными способами, которые „всего лишь“ удерживали носок в сдавленном состоянии или ограничивали рост стопы, но не приводили к перелому костей»⁴. Возможно, в Китае нога трехдюймового размера была почти такой же редкостью, как в Европе талия шестнадцати дюймов в объёме.

Избранные представители мужской части населения Китая, судя по всему, также носили на ногах утягивающие повязки. «В большинстве своем это были мальчики, находившиеся „на попечении“ взрослых гомосексуалистов», — пишет Уильям Райт в своей научно-популярной работе «Сексуальная жизнь ноги и обуви» (*The Sex Life of the Foot and Shoe*). Далее, фактически смешав в одну кучу несколько разнородных категорий, которые никоим образом не могут дать адекватного представления об исторических реалиях, он добавляет: «Китайские гомосексуалисты, трансвеститы и профессиональные исполнители женских ролей, хотя на самом деле и не подвергались пеленанию стоп, услаждали себя тем, что симулировали „золотой лотос“, туго перевязывая свои ноги и втискивая их в маленькие, имеющие форму лотоса туфельки и имитируя чувственную семенящую походку»⁵.

Судя по всему, обычай утягивать стопы был тесно связан с философией неоконфуцианства и касавшейся женщин социальной субординацией. Его можно рассматривать как средство, позволяющее более строго блюсти женские добродетели, как отличительный признак нарочито праздного образа жизни и как знаковый элемент китайской культурной идентичности. Усилия миссионеров лишь отчасти способствовали отказу от этой традиции — важнее, что отношение к ней изменилось внутри самого китайского общества. И если во времена династии Сун практика бинтования стоп поощрялась на государ-

ственном уровне — как еще один способ оттенить и подчеркнуть природную силу и манеры китайских мужчин, то к началу XX столетия многие китайцы уже смотрели на нее как на безнадежно устаревший обычай, который тормозил усилия нации, направленные на сопротивление западному империализму. Среди самих китайцев можно встретить и тех, кто порицает практику пеленания стоп исходя из того, что она ущемляет права женщин. К числу таких критиков относится писатель Ли Жу-Чжэнь. В одной из частей своего романа «Цветы в зеркале» он описал страну, в которой женщины держат в руках бразды правления, а мужчины носят на ногах тесные «колодки». Общественные организации, в частности Общество в поддержку естественного состояния ног, приложили массу усилий, чтобы положить конец владеющей умами мысли о том, что не знавшая утягивающей повязки женская нога слишком велика по размеру и безобразна на вид. Некоторые свидетельства говорят в пользу того, что знакомство с западными образчиками обуви на высоком каблуке, создающей визуальную иллюзию «миниатюрной ноги» и заставляющей женщину ходить нетвердым шагом, могло облегчить постепенный отказ от эротического идеала, неотъемлемой частью которого была утянутая стопа.

Можно ли включить обычай утягивать стопы в число «фетишистских» практик? Фрейд полагал, что так оно и есть, и говорил, что практика утягивания стоп, существовавшая в Китае в рамках общепринятой культурной нормы, отчасти помогала утолить страх кастрации. Однако значение любой культурной практики контекстуально обусловлено; и даже в Китае далеко не все мужчины были поклонниками женских ножек, деформированных тугими повязками. Не так давно китайский писатель Фэн Цзицай, основываясь на глубоком знании данной исторической традиции, написал роман «Золотые лотосы длиной три цуня». Он повествует о женщине, которая, выйдя замуж, попадает в семью, где все мужчины питают к перевязанным женским ножкам страсть, выходящую далеко за пределы культурной нормы общества, к которому они сами принадлежат.

Традиция утягивания стоп, определенно, будоражит воображение современных западных фетишистов. В 1970-е годы даже существовало общество фут-фетишистов, называвшееся «Клуб Лотос» (The Lotus Club) — в честь легендарного «золотого лотоса» длиной три цуня. Да и сегодня в специализированных изданиях то и дело публикуются статьи, описывающие, как нужно действовать, чтобы «правильно» перепеленать стопы своей возлюбленной. Впрочем, рассказывают они в основном о современных фетишистах, а не о той исторической традиции, в которой те видят свой идеал. Многим современным фетишистам приятно сравнивать свои индивидуальные психосексуальные пристрастия с традиционными практиками из других культур, хотя между современным фетишизмом и его культурными «прототипами», определенно,

есть существенные различия. Тем не менее анализ культурных параллелей между китайским обычаем бинтовать стопы и развитием обувного эротизма где бы то ни было в мире может оказаться по-своему полезным, поскольку наличие различий (даже затрагивающих какие-то ключевые моменты) не отменяет существования точек соприкосновения и сходных черт, которые подчас бывают воистину достойны изумления.

Утрированный эротизм

Расхожие представления о XIX столетии вертятся вокруг идеи подавления сексуальности. Согласно широко распространенному мнению, на почве притворной сексуальной «щепетильности» в Викторианскую эпоху расплодилось несметное множество прикрытых маской лицемерия извращений. «Борьба за прикрытые ноги велась столь эффективно, что в середине века мужчины распалялись, едва бросив взгляд на женскую лодыжку, — писал историк Стивен Керн в работе «Анатомия и судьба» (*Anatomy and Destiny*). — Особенно часто встречавшиеся в это время случаи фетишизации обуви и чулок в очередной раз подтверждают существование утрированного эротизма, порожденного обычаем скрывать нижнюю часть женского тела»⁶.

Филипп Перро, автор книги «Моделирование буржуазии» (*Fashioning the Bourgeoisie*), также утверждает, что «в XIX веке женщины акцентировали пышную форму своей груди и зада, но их ноги были полностью скрыты, [это был] сочащийся сквозь кружевную пену нижнего белья эротический капитал, оборот которого мог сравниться с поклонением золотому тельцу и измерялся возбуждением, возникающим при виде лодыжки»⁷. Исторический анализ моды XIX столетия часто пестрит экономическими терминами и намекает, что капитализм эксплуатировал всеобщую одержимость телом, чтобы обеспечить рыночный успех новым товарам.

Тот, кто верит, что длинные юбки Викторианской эпохи «породили» массовое фетишистское поклонение женским ногам и обуви, находится во власти неуклюжего и ошибочного стереотипа. Достаточно вспомнить, что женщины носили юбки до пола на протяжении многих веков — и в «распущенном» Париже XVIII века они были такими же длинными, как и в якобы «стыдливом» викторианском Лондоне. И здесь и там ноги, определенно, считались сексуально привлекательными. В книге «Плотская школа поэзии» (*The Fleshly School of Poetry*) Роберт Бьюкенен говорил о том, что «сладостлюбие» опасно распространилось в обществе:

Оно просочилось в каждую кондитерскую; и там... можно было увидеть актуальные в текущем году модели женской Ноги, изящные поделки,

повторяющие оригинал во всех подробностях аж до бедра, с бумажной окантовкой, имитирующей дамские панталоны, и декорированные, как предписывала тогдашняя женская мода! <...> Нога, словно болезнь... превращается в угрозу, в недоброе знамение, в манию... [и] повсюду, чуть ли не в каждой витрине — канкан⁸.

Керн убежден, что все это свидетельствует об общей сексуальной подавленности; но разве не логичнее было бы сделать вывод, что так проявлялось растущее стремление открыто демонстрировать сексуальность либо, что также возможно, постепенно набиравшая обороты коммерциализация сексуальности. Тем более нет никаких причин полагать, что обувной и фут-фетишизм в XIX веке были явлениями более обыденными, нежели в наши дни. Впрочем, первые проявления обувного фетишизма, судя по всему, относятся еще к XVIII столетию.

Французский писатель Ретиф де ла Бретонн (1734–1806) был хорошо знаком с тем, что мы могли бы назвать «истинным» фетишизмом (фетишизмом третьего или четвертого порядка). В его написанном от первого лица романе «Ножка Фаншетты» (*Le Pied de Fanchette*) главный герой крадет розовые туфельки, принадлежащие супруге его нанимателя, не в силах устоять перед чарами их маленьких розовых язычков и зеленых каблучков: «Губы мои крепко прижались к одной из драгоценностей; в то время как другая, введя в заблуждение священный конец природы, что вполне объяснимо переизбытком моего восторга, заменила собой сексуальный объект». Иными словами, облобызав одну из своих «драгоценностей», он изверг сперму внутрь другой. Согласно недавним исследованиям, «ежедневные дневниковые записи [де ля Бретонна] указывают — с еще большей ясностью, чем его литературные истории, что он был обувным вуайеристом, обувным вором и страстным коллекционером обуви»⁹. Но особую слабость он питал к высоким каблучкам.

Культ Высокого каблука

В недавно опубликованной статье «Ад на каблуках» (*Hell on Heels*) Энн Магнусон описала «агонию и экстаз», которые одновременно переживает женщина, обутая в туфли на высоком каблучке, и сделала следующий вывод: «... что отличает нас от бедных китайских девочек, у которых была злодейски украдена способность свободно передвигаться, так это то, что мы все же можем спастись бегством, как только почувствуем, что сыты всем этим по горло»¹⁰. Высота обуви, так же как ее размер, имеет свои эротические коннотации. Одно из удивительных изобретений эпохи Ренессанса — это венецианские *чопины*, туфли на немыслимо высокой платформе, которые в первую очередь ассоциировались с образом куртизанки. Обувь на платформе (как женская, так

и мужская) не такая уж редкость — с нею знакомы многие культуры, и далеко не всегда в ней заложено именно эротическое значение. Визуально увеличивая рост человека и наделяя его более величественной осанкой, она может быть атрибутом, указывающим на высокий социальный статус. Обувь на умеренно высокой платформе, такая как традиционные японские сандалии *гета*, может выполнять утилитарные функции, в частности приподнимать своего чисто-плотного владельца над уличной грязью.

Однако не вызывает сомнения, что обувь на очень высоком каблуке или платформе существенно ограничивает подвижность человека и играет роль своеобразного «бондажа»; и некоторые люди находят это весьма сексуальным¹¹. Иногда даже внешний намек на ограничение свободы воспринимается как эротический посыл. В 1992 году модный дом Chanel выпустил в продажу сандалии на пробковой платформе с охватывающими лодыжку ремешками; источником вдохновения при создании этой модели послужили процитированные в *New York Times* слова Энн Холландер, задавшей вопросом, за счет чего этот образ в свое время выглядел столь «сексуально, порочно и соблазнительно». Немного порассуждав о «бесчисленных эротических практиках», она пришла к мысли, что элегантные оковы на лодыжке заставляют нас смотреть на женскую ногу, «как на прекрасную рабыню»¹².

В XVII столетии европейские обувщики принялись модифицировать платформу и в результате сотворили туфли на высоком каблуке. Поначалу высокий каблук носили не только женщины, но и мужчины. Но постепенно мужская мода становилась все более сдержанной, и обувь на высоком каблуке превратилась в атрибут женского гардероба. Таким образом, эротическая привлекательность высоких каблуков стала неизбежно ассоциироваться с понятием «женственность». Однако важно подчеркнуть, что высокий каблук отнюдь не всегда бывает в фаворе у женской моды¹³. Зато обувные фетишисты готовы поклоняться ему практически постоянно.

Многие читатели EDM высказывали со страниц этого издания собственное мнение об обуви на высоком каблуке. И некоторые из них явно были склонны сравнивать ее с приспособлениями для утягивания стопы. «Можно догадаться, какие муки испытывали китайские дамы... [но], я думаю, никто не станет отрицать, что Обувь на Высоком Каблуке создает пикантный и очаровательный эффект»¹⁴. Маленькая, «аккуратная» ножка в «изящной» туфельке, наделяющей даму «грациозной» походкой, входила в число явных пристрастий многих корреспондентов EDM¹⁵. Они открыто презирали «громоздкие, бесформенные, тяжелые» каблуки мужских башмаков, отдавая предпочтение тонким каблуккам, «высоким настолько, насколько это возможно», которые делали ногу «высокой в подъеме» и придавали «элегантный изгиб талии»¹⁶. Автор одного письма уверял, что он собственными глазами видел «прекрас-

ных парижанок, которые с легкостью ходят на каблуках высотой почти в три дюйма»¹⁷. Обратите внимание на эту символическую нумерологию — то есть на то, как некогда вожденный размер ноги здесь превращается в вожденный размер каблука.

«Высокие каблуки, пришедшие на смену корсетному вопросу в дамских *Conversazione**, — позволите ли вы мне выразить собственное мнение относительно этого письма так же, как и мнение на предыдущую тему?» — спрашивал читатель, подписывавшийся именем Вальтер. (Думаю, вы еще не забыли того Вальтера, который описал, как затягивали в корсеты мальчиков в одной закрытой школе в Австрии.) Ему нравилась «грациозная манера походки», которую порождают высокие каблуки, и особенно то, как они заставляют даму «тянуть носок». Он и сам «заимствовал» ботинки из женского гардероба и «постепенно увеличил высоту их каблуков» до трех дюймов¹⁸.

Задолго до того как мода начала поклоняться высокому каблуку, это сделали фетишисты. И они всегда упорно отдавали предпочтение каблукам, заметно более высоким, чем было предписано модными «нормами». Согласно утверждению специалиста в области истории обуви Мери Траско, фетишисты всегда делали упор на «крайностях и игнорировали модные тенденции»¹⁹.

«Любовь к высоким каблукам один из наших „пунктиков“, и, как мне кажется, он один из самых безобидных», — писал некий читатель издания *London Life* в 1933 году²⁰. В контексте фетишистской субкультуры высокий каблук занимал второе место по популярности после корсета. Действительно, высокие каблуки, тугий корсет и переодевание составляли своего рода стандартную комбинацию. Например, некая дама, писавшая под псевдонимом Счастливые Каблучки, утверждала, что ей удалось склонить мужа к тому, чтобы, находясь дома, он носил корсет и обувь на высоком каблуке²¹. Мистер Икс признавался, что сам не раз примерял восьмидюймовый каблук и корсет, утягивающий талию до девятнадцати дюймов (около 48 см)²². А Покорная Жenuшка облачалась в корсет и высокие, как ходули, туфли, чтобы доставить удовольствие супругу. Другая дама, скрывавшаяся под именем Шестидюймовые каблуки, также «наряжалась, чтобы порадовать муженька», но при этом она требовала, чтобы в ответ ее порадовали «еще больше»: «Я не могу представить себя покорной, если только это мне самой не доставляет удовольствия»²³.

Каблуки становились все выше, по мере того как юбки делались все короче, — это подметил один из читателей в письме, отправленном в *Photo Bits* еще в 1910 году²⁴. Но в действительности картина не была столь простой и однозначной. Некоторые литературные опусы, созданные фетишистами для фетишистов, смело можно отнести к фантастическому жанру. В том же 1910 году

* В данном контексте — «салонные дискуссии». (Прим. пер.)

Photo Bits опубликовал серию рассказов под общим заглавием «Пегги Пэджет и ее лакированные парализующие постаменты» (Peggy Paget's Patent Paralyzing Pedal Props), содержание которых вращалось вокруг туфель на восемнадцатидюймовых* каблуках и платформах или, как они названы в самом тексте, «постаменты», поддерживающих переднюю часть стопы.

О, как постукивали эти «постаменты» и «каблуки» по твердому полу! О, какой экстаз — какой неопиcуемый экстаз пульсировал во всех моих венах при каждом моем шаге! О, что за удовольствие — невыразимое удовольствие — овладевало мною, когда развешенные по стенам зеркала отражали мое царственное величие и поднимающееся во мне чувство собственного достоинства, с которым я «чеканила шаги»²⁵.

Впрочем, кто бы ни был обут в такие туфли, вряд ли нашлась бы причина, которая смогла бы заставить этого человека хоть немного «пройтись». Стоя на пальцах (но совсем не так, как балерина на пуантах), с изогнутым до предела подъемом, их счастливый обладатель чувствовал бы себя практически стреноженным. Туфля-фетиш, изготовленная в Вене на рубеже XIX и XX веков, имеет немислимо высокий каблук, который сконструирован таким образом, чтобы его (наподобие фаллоимитатора) можно было ввести в анус партнера-фетишиста. А в рассчитанной на фетишистов порнографической литературе часто встречаются сцены, в которых женские каблуки царапают, колют и даже пронзают мужчин.

Оружие и рана

«Обувь на высоком каблуке... стала объектом преданного служения, граничащего с исступленным поклонением», — утверждало издание High Heels в 1962 году. Заключенная в туфлю на высоком каблуке, «нога превращается в таинственное оружие, которое страшит пассивного мужчину; но, будучи поверженным, он торжествует». Обувь на высоком каблуке — это «символ любви», но также и «символ агрессии». «Она воплощает в себе идею власти. Она указывает на господствующее положение»²⁶.

Примитивные гендерные стереотипы типичны для фетишистских фантазий: «Природа постановила, что мужчина будет агрессивным, а женщина должна оставаться пассивной. Но в последние несколько десятилетий ситуация перевернулась с ног на голову»²⁷. Хотя образ властной, занимающей доминирующее положение женщины принято описывать на языке «женского

* Около 45,5 см. (Прим. пер.)

равноправия», он, по-видимому, в большей степени связан с психическим климатом взаимоотношений между мужчиной и женщиной, сложившимся в той семье, где родился и провел первые годы жизни будущий фетишист. «Сама идея надеть на женщину высокий каблук указывает на ее природную склонность к господству и агрессии», — говорилось в письме одного из читателей High Heels²⁸. «Я вижу в мужчинах самых настоящих рабов», — гордо признавалась со страниц London Life некая Дама на высоких каблуках. Но все же с небольшой оговоркой: «Пожалуй, стоит позволить мужчине самостоятельно выбрать, какие туфли он предпочитает [видеть на моих ногах]»²⁹.

«Босая нога... не таит в себе никаких секретов!» Но стоит на нее что-нибудь надеть, и она тут же становится «таинственной» и «запретной» — а значит обворожительной. Кожа, из которой шьют обувь, «подобна человеческой коже, но только более прочной и жесткой»³⁰. Мужчина, поклоняющийся высоким каблукам, «действительно готов унижить себя перед высшим полом». Он взирает на женщину с таким «суеверным ужасом и благоговением», что она кажется ему «неприкасаемой», и он благодарен возможности целовать ее туфли, находя в этом удовлетворяющую его потребности «форму унижения»³¹.

В некоторых фетишистских фантазиях женщина превращается в огромную великаншу, которая безжалостно топчет копошащихся у ее ног крошечных и никчемных мужчин. В «Шоу ног» (Leg Show) полно фотографий и рисунков «властной» женской стопы (иногда обнаженной, иногда обутой в туфлю на высоком каблуке), давящей и размазывающей по земле все, что попадает на ее пути, — от бананов до слизней и жуков. Там же можно встретить рекламу видео, которая обещает, что зрелище будет сопровождаться «хлюпаньем, чавканьем [и другими] звуковыми эффектами». Одна, особо запоминающаяся, серия фотографий показывает, как отряд из нескольких десятков малюсеньких пластиковых солдатиков пытается взять приступом женскую ногу, обутую в черную туфлю на огромном каблуке³².

Рихард фон Крафт-Эбинг был уверен, что «подавляющее большинство — а может быть и все» — обувных фетишистов являются мазохистами. Например, некий Мистер Икс жаждал «лежать у ног [своей] дамы, вдыхая их запах, и лобзать ее туфли»³³. А Хавелок Эллис рассказал о некоем мужчине, чья сексуальная жизнь была полностью сосредоточена на «изысканно облаченных» женских ногах и желании быть «попраным с предельной жестокостью». Вот что писал сам этот пациент, обозначенный у Крафт-Эбинга инициалами К.П.:

Хорошо бы, чтоб юбки были приподняты достаточно высоко для того, чтобы доставить мне удовольствие видеть ее ступни и лодыжки во всей красе, но только не ноги выше колен, иначе эффект будет куда как слабее.

<...>

Хорошо бы, чтоб мне истоптали... всю грудь, весь живот и пах, а под конец и penis, который, конечно же... [будет] в состоянии неистового напряжения. <...> Также я получаю удовольствие, будучи почти задушенным женской ногой³⁴.

Фантазии господина К.П., грезившего о том, как женская ножка наступит ему на горло, несут в себе некоторые значимые коннотации. Давление на penis, определенно, вызывает ассоциации с давлением, которое оказывает на тело корсет или тесная перчатка и т.д. Чтобы испытать «сильнейшую эрекцию», господину К.П. достаточно было увидеть, как «вновь поднимается» трава, только что «примятая женской ногой»³⁵. Однако ему ничуть не нравились ботинки, и он питал «непреодолимое отвращение к туфлям и чулкам, в расцветке которых присутствовал красный цвет; это даже приводило к половому бессилию»³⁶. Его будоражила мысль о том, что обувь может быть оружием, но если что-то в ней напоминало рану, такая символика действовала на него отталкивающе.

Впрочем, некоторые обувные фетишисты находят прелесть в физических увечьях. Некий человек из Орегона писал в Biz-zarre Club о своем интересе к «экстремальным» и «необычным» фасонам обуви: «Сам я студент, изучаю дизайн обуви и специализируюсь на ортопедических моделях для страдающих от хромоты и деформации [ног]»³⁷. А в London Life был опубликован целый ряд писем, посвященных «помешательству на одноногих»³⁸. Фотограф Хельмут Ньютон обнаружил свой интерес к такой разновидности фетишизма, когда запечатлел Дженни Капитэн в образе «калеки» — с загипсованной ногой и шиной на шее, на фоне разобранной кровати в пансионе Dorian в Берлине³⁹.

Порнографический опус из жизни трансвеститов «Вторжение в трусики» (Panty Raid) изобилует фантазиями на темы обувных фетишей. Когда женщина-госпожа «делает шаг своей изящной, но обутой в символ могущества ногой, из-под ее семидюймовой шпильки вырываются мелкие искорки». Все туфли — «с открытым носком, из которого проглядывают блестящие красные ногти». (Иллюстрации, публикующиеся в журналах, ориентированных на обувных фетишистов, часто изображают ногти на ногах женщины как кроваво-красные когти жестокой хищницы.) В этой истории мужчину-пленника в наказание заставляют переодеться в женское платье: «Брюс едва удержался от крика, когда обе его ноги подверглись пытке, втиснутые в круто изогнутое лоно этих самодельных туфель из белой кожи». Но самый удивительный аспект, связанный с этими туфлями, — это воплощенный в их дизайне нарочитый намек на кастрацию: «Передок туфли украшала необычная деталь — сияющая в окружении страз миниатюрная гильотина»⁴⁰.

Сапог повелителя

Ни сказы, ни шпильки ни единым словом не упоминаются в порнографических новеллах, озаглавленных «Целователь сапог» (Boot Licker), «Раб, лобзающий сапог» (Boot-Licking Slave), «Повелитель в сапогах» (Booted Master) и т.п. Эти заглавия более чем красноречиво отражают суть повествования, в котором сапог выступает символом огромного пениса. Сапоги с грубыми, жесткими подметками и низкими тяжеловесными каблуками, источающие резкий запах пота и грубо обработанной кожи, выглядят ультра-мужественно: «Инженерные сапоги из черной кожи — это сапоги для мужиков, которые знают: ты — это то, во что обуты твои копыта». Юноша должен научиться быть «достойным сапог, предназначенных для настоящего мужика»⁴¹.

В рассказе «Повелитель в сапогах» брутальный байкер Нино жестоко насмехается над «девчачьей» обувкой Брайана: «Кроссовочки!.. Ах ты маленькая киска!.. Сдается мне, что у тебя под джинсами прячутся еще и красные шелковые трусишки». В мотоклубе, говорит Нино, существует свой «дресс-код, точно такой же, как тот дресс-код, что предписывает мужчине приходить в дорогой ресторан в пиджаке и при галстукке или диктует определенный стиль желанием попасть в Studio 54». Он связывает Брайана и за шнурок подвешивает кроссовок к его гениталиям, приговаривая, что хочет «втолковать [ему] кое-что о сапогах». Затем следует сцена вылизывания сапог: «И чтоб они стали как зеркало... чтоб ты мог посмотреть вниз и увидеть, как в них отражается твой конец». Что же касается вкуса настоящего мужского сапога, то в нем смешались привкусы «грязи, кожи, спермы, дерьма и мочи»⁴².

«А ну-ка обхвати меня так, чтобы я смог почувствовать твои сапоги вокруг моего тела», — говорит настоящий мужик. Но Брайан настаивает, что мужчины, у которых случается секс с другими мужчинами, *никакие не* «педики или геи. <...> Они занимаются этим с парнями... просто для развлечения». Носить сапоги — привилегия настоящих мужиков; так сказать, только для племенных самцов. Меж тем Нино продолжает изгаляться: «Как думаешь, не пора ли тебе отведать моего сапога? Что скажешь, педик ты недоделанный?» Затем его сменяет другой «настоящий мужик», обутый в ковбойские сапоги из «до блеска начищенной кожи, с декоративной клепкой... высокими каблуками и острыми носами». Он одет в «кожаные ковбойские штаны, все еще пахнущие бычьей спермой, и рубаху нараспашку, выставляющую напоказ его мускулистую грудь». Его кредо — сапоги должны быть на вкус как бархат⁴³. Рабы лобзают тяжелые черные сапоги своих повелителей с тем же удовольствием, «с каким младенец берет в рот свою соску»⁴⁴.

Особое значение сапогам придают и лесбиянки. В современной Бразилии женщин, исполняющих в лесбийских отношениях роль мужчины, называют словом «сапатао» (порт. *sapatao*), которое в дословном переводе означает

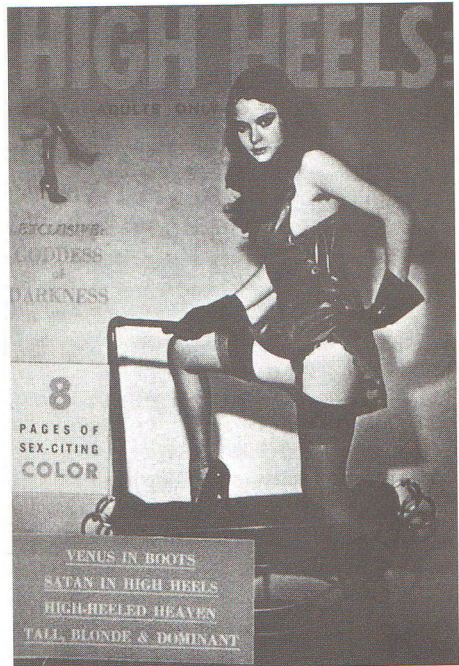
«большие туфли». Один житель Бразилии дал этому такое объяснение: «Туфля ассоциируется с ногой; а еще считается, что, если у мужчины большая нога, то у него... и член тоже большой. <...> Это даже вошло в поговорку». Другой человек добавил, что «из всех слов, которыми называют лесбиянок, самое сильное — „котурно” (порт. coturno) [„армейский сапог/ботинок”]», потому что «это символ мужской силы». Солдат надевает «сапоги, которые подходят для его занятий, ну, чтоб ходить по грязи, сражаться. <...> Так что это настоящая мужская вещь! Понимаете? в общем, армейские сапоги сгодятся для чего угодно, и еще они очень крепкие». В свою очередь, за «слабой половиной» лесбийской пары в бразильском сленге закрепилось название «сапатилья» (порт. sapatilha) — «туфелька», потому что «сапатильи — это обувь, которую носят балерины»⁴⁵.

Сапоги прочно ассоциируются с понятиями «маскулинность» и «могущество фаллической женщины» уже более чем на протяжении столетия. Некто, скрывавшийся под псевдонимом Влюбчивый Холостяк, в письме, опубликованном в EDM, рассуждал о том, что сапоги, «будучи символом силы и стойкости», определенно, принадлежат миру мужчин. Сам он предпочитал радующие глаз «плавным изяществом линий сандалии», хотя трудно понять, сам ли он их носил или обувал в них своих подруг⁴⁶. Другой корреспондент EDM — Нимрод сравнивал обутую в сапоги женщину с амазонкой: «Женские сапоги для верховой езды — это те же веллингтоны или наполеоны» (тем более что их было принято надевать вместе с замшевыми брюками). И чем заметнее на них шпоры (еще один объект вожеления не только для Нимрода, но и для многих других корреспондентов EDM), тем лучше⁴⁷. Уже в XX веке некий трансвестит признавался, что ему очень нравится, как выглядят женские сапоги/ботинки, «потому что они скрывают лодыжки (костлявые и потому недостаточно женственные) и подчеркивают форму икры (плоть)»⁴⁸.

Среди немногочисленных описанных в научной литературе случаев женского фетишизма есть и такой. Одна генеральская дочь питала слабость к «начищенным до блеска сапогам для верховой езды, принадлежавшим ее отцу». Она предпочла выйти замуж за уродливого старца «лишь потому, что он носил очень высокие жокейские сапоги». Сама она объясняла это так: «Вот человек, обутый в сапоги и сидящий верхом на коне, — только он может быть настоящим мужчиной». Соответственно, человек в «цивильной» обуви «вообще не был мужчиной в ее глазах». Вид босых мужских ног вызывал у нее непреодолимую гадливость, особенно отвратительным казался большой палец. «Сама она предпочитала носить высокую обувь, поскольку она заставляла ее держаться прямо и придавала ее облику более живой вид, а также из-за приятного ощущения тугой зашнурованности»⁴⁹.



Карикатура на корсет.
Фронтиспис книги Люка Лимнера «Мать-Природа против Молоха моды». 1874



Слева: Фетишистская мода. Ок. 1944. Воспроизводится с любезного разрешения Kinsey Institute
Справа: «Фетишизация — норма для мужчин»



Представительница садомазохистского сообщества с осиной талией.
Воспроизводится с любезного разрешения
Peter Farrer Collection



Корсет как объект фетишизации
и одновременно придающий телу форму,
которая также может фетишизироваться.
Рекламная открытка. XIX



Слева: Сексуальный символизм? Рекламная открытка. XIX
Справа: В XIX веке казалось, что «фетишизм, как и порнография,
был сравнительно недавним "изобретением"». Из: La Caricature, 1882





Слева: «Стягивающий талию корсет» от Марселя Роша
 Справа: «Модную девушку "уягивает" могучая горничная под присмотром своей хозяйки»,
 из журнала London Life («Лондонская жизнь»). 1929.
 Воспроизводится с любезного разрешения Британской библиотеки, Лондон

October 21, 1899 SOCIETY. 1945

MADAME DOWDING,

8 & 10, CHARING CROSS ROAD (Opposite the National Gallery, Trafalgar Square),
 Ladies' Tailor, Corsetier, and Court Dressmaker.

A 36in.
B 24in.
C 26in.
D 9in.
E 4in.
F 10in.
G 5in.

No. 1 - THE QUEEN OF CORSETS.
 In the highest quality shape.

No. 2 - THE BARBDOUR.

No. 3 - THE PORTING BELT.

No. 4 - THE CATHON. A new invention with military fastenings. Silk Knives, from 20/- Black and Colours, from 25/-

No. 5 - THE SHEDDING BELT. The Ladies' Skin Corset, with Leather Bands, from 25/-

No. 6 - THE BELLE. A new invention with military fastenings. Silk Knives, from 20/- Black and Colours, from 25/-

No. 7 - THE GARDEN. A new invention with military fastenings. Silk Knives, from 20/- Black and Colours, from 25/-

No. 8 - THE MILLER. A new invention with military fastenings. Silk Knives, from 20/- Black and Colours, from 25/-

No. 9 - THE RIBBER.

No. 10 - THE KITCHENER.

No. 11 - THE STRETCH BELT.

No. 12 - THE IMPROVED BEADING CORSET.

The new invention with military fastenings. Silk Knives, from 20/- Black and Colours, from 25/-

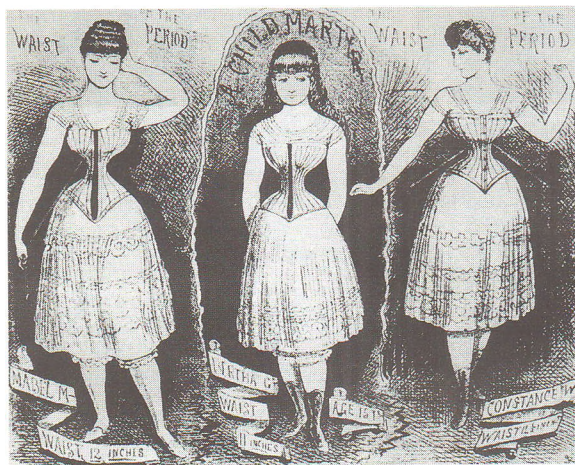
Made in London by Mrs. Dowding, 8 & 10, Charing Cross Road, London W.C.2.

ALL CORSETS STRICTLY PRIVATE IN MAKE AND DESIGN.

Now! - ABOUT THESE CORSETS

We have been taken severely to task for our article on the corset in Vol. No. 2. Corset enthusiasts have heaped abuse, brimstone, & fire on our heads in the tersest tones. My loud and clear, I went and shouted in his ear' - but that pretty well sums up the situation. The main complaint seems to be just that women and men like... wearing corsets, and we are accused of flippancy and to have looked on the garment as some sort of freak. Now that's not fair! We never suggested anything of the sort. Most every male likes to see a trim and pretty waist (women, thank goodness, know it) and everyone fears that "middle age spread". Some, in these days of freedom, diet and hope for the best, others are sensible and also wear a corset!

Слева: Среди поклонников корсетов были не только дамы, но и мужчины.
 Некоторые корсетных дел мастера изготавливали корсеты для представителей обоих полов.
 Реклама продукции Madame Dowding из журнала Society от 21 октября 1899.
 Бодлеанская библиотека Оксфордского университета
 Справа: Фетишистская иллюстрация, середина XIX



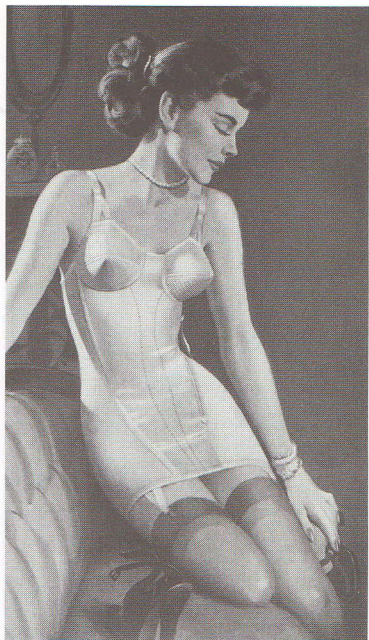
Примеры тугого утягивания, приведенные в журнале Family Doctor («Семейный врач») 3 марта 1888. Воспроизводится с любезного разрешения Peter Farrer Collection



Сексуальная притягательность товара. Каталог эротических товаров, иллюстрированный Карлосом. Ок. 1930-1940-х. Воспроизводится с любезного разрешения Kinsey Institute



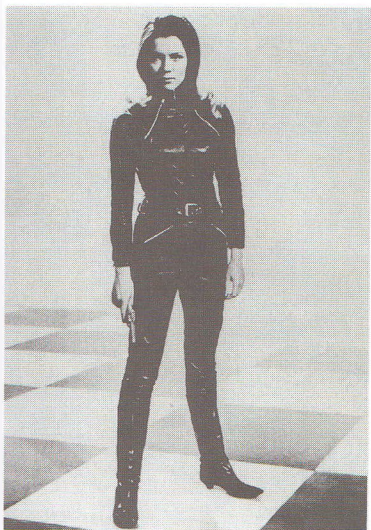
Утягивание, характерное для жительниц разных стран. Образцы приведены в журнале Family Doctor от 7 апреля 1888. Воспроизводится с любезного разрешения Peter Farrer Collection



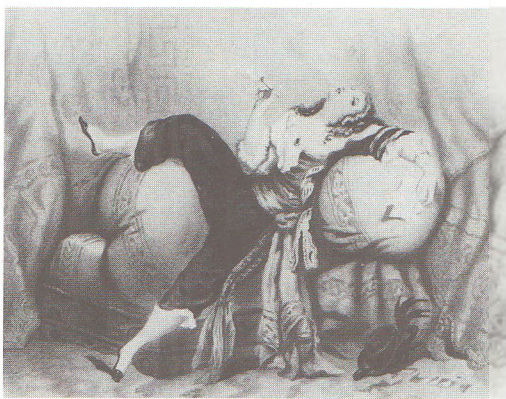
Реклама корсета Formfit, 1949



Одежда как признак власти. Частная коллекция



Слева: Эмма Пил — героиня вышедшего на экраны в 1960-е годы сериала «Мстители», популяризовавшего фетишистский гардероб, к примеру кожаный костюм женщины-кошки



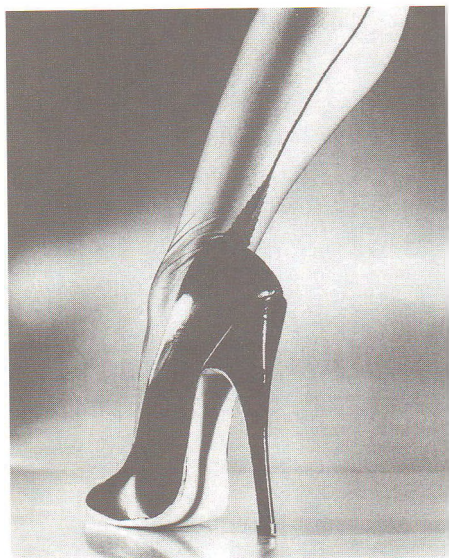
Справа: Переодевшаяся в мужскую одежду куртизанка. Париж, ок. 1850



Черный кожаный корсет. Skin Two.
Фотограф: Тревор Уотсон

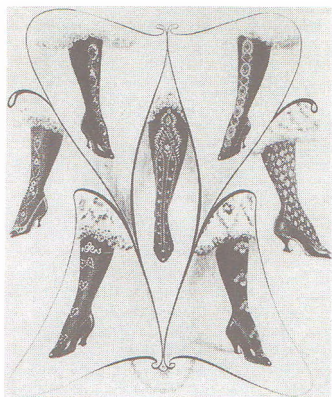


Кэти Янг в верхнем корсете из серебра 925-й пробы. 2000. Фотограф: Аарон Коббетт



Слева: Шпилька в журнале Skin Two («Вторая кожа»). Фотограф: Крис Белл
Справа: Ла Гулю, известная танцовщица канкана, любимая модель Тулуз-Лотрека, в панталонах, отделанных рюшами, и в пышных нижних юбках

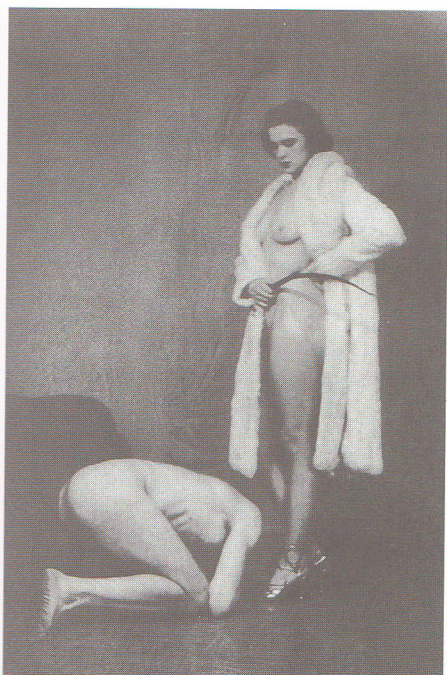




Реклама чулок, ок. 1900



Венецианская куртизанка в чопинах (обуви на высокой платформе) и в панталонах, ок. 1600



Слева: Мужчина, лижущий туфлю женщины в шубе. Ок. 1937.
 Воспроизводится с любезного разрешения Kinsey Institute
 Справа: Две женщины в резиновой экипировке. Ок. 1960.
 Воспроизводится с любезного разрешения Kinsey Institute

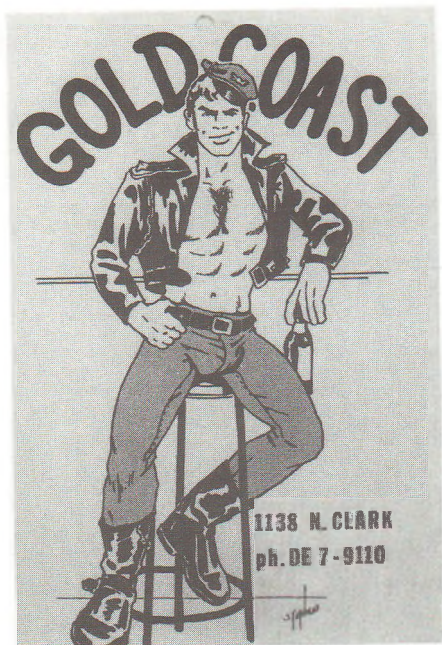
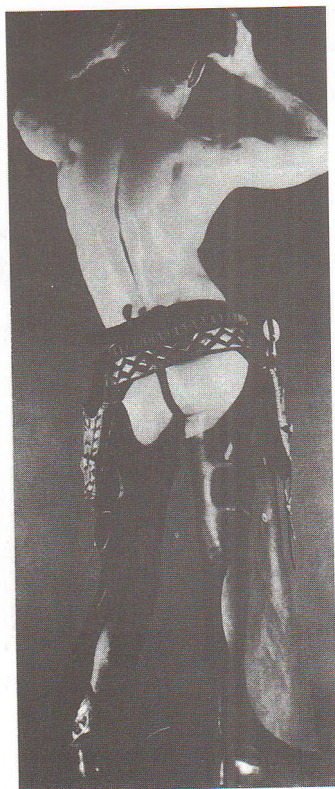


Иллюстрация Стивена для Gold Coast.
1964. Воспроизводится с любезного
разрешения Kinsey Institute



У кого в распоряжении хлыст?
Ок. 1935. Воспроизводится с любезного
разрешения Kinsey Institute



Слева: Ковбой-фетишист в кожаных штанах-чалсах. Ок. 1960.
Воспроизводится с любезного разрешения Kinsey Institute



Справа: Медсестра как сексуальный объект. Ок. 1940

Обувь и секс

«Множество крупных планов очаровательных ножек, то проскальзывающих внутрь сексуальных туфель на шпильках... то выскальзывающих из них», — сулит реклама фетиш-видео⁵⁰. Функционально обувь может выступать в роли символического заменителя пениса или, что также возможно, вагины, готовой принять в себя фаллическую стопу. Фрейд полагал, что обувь часто становится объектом фетишизации в силу того, что это тот последний (приемлемый) рубеж, который преодолевает взор мальчика, заглядывающего под юбку матери, прежде чем столкнется с ужасающим видом женских гениталий.

Однако Эрнест Беккер в своей отмеченной Пулитцеровской премией книге «Отрицание смерти» утверждает, что «нога ужасна сама по себе; и более того, за ней повсюду следует ее поразительное отрицание, ее выходящая за пределы противоположность — туфля». Другим частям тела также соответствуют свои фетиш-объекты: нижнее белье служит «завесой» для гениталий, корсет — «доспехами» для изобилующих плотью торса и груди. Но стопа-и-туфля образуют воистину изумительное единство. Если стопа — это низменное и грязное «свидетельство нашей выродившейся животной природы», то обувь — изготовленная из мягкой и сияющей глянец кожи, с элегантно изогнутым подъемом и заостренным носком, приподнимающая нас над землей на прочном остром каблуке — «это вещь как нельзя более близкая к телу, но все же не принадлежащая телу»⁵¹.

В поддержку своей теории Беккер приводит цитаты из истории болезни, описанной в работе Медарда Босса «Значение и сущность сексуальных извращений» (*The Meaning and Content of Sexual Perversions*). Пациент, о котором идет речь, — мужчина, твердо убежденный в том, что «половой акт — это величайшее унижение для любого человека»⁵². Кроме того, он испытывал отвращение при виде босых ног. Но при этом его завораживали различные гардеробные фетиши, в особенности женские туфли и ботинки:

Лишь стоило ему увидеть или коснуться [женских туфель или ботинок], и «мир чудесным образом преображался» (как сам он об этом говорил). Все только что казавшееся «серым и безжизненным в потоке мрачной, одинокой и безнадежной повседневности вдруг уносит прочь от меня, и на меня от кожаной глади льется свет и волшебное очарование». Судя по всему, предметы из кожи, о которых он говорит, имеют «странный ореол», распространяющий свое сияние на все, что есть вокруг. «Это смешно, но я чувствую себя сказочным принцем. Невероятная сила, мана, исходит от всех этих перчаток, мехов и ботинок и околдовывает все мое существо». <...> Обнаженная женщина, или женская рука без перчатки, или, того хуже, женская нога без туфли... кажутся ему чем-то вроде безжизненных кусков мяса в продуктовой лавке. Действительно, вид обнаженной женской стопы

вызывал у него настоящее омерзение. <...> Однако если женщина была одета [облачена в фетиш], она... поднималась над «мелочностью и агрессивной практичностью обычной самки» с ее «отвратительными гениталиями» и возносилась в... «сферы, где сверхчеловеческое и субчеловеческое сливаются в универсальной божественной чистоте»⁵³.

О теории Беккера много что можно сказать — и даже помимо того что она слишком настойчиво противопоставляет ногу и обувь.

Многие фетишисты питают *одинаковое* пристрастие как к определенным частям тела, так и к их облачению. Одни из них тратят массу времени на то, чтобы прихорошить ножки с помощью педикюра, косметических кремов и лака для ногтей; другие млеют при виде «красных, отечных, грязных, потных» ног⁵⁴. Некоторые фетишисты готовы «молиться» на ноги и туфли; другие как будто стремятся покарать ноги, втискивая их в обувь, которая, быть может, и «прекрасна» на вид, но причиняет изрядную боль, а то и может покалечить. Некий человек, которому доставляло большое удовольствие «направлять струю семени... в жерло туфли» (мужского фасона, из черной лакированной кожи), был потрясен и страшно расстроен, когда заметил «неглубокую трещинку на одной из туфель». Для него это было «все равно что увидеть первую морщину на лице любимой женщины»⁵⁵.

Иногда отвращение и влечение возникают попеременно. «Меня возбуждает вид собственных ступней», — заявил один человек в интернет-чате⁵⁶. Картину противоположного рода можно найти в недавно изданной биографии Френсиса Скотта Фицджеральда: «вид собственных ступней вызывал у него смущение и ужас», и он прилагал всяческие усилия к тому, чтобы никто из окружающих никогда не увидел его с голыми ногами. Но вместе с тем женские ноги сексуально возбуждали писателя. В романе «По эту сторону рая» в одной из сцен он использовал образ уродливых мужских ног как символ зла и сексуальной нечистоплотности: «Все в этой ноге было неправильно. <...> Словно пятно на репутации порядочной женщины, словно кровь, пролитая на атлас». Биограф Фицджеральда утверждает, что его связанная с ногами фобия, «которую, как шило в мешке, невозможно утаить и которая прочно ассоциировалась с сексуальными проблемами», была связана с его убеждением в том, что его пенис далек от идеала⁵⁷.

По мнению Беккера, фетишизм «свидетельствует о боязни полового акта», а сам по себе фетиш работает как «магический обряд», необходимый, чтобы превратить пугающую реальность «размножающегося мяса» в нечто «трансцендентальное»⁵⁸. Среди фетишистов крайне редко встречаются люди, страдающие от непреодолимого отвращения к чему бы то ни было; и точно так же им обычно не свойственно чрезмерно идеализировать завораживающие их «предметы культа». Однако вряд ли кто-нибудь усомнится в том, что физические проявления сексуальности хотя бы немного пугают каждого из нас. Боязнь

«не справиться» относится к числу мужских страхов; возможно, именно по этой причине фетишизм — это извращение, в основном присущее мужчинам. Если женщина боится сексуального контакта, она может стать «фригидной», но ничто не мешает ей притворяться, будто она испытывает оргазм (если сочтет это необходимым). Мужчине куда труднее скрыть свою несостоятельность. Поэтому он «гипнотизирует себя с помощью фетиша и создает вокруг себя волшебную ауру, которая полностью преобразит пугающую реальность». Фетиш — это его «магическое заклинание»⁵⁹.

«Во многих случаях можно заметить, что совершать извращенные поступки значительно легче, если соблюдены определенные эстетические условия», — подметил много лет назад один психоаналитик. Точно так же как человек, грезящий о хорошей порке, требует, чтобы хлыст имел «правильный» размер, «правильную» форму и «правильный» цвет, фетишисты, питающие слабость к обуви или нижнему белью, настаивают на том, что их фетиш-объекты должны «соответствовать определенным, весьма жестким эстетическим правилам в том, что касается их модели, цвета, формы и т.д.». Затем автор добавляет:

Жесткость такого рода стандартов заставляет вспомнить строгие каноны, которых придерживаются некоторые критики или ценители искусства. Действительно, если не быть в курсе истинного значения предмета... [стороннему] слушателю, пожалуй, будет трудно отличить некоторые диагностические беседы об условиях, необходимых для извращенного сексуального удовлетворения, от эстетского спора о «хорошем» и «плохом» искусстве⁶⁰.

Некоторые психиатры предполагают, что существует некая взаимосвязь между «творческими способностями и извращенностью». Они утверждают, что «извращенцы» всей душой тянутся к красоте и особо восприимчивы к искусству, а их маниакальная склонность идеализировать соотносится с одолевающей их потребностью замаскировать анальность. Таким образом, фетиш-объект зачастую дурно пахнет и в то же время радует глаз своим блеском⁶¹.

Блестящая черная кожа особо ценилась уже в XIX столетии. В книге Крафт-Эбинга «*Psychopathia Sexualis*» (1886) описаны истории болезни нескольких обувных фетишистов. Воспринятые в свое время как неправдоподобные и анекдотичные, эти короткие истории буквально вопиют о том, что они должны быть заново переосмыслены и подвергнуты нарративному анализу.

Случай 113. *Обувной фетишизм*. Господин фон П., представитель старинного благородного рода, поляк, возраст — 32 года, консультировался у меня в 1890 году по поводу «неестественности» своей *vita sexualis*.

<...> В возрасте 17 лет он был соблазнен французской гувернанткой, но коитус не был дозволен; таким образом, все, что оказалось для него возможным, — это обоюдное и достаточно интенсивное сексуальное возбуждение (обоюдная мастурбация). В этой ситуации его внимание привлекли ее весьма элегантные ботинки. <...> Ее обувь стала фетишем для несчастного юноши. <...> Гувернантка касалась своими туфлями его пениса, и это немедленно вызывало эякуляцию, сопровождавшуюся сильнейшими сладостными переживаниями⁶².

Предложенное здесь объяснение этиологии фетишизма более чем спорно. У многих мужчин первый сексуальный опыт связан с обоюдно мастурбацией, во время которой партнеры, как правило, не раздеваются; но обычно это не превращает их в обувных фетишистов.

«Единственное, что влекло его в компанию представительниц противоположного пола, — это их обувь, причем только в том случае, если она была элегантной... сияюще-черной и на каблуках». Те же самые качества непреодолимо влекут и сегодняшних обувных фетишистов. Когда господину фон П. попалась на глаза женщина, обутая именно таким образом (даже если это случилось на улице), «это его так сильно возбуждало, что ему необходимо было немедленно заняться самоудовлетворением. <...> Обувь, выставленная в магазинах, а спустя некоторое время и реклама обуви в его случае были уже достаточным поводом, чтобы испытать сильное возбуждение». Ему посоветовали жениться, но

...брачная ночь была ужасной; он чувствовал себя преступником и не посмел даже приблизиться к жене. На следующий день он виделся с проституткой. ...Затем он приобрел пару элегантных женских ботинок и спрятал их в постели; находясь в объятиях супруги, он украдкой прикасался к ним и благодаря этому мог исполнять свой супружеский долг... [однако] ему приходилось принуждать себя к половому акту; а через несколько недель уловка совсем перестала работать.

Он чувствовал себя виноватым перед своей женой, «которая была чувственной особой и испытывала осязаемое возбуждение во время их прежних сношений». Но даже если бы он захотел «раскрыть свой секрет» (хотя в действительности такое желание его не посещало) и если бы его жена «согласилась сделать ради него все что угодно, это вряд ли смогло бы ему помочь; поскольку он уже не мог обходиться без ставшего для него родным аромата *полусвета*»⁶³.

Отголоски этого сюжета можно найти в некоторых документальных заметках, сделанных уже в XX столетии,⁶⁴ — хотя современные мужья-фетишисты зачастую пытаются склонить своих жен к тому, чтобы они разделили

с ними их навязчивые идеи. Тем не менее литература, посвященная проституции, демонстрирует, что сегодняшний обувной фетишист — это все тот же, вполне узнаваемый тип мужчины.

Широко распространено мнение, что на сегодняшний день обувной и фут-фетишизм являются самыми тривиальными разновидностями фетишизма⁶⁵. Один издатель сформулировал это следующим образом: «Когда мы только начинали выпускать наш журнал о сексуальных фетишах, мы собирались охватить все их разнообразие. Но наша почта и другие инструменты обратной связи очень скоро дали нам понять, что обувные и фут-фетиши в количественном отношении превосходят другие группы фетишей как минимум в три раза⁶⁶. Среди порнографических заголовков нередко попадаются такие: «Поклонение ноге» (Foot Worship), «Пытка ногой» (Foot Torture), «Попирающая высокими каблуками» (High-Heeled & Dominant), «Шлюхи на высоких каблуках» (High-Heeled Sluts), «Господство шпилек» (Spikes Domination), «Шпоры» (Spurs), «Туфли на шпильках» (Stiletto), «Супер-шпильки» (Super Spikes), «Унисекс: то туфли, то сапоги» (Unisex Shoes & Boots). В опусе «Пытка ногой» рассказывается о женщине, которую похитили во время пробежки. Ее притащили в квартиру к мужчине и заставили раздеться, оставив на себе только трусы и мокрые от пота носки. «Надышавшись запахом ее носков, он лижет ее голые ноги, связывает их и водружает на хибачи! а затем начинает их щекотать...» Можно предположить, что этот сюжет адресован очень узкой аудитории; и общий обзор порнографических публикаций действительно позволяет сделать вывод, что менее одного процента их читателей охвачены страстью к туфлям, сапогам и ногам⁶⁷. Однако Мэрилин Монро явно обращалась не к одному проценту человеческой популяции, когда (якобы) сказала: «Я не знаю, кто изобрел высокий каблук. Но все женщины в неоплатном долгу перед этим человеком».

Поклонение ноге

Главный редактор издания Leg Show (одного из лучших современных журналов для фетишистов) Диана Хансон предупреждала читателей, что между мужчинами и женщинами пролегла «бездна недопонимания»: «Если женщин пугает нормальная мужская сексуальность, можно вообразить, как на них действуют фетиши». Она задавала женщинам вопрос, «известно ли им, что некоторые мужчины заводятся, глядя на их ноги, обутые в открытые босоножки; [и] самой распространенной ответной реакцией было недоверие. Его сменял страх. Часть женщин заявили, что эта информация вызывает у них желание вообще отказаться от босоножек, что теперь они будут бояться носить босоножки». Она хотела успокоить их, объяснив, что по-настоящему

опасаться стоит лишь «горстки неуравновешенных»; ведь в большинстве случаев, имеющих то или иное отношение к фетишизму, женщине «принадлежит вся полнота власти»⁶⁸.

Когда я читала лекции об обуви, некоторые присутствовавшие в аудитории дамы задавали мне явно животрепещущий для них вопрос: «Какую обувь мне лучше носить, чтобы она *не* привлекала фетишистов?» Увы, судя по всему, практически у каждого вида обуви есть свои горячие поклонники — не исключая стоптанных дырявых кроссовок! Впрочем, некоторые фасоны и стили действительно способны пробудить больший интерес, нежели все остальные.

На протяжении многих лет высокие сапоги были «фирменным знаком проституток, специализировавшихся на садомазохизме»⁶⁹. Где-то в 1994 году Энн Магнусон, общаясь с читателями одного модного журнала, пошутила, что такие дизайнеры, как Марк Джейкобс, «скрестили Эмму Пил с Бетти Пейдж, чтобы ошарашить [публику]... [видом] сапог, которые смотрелись бы совсем сногшибательно в комплекте с резиновой маской и хлыстом». Сапоги из лакированной кожи на тонких, высоких, острых, как пики, каблуках предназначались «для живущей в каждой женщине доминантрикс». Она так описала чувства, которые испытала, встав на эти каблуки: «Я ощутила прилив сил, зная, что могу превратить в пустое место любого мужика, которого мне будет угодно сломать». Ее фантазия не на шутку разыгралась: «На пол, презренный червь! Немедленно! я тебе это говорю, никчемный директоришко!»⁷⁰

В последние годы мода частенько делает ставку на фасон, который один журнал для фетишистов назвал «роковые/жестokie туфли»⁷¹. Один из авторов *Vizarte* так высказался по этому поводу: «Как следует присмотритесь к некоторым новомодным стилям и после этого только попробуйте сказать, что никто не пытается пробудить в женщинах то самое чувство превосходства»⁷². Одна профессиональная доминантрикс призналась, что она, как и ее клиенты из числа трансвеститов, научилась без особого труда ходить на пятидюймовых каблуках, но все же предпочитает носить их только во время работы: «Они приподнимают твою задницу. А еще высокий каблук можно использовать как орудие пытки». Кроме того, обувь на каблуках добавляет женщине роста, «что дает [ей] преимущество над мужчинами»⁷³.

Поскольку телесное обнажение — это сигнал, сообщающий о физической доступности, открытая («голая») обувь также воспринимается как сексуальный вызов. Туфли с тонкой перепонкой/ремешком вместо задника на сленге называются «туфли „трахни меня“» (*fuck me shoes*) — именно потому, что они выставляют напоказ обнаженную пятку (или «попку» стопы). В свое время фирма *Frederick's of Hollywood* назвала одну из своих моделей обуви «Открытые и соблазнительные» (*Open 'n Inviting*). «Открытые для предложений» (*Open to Suggestion*) — так можно было бы назвать «лодочки с провокационно

открытым носком», украшенные «[столь] чувственным вырезом, что [нога в них] выглядит совсем обнаженной».

Если верить имиджмейкерам, обувь с открытым носком «побуждает мужчин скорее видеть в женщине потенциальную сексуальную партнершу, нежели думать о ней как о возможном председателе правления» — предупреждает *Wall Street Journal*⁷⁴. Стоит приоткрыть пальцы ног и разделяющие их «расщелины» чуть больше допустимого — пусть даже погрешность составит всего лишь одну шестнадцатую дюйма (1,5 мм), и это непременно напомнит мужчине о совсем иных впадинах или, если хотите, «разломах» в ландшафте женского тела. Еще более «физиологично» высказалась на этот счет Энн Магнусон: «Туфли похотливо выставили напоказ впадины между пальцами моих ног, и их вид чем-то напомнил мне субпродукты в витринах мясного магазина, что находится неподалеку от моего дома»⁷⁵.

Стопа воспринимается как суррогатное тело, отдельные части которого могут быть обнажены и выставлены напоказ. Так, *Frederick's of Hollywood* представляли вниманию публики восхитительные вечерние лодочки с «глубоким вырезом горловины». «Пылкая фантазия» оценит по достоинству ажурную союзку, открытый носок и охватывающие лодыжки ремешки. Великий дизайнер обуви Сальваторе Феррагамо как-то раз задумал создать атласные туфли с «купированной» союзкой, «чтобы открыть подъем тем же манером, каким декольте Диора [открывает шею и грудь]». Кроме того, он придумал и сконструировал туфли с прозрачными «хрустальными» вставками на подошвах: когда обутая в них женщина приподнимала стопу под определенным углом, окружающие могли видеть ту ее часть, которая обычно бывает скрыта от посторонних глаз — так сказать, постичь женскую ногу до самого дна⁷⁶.

«Экзотика» — еще одно ключевое слово из лексикона *Frederick's of Hollywood*: «*Экзотический* леопардовый рисунок чувственных мехов». Судя по всему, экзотические наряды должны были подспудно подталкивать к «экзотическим» проявлениям сексуальности: «Возвышающие ногу [и поднимающие настроение] сандалии из экзотической кожи с рисунком под аллигатора пробудят его страсть». Сандалии из змеиной кожи «*SSS-insational*»/«*сссии-сационны*» (обратите внимание: акцент сделан на слове *sin* — «грех»). Востребован и эротический потенциал бондажирования: «Сексуальные ремешки соблазнительно обвиваются вокруг лодыжки, подчеркивая прекрасную форму вашей ноги». У каждой сандалиии есть своя «изюминка»: у одной — «пленительный задник в форме клетки», у другой — «сексуальные плетеные ремешки». Некоторые материалы буквально пленяют взгляд: «Лакированная кожа обольстительно сияет и днем и ночью»⁷⁷.

Популярность тех или иных фетиш-объектов отнюдь не случайна. Если какой-либо предмет одежды чаще, чем другие, выбирается на роль фетиша,

тому есть причины культурно-исторического характера. В контексте нашей культуры высокий каблук прочно ассоциируется с образом женщины, изрядно искушенной в вопросах секса; вот почему без обуви на высоких каблуках не могут обойтись в своей профессии ни проститутки, ни трансвеститы. Низкий каблук, напротив, подразумевает отсутствие сексуального обаяния женственности. Если верить журналу High Heels, «Плоский [мир]... это грязный мир. Но в этом выпуске High Heels вы не найдете ничего „плоского” — разве что животики наших моделей, которых не „распластает” даже смерть, — у них у всех налитые груди, гибкие тела, округлые бедра, упругие ножки... и высокие каблуки»⁷⁸.

Многие черты, ассоциирующиеся в массовом сознании с женской сексуальной привлекательностью, можно дополнительно подчеркнуть при помощи обуви на высоком каблуке, выгодно изменяющей походку и осанку. Держа в постоянном напряжении нижнюю часть тела, она делает более выразительными движения бедер и ягодиц, спина при этом изгибается назад, а грудь заметно выдвигается вперед. Кроме того, высокий каблук визуальнo меняет очертания ноги: икра кажется более налитой, лодыжка и подъем подаются вперед. Благодаря этому женщина превращается в обворожительную «длинноногую» красотку. А еще, если взглянуть на туфлю на высоком каблуке под определенным углом, своей формой она напомнит равнобедренный треугольник.

Фетишами чаще становятся предметы, обладающие мощной визуальной привлекательностью: туфли из блестящей черной кожи пленяют взор, а черные чулки выгодно оттеняют белизну кожи. Возможно, существуют биологические причины, которые порождают эту тенденцию. Много говорит в пользу того, что мужская модель сексуального возбуждения в большей степени визуальнo ориентирована, нежели женская. Сегодня нам доподлинно известно, что в первые дни жизни младенцы воспринимают только «черное на белом» и лишь со временем начинают видеть все остальные цвета; возможно, этот ранний опыт, связанный с графическим разграничением отдельных частей тела, навсегда «впечатывается» в мужское подсознание. Кроме того, мужская модель возбуждения более строго «регламентирована» в силу того, что пенис реагирует на него практически моментально.

Туфли являются предметом обожания и для многих женщин, которые коллекционируют их с неутолимым азартом. Однако страсть, которую питает к обуви женщина, вряд ли имеет что-то общее со специфическими эротическими наклонностями и сексуальными проявлениями обувных фетишистов (такими, как желание лобзать туфли) или с «физиологическими» реакциями обычного мужчины, имеющего всего лишь склонность к фетишизации (у женщин крайне редко случается непроизвольный оргазм при виде мужчины в красивой обуви). Судя по всему, женщинам также не свойственно предаваться фантазиям

на манер тех, что регулярно посещают обувных фетишистов (например, представлять себя «великаншей», давящей своими каблуками мелких букашек). Тем не менее обувь, несомненно, вызывает у женщин тактильное возбуждение. Энн Магнусон так описала собственный опыт физического знакомства с высокими каблуками:

Где-то в лодыжках хрустнули кости... и мои ахилловы сухожилия вытянулись назад. <...> Ковыляя вдоль по улице, я была вынуждена чутко прислушиваться к... своему телу. Моя грудь подалась вперед, в то время как моя спина круто прогнулась. Мне казалось, что моя задница больше «бьюика», а мои бедра, а точнее мои *фланги*, раскачиваются вперед-назад, как пара коровьих окороков. <...> Эти туфли придуманы специально для того, чтобы вытягивать из нас силы? Они нас поработают? Мы станем беспомощными, надевая их?

Ответ — да! Да! Безусловно! Но какой еще смысл их носить?⁷⁹

Однако со временем, когда практика наконец взяла верх над трудностями и неудобствами, связанными с ношением такой обуви, каблуки позволили ей ощутить «мистическое могущество».

Если привязанность мужчины к определенному типу обуви (например, к лодочкам на шпильках) вполне может быть связана с ранним опытом, «впечатанным» в его подсознание, то женщина, по-видимому, более осознанно взаимодействует с культурным стереотипом, представляющим туфли как объект вожделения. Ее интерес к определенным фасонам и моделям обуви часто согласуется с текущими модными тенденциями. Уже в 1960-е годы Ив Сен-Лоран демонстрировал во время своих показов женские ботинки «из крокодила» с высокой шнуровкой, а Мэри Квант разработала модель ботинок с корсетной шнуровкой. В 1970-е годы британские и итальянские модные магазины, в частности *Viba* и *Figucci*, соблазняли своих покупателей обувью на высокой платформе. 1980-е предлагали модницам на выбор фантазийные модели обуви, такие как «туфельки горничной» («Maid Shoe») от Теи Калабрия, и проверенные временем классические фасоны, в частности розовые атласные мюли от Маноло Бланика. 1990-е ознаменовались возрождением интереса к модным тенденциям всех этих временных отрезков, но особенно к шпилькам 1950-х — классическому «стервозному» (*bitchy*) стилю. Кроме того, в высшие эшелоны моды явно просочились тенденции, заимствованные у мужского гей-сообщества. Материальными свидетельствами этого можно назвать и бондажные гладиаторские ботинки *Versace*, и кожаные «армейские» сапоги *Chanel*, украшенные тремя пряжками и сильно напоминавшие те, что носят полицейские мотопатрули (особенно если забыть о вышитом на носке логотипе из двух

переплетенных «С»). Представители модного авангарда, в частности Вивьен Вествуд и Жан-Поль Готье, прославились тем, что во всю черпали вдохновение в эстетике фетишизма. Вествуд дополнила одну из своих коллекций туфлями на такой высокой платформе, что топ-модель Наоми Кэмпбелл не удержала равновесия и упала прямо во время дефиле. Готье старался извлечь свою крупицу золота из любых «извращений» — диапазон его творческих исканий простирался от простых резиновых сапог до причудливых артефактов, сплошь утыканных шипами.

Когда-то модный обозреватель Холли Брубах написала эссе «Помешанные на туфлях», в котором попыталась ответить на вопрос, почему такое множество женщин питают безумную страсть к обуви. Допустим, говорит она, фрейдистские теории действительно могут «разложить по полочкам природу того трепета, что охватывает некоторых мужчин при виде туфель, которые носят женщины», но они не в силах объяснить «что вызывает трепет у *женщин*». Она так поясняет свою мысль: «Ни одна женщина с нормальной, здоровой страстью к обуви не удовлетворится, наполнив свою гардеробную фаллическими символами»⁸⁰. И я с ней согласна.

Обувь живет в контексте мужской и женской системы символических образов, которые проявляют себя на нескольких уровнях — одно дело, когда фетишист мечтает о том, как его тело пронзит высокий каблук, и совсем другое, когда мужчину с обычными сексуальными наклонностями бросает в жар при виде женской ножки «в объятиях» открытой туфельки. С порнографической точки зрения, высокий каблук — неременный атрибут профессиональной шлюхи; таким образом, порнография настойчиво позиционирует женщину в обуви на высоких каблуках как доступный сексуальный объект (если женщина носит «проститутскую» обувь, значит ей хочется быть проституткой). Совсем иную картину рисуют женские модные журналы, погружая своих читательниц в фантазии, в которых мужчины готовы молиться на ноги прекрасной дамы.

Не менее важна та роль, которую обувь играет в становлении (и подержании) гендерных стереотипов. «Я преклоняюсь перед девушками на каблуках, — говорит модный фотограф Марио Тестино. — Они могут резвиться, не снимая каблуков. А мы нет». Высокий каблук — это «абсолютный символ всего женского племени», так считает журналист Френсис Роджерс Литл. И его поддерживает Тестино: «Это единственное, что по-настоящему отличает женщину от мужчины»⁸¹.

Нижнее белье

В 1994 году одно заведение с Таймс-сквер, работающее под вывеской Lingerie Lounge, анонсировало свое обновленное стрип-шоу:

Будьте в курсе последних новинок Сексуальной Моды. Неприкрытая Элегантность. Красотки, демонстрирующие сексуальное белье, — для тех, кто любит погорячее. Полюбуйтесь на девочек, снимающих с себя одежду и примеряющих Сексуальное Белье у нас —

в Lingerie Lounge!

Окружите себя прекрасными Модными Моделями разной степени обнаженности. <...> Наши девочки никогда не бывают совершенно нагими — они никогда не расстаются со своими поясами, подвязками и чулочками!¹

Женский модный журнал Mirabella опубликовал афишу Lingerie Lounge на странице модных новостей, посвященной обзору новейших модных тенденций, вдохновленных пикантной прелестью нижнего белья.

В этой главе мы предпримем попытку постичь причину эротической привлекательности нижнего белья, ради чего вновь заглянем в «запасники» фетишистов и сравним увиденное там с вещами из обычного модного гардероба. После непродолжительного вступления, в котором будет сказано несколько общих слов о «сексуальности» нижнего белья, глава будет делиться на несколько разделов, посвященных отдельным предметам: трусам, чулкам и подвязкам (поясам «с резинками»), сорочкам, бюстгальтерам и корсетным поясам. Основным объектом нашего исследования станет женское белье, что вполне естественно, однако мы не обойдем своим вниманием и мужское «исподнее». Впрочем, принципиальная разница между первым и вторым не всегда очевидна, поскольку одна из эротических функций нижнего белья заключается в том, что на него возложена функция завуалировать очевидные различия между мужчиной и женщиной. Кроме того, мы рассмотрим сверхпопулярный модный

тренд последних десятилетий, который можно назвать «нижнее белье в роли верхней одежды». И в этом отношении можно рассматривать как значимый и показательный факт то, что промоутеры из Lingerie Lounge назвали «Модными Моделями» костюмы артисток, выступающих в стрип-шоу.

«Нечто тайное, нечто завуалированное»

Я отнюдь не собираюсь писать историю нижнего белья, однако считаю необходимым принять во внимание определенные исторические предпосылки или, если хотите, обозначить исторический фон, чтобы поместить предмет нашего исследования в надлежащий контекст. С наступлением эпохи Нового времени нижнее белье выделилось в отдельный «подвид» одежды, и это стало важной исторической вехой эротической эволюции европейского костюма. В традиционную парадигму «человек обнаженный — человек одетый» вклинилось промежуточное звено, поскольку человека в нижнем белье одновременно можно назвать и одетым, и раздетым. Однако изначально белье под верхнюю одежду надевали исключительно из практических («не эротических») соображений. «У благородного сословия осознанная потребность в нижнем белье, принципиально отличающемся от основных предметов одежды... на-зрела [еще] в Средние века» и большей частью была обусловлена желанием защитить изнанку своих дорогостоящих нарядов от скапливающихся на теле грязи и пота. Кроме того, белье из тонкого льняного полотна предохраняло кожу от раздражения, часто возникающего при соприкосновении с грубыми шерстяными тканями, и давало дополнительное тепло².

Нижнее белье начало превращаться в объект сексуального и сарториального интереса еще в XVIII веке; во второй половине XIX столетия этот постепенный процесс наконец набрал обороты, причем настолько, что период между 1890 и 1910 годами был назван «великой эпохой нижнего белья»³. Эмиль Золя описал выставленное в витринах парижских магазинов дамское белье, которое выглядело так, «словно кто-то раздел стайку прелестных девиц, снимая с них вещи одну за другой, пока не добрался до атласной наготы их кожи»⁴. Другой писатель, Октав Узанн, сравнил женщину в negligé с цветком, «бесчисленные лепестки которого становятся все прекраснее и нежнее, по мере того как вы все дальше погружаетесь в сладчайшие глубины соцветия. Она подобна редкой орхидее, которая позволит вам вдохнуть аромат своих тайн, лишь когда раскроется навстречу любви»⁵.

Месяц за месяцем модная пресса муссировала одну и ту же тему: «Дамское белье: вещи, на которые невозможно вдоволь насмотреться». Британский модный обозреватель миссис Эрик Притчард даже утверждала, что «Культ Оборок имеет нечто общее с христианской религией — он убеждает нас в том, что в не-

зримом больше смысла, нежели в том, что мы видим. <...> Изысканное неглиже... далеко не всегда является знаменем порока». «И самым добродетельным из нас теперь позволительно иметь в своем распоряжении очаровательные вещицы, не опасаясь, что из-за этого кто-то усомнится в их репутации», — писала Притчард, дама, которая даже ответственность за неудачные браки возлагала на жен, отказывающихся носить соблазнительное белье. Женщина может быть «достойнейшей» из жен, но если в ней нет «ни тайны, ни кокетства», она не будет казаться особо привлекательной даже собственному супругу, который вполне может отправиться на поиски другой «юбки»⁶.

Французские авторы еще более откровенно высказывались об эротической привлекательности женского белья. По мнению графини де Трамар, сам акт избавления от одежды отмечен «эротическими координатами вождедения». И если жена не хочет делить своего супруга с любовницей, ей следует признать «исключительную важность» эротического белья: «Это нечто тайное, нечто завуалированное — вожденное безрассудство, по мановению волшебной палочки ставшее реальностью; влюбленный мужчина живет ожиданием трепета шелков, атласных ласк, чарующих шорохов, и испытывает горькое разочарование, если вместо этого его дама в своем белье больше похожа на бесформенный, неподатливый куль. <...> Вот уж беда так беда!»⁷ В книге «Все секреты женщины» (Tous les secrets de la femme) барон д'Оршам согласился с тем, что «ничто не сравнится с чувственной властью утонченно-женственного белья». «При виде этих покровов... непреодолимый порыв... берет верх над мужским рассудком». Их «одурманивающее хитроумие и замысловатый стиль вкупе с таинственной и искусительной властью вожденных сокровищ соразмерны тому притворству, которым женщина пытается себя защитить и удержаться на расстоянии»⁸.

Может показаться, что белье «перечеркивает» сексуальную мощь и очарование обнаженного тела, но оно уже само по себе вызывает *frisson** волнующего нетерпения. Искусно скрывающее тело (в первую очередь гениталии) от посторонних глаз, нижнее белье подогревает в нас сексуальное любопытство, заставляя трепетать в ожидании того момента, когда все покровы будут сорваны. Невидимое под одеждой — как и само тело, к которому оно «ластится и льнет» — нижнее белье может восприниматься как олицетворение любовной прелюдии, предшествующей физической близости. Но это не более чем «нормальная» фетишизация, которая, судя по всему, является обычной составляющей многих сексуальных фантазий.

Корреспонденция, публиковавшаяся в периодических изданиях, в частности в *Society*, была более откровенной в этом отношении. Некто Атласный

* Дрожь (фр.). (Прим. пер.)

корсаж восторженно сообщал, что стеснение, которое испытывает тело под давлением его любимого корсета из красного атласа, «более чем компенсировано приятнейшим ощущением свободы в нижних конечностях и мелодичным „шуршанием” нижних юбок»⁹. «Petticoats!»* Обворожительно само звучание этого слова, разве нет? <...> [В]от воистину женственный предмет», — писал другой восторженный приверженец¹⁰. «Каждый мужчина — если только он *настоящий* мужчина — окончательно и бесповоротно помешан на оборках и всяких „оборчатых” штучках»¹¹. Похищение нижних юбок — основа сюжета таких литературных опусов, как «Загадочная история кружевной нижней юбки» (The Strange History of a Lace Petticoat)¹². Меж тем клинические случаи фетишистского поклонения нижним юбкам описаны и в медицинской литературе — например, история немецкого крестьянина, который использовал нижние юбки своей матери и сестры в качестве стимула во время мастурбации и утверждал, что «для него нижняя юбка была все равно что женщина». (Дожив до тридцати лет — а именно в этом возрасте его арестовали за кражу нижних юбок, он еще ни разу не вступал в половой контакт с живой представительницей противоположного пола¹³.)

Было бы ошибкой полагать, что бельевой фетишизм — это отжившее явление, феномен *fin de siècle*. Да, по прошествии первой декады XX столетия мода изменилась почти до неузнаваемости — это несомненно; и на смену «таинству» шелестящих нижних юбок явилось то, что сегодня то и дело называют легковесным словечком «бельишко» (англ. *undie*). Но несмотря на то что мода на обилие *froufrou*** в одежде уступила место новомодному помешательству на освобождении тела от лишних покровов и «искреннем» сексуальном самовыражении, нижнее белье по-прежнему продолжало оставаться объектом фетишизации.

«Мужчинам нравятся девочки, которым нравится красивое белье», — заявила в 1956 году профессиональная стриптизерша Лили «Кошечка» Кристин в статье, вышедшей под провокационным заголовком «Мои потаенные прелести». Нет ничего удивительного в том, что представительница этой профессии во всю превозносит очарование нижнего белья, ведь по сути стриптиз искусно эксплуатирует искусительный потенциал стратегического прикрытия. Впрочем, ее утверждение, будто сама она «не следует девизу [Мэрилин] Монро „дойой нижнее белье”», звучит не совсем убедительно — словно она оправдывается или пытается защититься. Нижнее белье — «противоречивая тема», продолжает «Кошечка» Лили, и все из-за того, что «микроскопическая миниатюрность [современных] девушек породила громкие слухи о том, что они будто

* Нижние юбки! (англ.)

** Вычурность, обилие отделки. От фр. *froufrou* — «оборки», «отделка». (Прим. пер.)

бы ничего не надевают под платье. Хотя на самом деле очень даже надевают. Просто они воображают, что это так сексуально и волнующе — сказать, что у них под платьем ничего нет»¹⁴.

Так кто же «сексуальнее» — женщина, на которой есть белье, или та, что его не носит? Очевидно, мнения разделились. Однако значительному числу мужчин, по-видимому, нравится растягивать удовольствие, насколько возможно отдаляя тот момент, когда гениталии партнерши обнажатся и состоится половой акт как таковой. Полуодетая женщина кажется им более аппетитной, чем раздетая догола. Как выяснил Магнус Хиршфелд, из тысячи мужчин триста пятьдесят утверждают, что их возбуждает обнаженное тело, четыреста «голосуют» за частичное обнажение и двести пятьдесят находят сексуально привлекательным тело, полностью скрытое под одеждой¹⁵. Профессиональные проститутки настаивают на том, что белье — это совершенно необходимая деталь туалета. Некая доминантрикс поведала психиатру Роберту Столлеру, что, собираясь на встречу с мужчиной, надевает три «перемены» белья. Сняв с нее верхний, непрозрачный, покров, клиент обычно был изумлен и обескуражен тем, что ее гениталии по-прежнему оставались для него недоступными, — это усиливало в даме чувство превосходства и окончательно утверждало ее «во власти» над мужчиной и ситуацией¹⁶.

Иногда женщины ссылаются на тактильную и психологическую притягательность белья. Как сказала «Кошечка» Лили, «я люблю эти миленькие вещицы и считаю, что изящное нижнее белье помогает женщине чувствовать себя полноценной женщиной»¹⁷. Что же касается мужчин, они, похоже, совершили настоящий скачок от чувственного к сексуально-символическому. Рассуждая на эту тему, один трансвестит заявил, что в «нарядном и шелковистом нижнем белье» он чувствует себя «как блестяще владеющая своим ремеслом проститутка». В свою очередь, другой любитель переодеваний заметил, что «уже в самих названиях [этих] предметов одежды... есть что-то волшебное»¹⁸.

От панталон до трусиков

Уже в эпоху Ренессанса венецианские куртизанки носили под платьем короткие (длиной до колен) «подштанники», но в ту пору эта мода не могла получить широкого распространения, поскольку в западном обществе панталоны традиционно ассоциировались с образом мужчины. Долгое время воспринимавшиеся как «скорее мужской» предмет одежды, панталоны с трудом отводили себе место в женском гардеробе; первыми их стали носить профессиональные проститутки и танцовщицы, а также маленькие девочки. «Приличные» женщины постепенно привыкали к мысли о необходимости надевать под платье панталоны на протяжении почти всего XIX столетия, убеждая себя

в том, что это «целомудренно», «тепло» и «гигиенично». Уже наступили 1870-е годы, а кое-кто из французских авторов все еще утверждал, что «le pantalon... являются предметом мужского гардероба», а посему элегантной даме носить их не пристало¹⁹.

Когда вопрос о «неприличии» дамских панталон был наконец исчерпан, они начали стремительно входить в моду, а для их изготовления стали использоваться самые изысканные материалы, в частности шелк. «Такие легкие, такие короткие, украшенные ниспадающим каскадом валенсийского кружева и оборок из ленты, эти *панталоны*... сведут любовника с ума быстрее, чем самая бесстыдная нагота», — заявил один французский романист в 1887 году²⁰. Пока одни мужчины сетовали на то, что, с тех пор как дамы начали носить панталоны, их шансы хотя бы одним глазком взглянуть на женские прелести значительно уменьшились, другие открывали для себя новые перспективы вуайеризма, обратив жадные взоры в сторону самих панталон. Бешеный ажиотаж вокруг канкана во многом связан с тем, что, высоко вскидывая ножки, танцовщицы беззастенчиво выставляли на всеобщее обозрение свои пышные нижние юбки и кипящие оборками панталоны.

Как только право носить панталоны под верхней одеждой перестало быть исключительной привилегией мужчин, этот предмет интимного гардероба начал ассоциироваться с сексуальной привлекательностью женских гениталий. Страсть приверженцев к женскому нижнему белью зачастую идет об руку со страстью к переодеванию; многие трансвеститы противопоставляли очарование женских «панталончиков» непрезентабельности мужских брюк и кальсон. Диана Кендалл, американский корреспондент британского журнала для трансвеститов *Repartee*, озаглавила свою колонку «Разомлевшие в трусиках» и часто писала об «экстатическом восторге», возникающем, когда на тебе надеты женские трусики. В одном из ее материалов был такой пассаж: «Разве мало среди нас тех, кто мог бы воскликнуть: „Трусики мне, трусики! Полцарства за женские трусики! — и за ту даму, которая даст мне их поносить”»²¹. Однако трусики трусикам рознь. «Между трусиками и какими-нибудь трусами существует огромная разница, — пояснила Кендалл в разговоре со мной. — Большинство из них не отличается особым очарованием». Говоря о своих любимых марках и моделях, она использовала массу эпитетов: «драгоценные, очень женственные, мои дорогие, восхитительные, милые, обожаемые, сладенькие» и «такие очаровательные». Обожая и другие предметы своего интимного гардероба, она все же считала, что «трусика — это *crème de la crème*; это — кроме шуток! — самая основа, с которой начинается преобразование, когда ты переодеваешься в костюм восхитительной девушки. Многие из нас — большинство из нас, как мне думается, — начали наряжаться [переодеваться в женскую одежду] с того, что для начала примерили на себя пару женских трусиков»²². Клинические ис-

следования подтверждают, что первые опыты переодевания у трансвеститов часто сводятся к примерке какого-то одного предмета одежды (обычно это бывает что-то из нижнего белья или обуви), и лишь затем мужчина осмеливается полностью переодеться в женский наряд. Один трансвестит, начавший свою сексуальную жизнь в возрасте двенадцати лет с того, что мастурбировал, используя в качестве стимула нижнее белье своей матери, позднее вспоминал: «Со временем мне захотелось чего-то большего, чем женские трусики»²³.

Несмотря на то что посвященная фетишизму литература отводит нижнему белью определенную историческую роль, его популярность у фетишистов, судя по всему, все же была далеко не такой, как популярность высоких каблуков и туго зашнурованных корсетов. Некий Обожатель белья в 1933 году писал в *London Life* с намерением «усилить корреспонденцию насчет „бельишка”». Среди множества писем, посвященных высоким каблукам, корсетам и резиновым плащам, ему не доставало «подробных описаний умопомрачительного белья». Он особо ценил письма, авторы которых устремлялись мечтами в прошлое и с наслаждением описывали предметы нижнего белья времен короля Эдуарда: «Не было ничего лучше, чем многочисленные письма, вдохновленные шармом белоснежных батистовых бриджей прошлых лет, с их славными, прелестными кружевами и игривыми ленточками — [бриджей], которые, увы, остались в прошлом и, похоже, уже безвозвратно»²⁴.

Многие фетишисты, питавшие страсть к нижнему белью, ностальгически превозносили роскошный, затейливый стиль, ассоциировавшийся с *Belle Epoch*. В 1930-е годы *Diana Slip Company* выпустила и продала множество разнообразных моделей фетишистских панталон, среди которых были и исторические «реплики», такие как «*Pantalon 1905*» и «*Le Frou-Frou*». Некоторые произведения этой компании отличал подчеркнутый символизм цветов и материалов. Например, «*Pantalon Amoureuse*» были сшиты из черного кружева и украшены аппликацией — красным атласным сердечком. Были и более «эксцентричные» модели, выполненные из кроличьего меха или меха «под леопарда».

В датированном 1960-ми годами рассказе из жизни трансвеститов «Новости с изнанки» описаны «очаровательные кожаные плавки, которые можно запереть на теле при помощи крошечного замочка и ключика, цельнокроенные шемизетки из просвечивающего латекса, который сидит словно вторая кожа... и прочие остроумно сделанные интимности»²⁵. Здесь предметы нижнего белья одновременно исполняют роль бондажа и замещают само тело. На знаменитых эротических фотографиях Ирвинга Клоу можно видеть и декоративные вариации на темы традиционного нижнего белья, и предметы, изрядно напоминающие пояс верности. *Frederick's of Hollywood* и *Ecstasy Lingerie*, напротив, искушали доступностью, представляя публике женские трусики с разрезом вдоль промежности, «подчеркнуто окантованным черным кружевом». Один

фетишистский журнал, ориентированный на поклонников резины, одновременно знакомил своих читателей с моделями разной направленности — как с «защитными», так и с «не чинящими препятствий»; последние были представлены в нескольких вариациях — с наполненными воздухом «губками» и с «отороченной оборками щелкой». В 1970-е годы в моду вошла другая диковина — съедобные «трусы-конфетки», которые изготавливались по лекалам женских и мужских моделей в стиле мини-бикини. В США их производство и продажа были разрешены Управлением по надзору за качеством пищевых продуктов и лекарственных средств при Министерстве здравоохранения, утвердившим три варианта вкусов: «горячий шоколад», «банановый сплит» и «дикая вишня»²⁶.

Охотники за бельем и кафе «потерянных» трусиков

«Мистер Z, возраст 27 лет, юрист; обратился к нам по причине периодических приступов полового бессилия», — сообщалось в отчете, составленном группой исследователей сексуальных проблем, в которую входили Уильям Мастерс, Вирджиния Джонсон и Роберт Колодни. Этот случай они назвали «Охотник за нижним бельем». У пациента «была поразительная фетишистская тяга к женским трусам»: не имея возможности видеть их или соприкоснуться с ними, он практически терял способность к половому возбуждению. Более того, «только бывшие в употреблении трусы с запахом женщины могли по-настоящему его возбудить». «На протяжении последних десяти лет он украл более 500 пар трусов». Даже во время медового месяца он то и дело ускользал от молодой супруги, чтобы совершить набег на прачечную самообслуживания, откуда он воровал женские трусы, чтобы затем заняться самоудовлетворением²⁷.

Крафт-Эбинг также сообщал о подобном случае: сорокапятилетний сапожник был пойман при попытке украсть предметы дамского белья; во время обыска полицейские обнаружили в его жилище более трехсот различных вещей — нижние юбки, женские сорочки и панталоны²⁸. Тяга к коллекционированию бесчисленных фетиш-объектов (зачастую похищенных или незаконно присвоенных) много раз описана в медицинской литературе. Штекель называет это присущим фетишистам «гаремным культом»²⁹.

Как-то раз издание Economist опубликовало статью, в которой сообщалось, что «полиция в Японии пытается обуздать непотребства в сфере торговли». Как следовало из ее содержания, некие предприниматели установили в Токио девяносто торговых автоматов, заряженных бывшими в употреблении женскими трусиками «с гарантией, что их носили японские школьницы». К тому времени, когда была написана статья, общая выручка от продажи по-

ношенных трусов уже составила более двухсот тысяч долларов — при том что цена одной пары была всего три тысячи йен (около тридцати долларов). Однако полиции еще предстояло решить проблему: за что следует привлечь к ответственности хозяев этого бизнеса — то ли за продажу товара без лицензии, то ли за обман покупателей (если будет доказано, что на самом деле трусики из автоматов не принадлежали девочкам школьного возраста)³⁰.

Принято считать, что фетишизм — это специфическое «западное» извращение, однако реальность доказывает, что это не так. И хотя в исторической перспективе японцам неведомо иудейско-христианское «пуританство» по отношению к телесной наготе, это вовсе не означает, что у них нет никаких связанных с телом табу — например, в Японии закон строжайше запрещает демонстрировать любые изображения женских лобковых волос. Тем не менее мода на панталоны была «импортирована» в Японию с Запада и приобрела популярность только в начале XX столетия. Однако уже в 1920-е годы японский писатель Нагаи Кафу описал *no-pan kisa* — кафе, в которых официантки не носят панталон. В 1981 году Иен Бурума сообщил о подобных заведениях, в которых нижнее белье официанток выставлялось напоказ как деталь интерьера. Затеи-ливые женские трусики украшали стены этих кафе, а кроме того, посетители могли купить их во время аукционов, которые там же и проводились. Николас Борнофф, в свою очередь, упоминает «имитацию» *no-pan kisa* в Осаке. Если верить этому автору, помещение кафе делилось на два уровня полом/потолком из закаленного прозрачного стекла; посетители располагались в нижнем зале и снизу глазели на проходящих над их головами официанток, которые носили трусы, украшенные натуралистичным изображением женских гениталий. Заведение перестало существовать в данном формате, после того как одна из девушек на самом деле вышла на работу без трусов. Не приходится сомневаться в том, что в Японии женщины неизменно становятся объектом чрезвычайно настойчивого внимания со стороны вуайеристов на любом публичном мероприятии: «Один творец в жанре видеоарта даже заказал специальную мини-вагонетку, позволяющую установить на ней направленную вверх объективом видеокамеру, которую можно перемещать с места на место при помощи пульта дистанционного управления». Страсть «исподтишка» любоваться чужими трусиками стала в Японии настолько обиденным явлением, что о нуждах вуайеристов заботятся не только специализированные журналы для фетишистов, но и периодические издания, рассчитанные на массовую аудиторию³¹.

То, что для некоторых людей трусы превратились в объект, который стимулирует сексуальное возбуждение вместо гениталий партнера, заставило психиатров задуматься о вероятном существовании фобии, составляющей скрытую подоплеку этого явления, — панического неприятия, относящегося либо к виду женских половых органов, либо к самому половому акту. Когда

половые органы скрыты под нижним бельем, возникает дразнящая двусмысленность — блестяще обыгранная Эриком Кроллом, сделавшим фото, на котором женщина выглядит так, словно у нее под трусами скрывается пенис. Порнографическая продукция позволяет судить о том, что фетишистский интерес к трусам и панталонам очень часто идет об руку с тягой к анальному сексу или садомазохистским «помешательством» на ягодицах, являющихся своего рода «лобным местом» — ареной для телесных наказаний.

Кроме того, трусы могут играть роль тактильного раздражителя или будоражить обоняние. Физические ощущения от прикосновения к трусикам часто упоминаются в числе эротических стимулов и могут быть соотнесены с «текстильным» фетишизмом. Сексолог Магнус Хиршфельд описал воистину трагикомический случай: одна дама страдала от того, что ее муж хотел, чтобы на ней во время полового акта всегда были длинные фланелевые панталоны. Фланель такая «симпатичная и нежная», убеждал он супругу. Но она чувствовала себя «глубоко несчастной», воспринимая его фетишистские потребности как личное оскорбление. «Нет, чтоб он попросил меня одеться в шелка! — негодовала оскорбленная дама. — Но ему подавай что-нибудь простенькое, какую-то фланельку!» (Возможно, он и сам время от времени надевал эти панталоны, так как говорил, что «ему хотелось бы оказаться на месте женщины во время [полового] акта»³².)

В некоторых научных работах высказывается мысль о том, что фетиш-объекты можно строго разделить на пахнущие (англ. *smellies*) и вызывающие тактильные ощущения (англ. *touchies*). Фетишистская тяга к запаху нестиранных трусов весьма значимое явление: она демонстрирует, что некоторые свойства, трогающие чувства фетишистов, порой могут очень сильно отличаться от тех, что привлекают и радуют остальных людей. Многие женщины питают слабость к красивому нижнему белью, но у большинства из них мысль о несвежих, «с душком» трусах и «потном» лифчике вряд ли вызовет какие-нибудь другие эмоции, кроме отвращения. (Впрочем, есть основания полагать, что на подсознательном уровне отвращение и вожделение сосуществуют в теснейшей взаимосвязи.) Пристрастие к пахнущим фетиш-объектам может указывать на одержимость гигиеническими процедурами, что, в свою очередь, наводит на мысль об «инфантильных» представлениях о сексуальности. Копрофилия может быть связана с фетишизацией ягодиц и, в более широком контексте, с фетишизацией трусов/панталон/кальсон. Хотя стоит заметить, что сексуальная реакция на определенные виды раздражителей, воспринимаемых органами обоняния, вполне обычна для многих людей независимо от их половой принадлежности (как и для всех остальных представителей отряда млекопитающих).

Эротическая значимость предметов нижнего белья, в том числе трусов, в каждом конкретном случае зависит от целого ряда контекстуальных обстоя-

ятельств. До определенной стадии склонность к вуайеризму, направляющая взор мужчины в сторону женских трусиков, уместается в границах «нормальной» мужской сексуальности. В периодических порноизданиях то и дело попадают опусы с названиями «69 раскаленных трусиков», «Крошки в трусиках» или «Страсти по трусику». Такие заголовки, как «Киска-недотрога» и «Киски и кружева», также могут навевать ассоциации, связанные с фетишизацией женских трусов. Для гомосексуалиста объектом фетишизации могут стать и мужские трусы, играющие роль завесы, за которой скрывается пенис другого мужчины. Сексологи отмечают, что некоторые мужчины «коллекционируют трусы [как трофеи], доставшиеся им в результате сексуальных завоеваний, а кое-кто, отправляясь в путешествие, берет с собой в дорогу комплект нижнего белья своей любовницы. <...> Это в равной мере относится и к взаимоотношениям между геями». Однако, судя по всему, есть существенная разница между мужчинами, мастурбирующими, *faut de mieux**, «ассоциируя трусы с определенным человеком», и «истинными» фетишистами, у которых половое возбуждение вызывает запах или тактильные ощущения, исходящие от самих трусов³³.

Вылазка за трусиками

«Вылазка за трусиками» (Panty Raid) — рассказ, рассчитанный в первую очередь на трансвеститов. В свое время Роберт Столлер проанализировал его в своем эссе «Порнография и перверсия», которое вошло в его книгу «Перверсия». Но мне хотелось бы несколько развить его интерпретацию, сосредоточив особое внимание на том, как в этом рассказе описано нижнее белье.

Повествование начинается с того, что главный герой, которого зовут Брюс Кинг, должен в одиночку совершить набег на женское общежитие колледжа и украсть оттуда трусики — якобы это важная часть обряда посвящения в студенческое братство. Герой нервничает и вместе с тем изнемогает от нетерпения:

Предположим, его вылазка не увенчалась успехом. Предположим, ему не выгорело вернуться с добычей — ни с парочкой отороченных кружевом шортиков или обтягивающих панталончиков, делающих попку похожей на персик; ни с трусиками из шелка-атласа, на которых есть такие красные петельки, куда продевают шнурочки; ни с поясом для чулок, который заодно заменяет трусы (а хорошо бы прихватить такой, да не один!). Стоит ли тут мечтать о длинных, как шланги, черных чулках в сеточку! Случись такой облом, и приятели-собратья вряд ли захотят даже посмотреть в его сторону³⁴.

* За неимением лучшего (фр.). (Прим. пер.)

Как указывает Столлер, интрига вокруг обряда посвящения придумана для того, чтобы оправдать кражу женского белья и придать особую значимость этому поступку протагониста. В конце концов, парни, давно вступившие в мужское студенческое братство, уже совершали такие же вылазки, так что новичку ни к чему думать о том, что воровать нижнее белье у девчонок — это как-то странно. Не внутренний порыв, а воля «приятелей» заставляет его пойти на этот шаг. «Окольным путем он бесшумно прокрался к черному входу» в женский корпус. Там, развешенное на веревках, виднелось белье, которым «ему вскоре предстояло завладеть».

А теперь я хочу обратить ваше внимание на подробнейшую детализацию описания разнообразных предметов нижнего белья:

Он уставился на гибрид корсета с трусами. Присборенная на резинке кромка была расшита крошечными розочками из синего атласа — в тон бархатной синеве усиленной ластовицы. Рядом висел ослепительно белый целомудренно-добродетельный кукольный наряд. Лямочки бюстгалтера были словно белые струйки молока, стекающие под мышки; а в прозрачной материи, стоило ей затрепетать на холодном ветру, чудилось что-то колдовское. А еще четыре пуговицы спереди — четыре крошечных сердечка, обтянутые чистейшим шелком. Под стать кружевной оторочке верха были и гофрированные трусики-бикини. Брюс усмехнулся. На это точно стоило посмотреть: он прежде и не подозревал, что девчонка может наряжаться точно кукла. А уж поймать ее вот так — врасплох... Теперь-то он точно станет героем!

Столлер утверждает, что подобные мечты указывают на высокую степень враждебности по отношению к женщинам, и я не собираюсь оспаривать эту точку зрения. Однако враждебность или агрессия по отношению к женщине — это стандартный мотив, который отчетливо звучит в большинстве порнографических произведений. Предлагаю отвлечься от него и подумать о другом: почему — несмотря на избыточное внимание автора к отдельным деталям одежды — рассказ в свое время не показался подавляющему большинству читателей утомительно нудным. Очевидно, причина в том, что для трансвеститов описание материалов, отделки и дизайна уже само по себе представляет определенную (и не только эстетическую) ценность.

Но чем же могут взволновать «молочно-белые» лямочки бюстгалтера? Как отмечает Столлер, большинство трансвеститов — это гетеросексуалы, даже при том что они отождествляют себя с женщинами. «Умозрительно видя в близости с живой женщиной нечто желанное, но опасное, они замещают ее живой кожный покров бесчувственным покровом ее одежды»³⁵. Вместо того

чтобы смотреть на грудь, они цепляются взглядом за бюстгальтер; вместо шелковистой кожи видят «чистейший шелк»; а живой девственнице предпочитают «девственную белизну» ее трусиков. Если трусы — это эквивалент гениталий, то их отделку — затейливые кружева и оборки — можно сравнить с кудрявой порослью лобковых волос. Вообще каждая сарториальная деталь здесь символически коррелирует с каким-либо физическим или эмоциональным аспектом женственности: «нежностью», «стыдливостью», «чистотой», «подтянутостью».

Однако вернемся к приключениям Брюса. Неожиданно — в тот самый момент, когда он протянул руку, чтобы схватить кружевные трусики, — его окружила толпа девчонок. На ком-то из них были «атласные шаровары, на других — шелковые шортики». Вряд ли это можно назвать обычным «студенческим» стилем — скорее уж реверансом в сторону приверженности трансвеститов к подчеркнuto женственным формам и фактурам. «Победоносные фурии» схватили Брюса и, хотя он отчаянно сопротивлялся, в мгновение ока повергли его, а затем связали «кушаками от шелковых халатов». Он пытался кричать, позвать на помощь, но его рот «заполонил нежный, словно шелк, прозрачный чулок». Впрочем, как оказалось, женщины бывают не только нежными — у них есть длинные острые ногти, всегда готовые впиться в его «мускулистую плоть».

Предводительница этих «амазонок», девушка по имени Лори, сочетает в себе мужские и женские черты: ростом выше 180 см, «с горделивой прямой осанкой, с вздымающейся грудью», облаченная «в атласное платье, запертое пряжками и тесным футляром облегающее фигуру», плиссированная юбка которого «при каждом ее движении колыхалась, как будто рассыпаясь на множество кожаных струн». Нам стоит обратить внимание на ключевые определения: «тесный» и «запертое» (прямой намек на физическое ограничение или бондажирование). Заодно отметим, как автор — практически моментально — трансформирует самую суть нарисованного им модного образа и овладающей героем эротической фантазии: на Лори атласное платье, но оно выглядит так, словно «соткано» из кожаных струн (или плетей для порки?). «Талия Лори была перехвачена широченным ремнем из сияющей черным глянцем лаковой кожи; на нем резко выделялась серебристая пряжка, напоминающая замок с крошечным отверстием для ключа, повешенный здесь, чтобы никого не впускать и не выпускать». Черная лакированная кожа — классический фетиш-материал, да и контраст «серебристого на черном» не поражает воображения неожиданной новизной. Тем не менее в описании пряжки действительно есть нечто любопытное; при психоаналитическом прочтении этого фрагмента у вас непременно возникнет мысль, что в эту замочную скважину никогда не войдет ни один ключ — она останется девственно нетронутой и непроходимой.

Действительно, несмотря на то что оформлявший обложку художник изобразил на ней группу девиц в нижнем белье, единственный персонаж,

которому по ходу действия приходится расстаться с верхней одеждой, это Брюс — и «он похвалил себя за то, что догадался надеть длинные боксерские шорты». Однако дамы, в руках которых он оказался, раздобыли где-то пару «девственно белых» прорезиненных трусов с объемными вставками на бедрах — этакую гротескную пародию на всем известные предметы женского и младенческого интимного гардероба. «Согнув крючком большие пальцы, Сандра прихватила ими талию этих вселяющих ужас и корректирующих фигуру, тесных прорезиненных подштанников и... с силой их РАС-ТЯ-НУ-ЛА. Они раздались, словно разверзшийся рот зевающего младенца, а затем эта пасть захлопнулась, негромко причмокнув напоследок». Девицы силой стягивают с Брюса его «боксеры» (при этом кто-то из них приговаривает: «Хорошие мальчики не носят такое тряпье!») и оставляют его «одетым» лишь в защитный суспензорий, который глумливо сравнивают с рогаткой («Будь умницей, а то отберем и это!»). «Невинного вида подштанники», в которые они его затем зачихали, оказались «мучительно тугим... бондажем». По мнению Столлера, подобные фантазии по-новому воссоздают травмирующие детские воспоминания трансвеститов, связанные с тем, что враждебно настроенные [по отношению к мужчинам] женщины — как правило, родственницы — всеми силами стремились лишить их врожденной маскулинности. Воображение пытается залечить эту унижительную травму, переведя ее в эротическую плоскость. Переодеваясь, трансвестит ассоциирует себя с агрессором и, как следствие, убеждает себя и окружающих в том, что он может преуспеть в роли женщины, оставаясь при этом мужчиной с эрегированным penisом.

А что же Брюс? Ему, определенно, начинает нравиться происходящая трансформация: «Брюс продел ноги в шелковые штанины шаровар. И чувство было такое, словно он погрузился в прохладное, шелковисто-нежное, чувствительное лоно». В определенном смысле он вступил в сексуальные отношения с этим предметом женского интимного гардероба. Но вместе с тем он примеряет на себя женскую роль и отвергает собственную маскулинность как нечто низменное: «Эта ткань нравилась ему куда больше — такая нежная, тонкая до прозрачности; это было так непохоже на грубые, шершавые, мешковатые „семейники“, которые можно было назвать как угодно, но только не соблазнительными».

Он влюбляется в свое отражение в зеркале: «Его бедра казались обольстительно округлыми под прозрачной тканью шаровар. <...> Теперь он смог понять, почему множество женщин готовы потратить последний доллар на такую почти неосязаемую вещь, как белье. Ведь оно делает их такими... такими... обольстительными!» (Сексуальный диалог с зеркалом может играть важную роль, когда речь идет о фетишистском самоудовлетворении.) И тут Лори ехидно намекает на гомосексуальный подтекст: «Ну вот, ты уже выглядишь почти

прилично. Когда вернешься в вашу святую обитель, мальчики небось встретят тебя с распростертыми объятиями... всего такого разодетого как истинная леди». Однако женский наряд уже сделал Брюса живым воплощением скромности и смирения, «и он почувствовал вкус той самой обиды, которую так часто безропотно проглатывают кроткие барышни, когда кто-то грубо вторгается в их личное пространство». Кроме того, ему приходится терпеть страдания ради красоты: тесный пояс с резинками «будто острыми зубами больно впился в его тазовые кости». Но оно того стоило, ведь теперь он вполне мог бы «одурачить парней, заставив их думать, что он девчонка. <...> Одежда делает мужчину! Но в этом наряде он чувствовал себя просто грандиозно!»³⁶

Мужское белье

Мужское белье редко наделяли теми же эротическими коннотациями, что и женское, — по той причине, что мужское *тело* было не принято рассматривать в первую очередь как сексуальный объект (хотя фетишизация предметов мужского интимного гардероба занимает видное место в истории субкультуры мужского гомосексуализма). В то время как ассортимент женского белья чрезвычайно велик и многообразен, образчики мужского «исподнего» можно пересчитать по пальцам. В принципе все их можно разделить на две категории: первая — это то, что носят под брюками (трусы и кальсоны), вторая — то, что носят под рубашкой (майка, футболка, фуфайка). В большинстве своем эти вещи просты и непритязательны. Хотя стоит заметить, что в действительности их возможные расцветки и фасоны, а также используемые для изготовления мужского белья материалы, более разнообразны, чем может кому-то казаться. Более того, даже обычная футболка из белого хлопкового трикотажа и трусы к ней в пару могут обладать мощным эротическим потенциалом.

К примеру, исподняя рубашка (фуфайка) из белого хлопка еще в 1930 годы стала значимым маркером, позволяющим гомосексуалистам узнавать и отличать «своих». Ричард Мартин, куратор собрания костюмов Метрополитен-музея, постарался понять и объяснить, почему именно этот предмет одежды стал фетишем для «гомоспектаториального воображения» (англ. homospectatorial imagination). Для массового сознания первой половины XX века «человек в фуфайке» — это в первую очередь представитель рабочего класса, в связи с чем сам этот предмет одежды стал ассоциироваться с присущей «настоящему мужику» грубой физической силой; данную коннотацию усиливало и то, что фуфайка практически не скрывала и даже подчеркивала рельефный рисунок мускулатуры мужского торса³⁷. В 1950-е годы образ облаченного в белую фуфайку Марлона Брандо способствовал популяризации представлений об

эротической привлекательности этого предмета и их массовому проникновению также в умы гетеросексуалов.

Гей-эротика также породила представления о сексуальной привлекательности гениталий, провокационно выходящих и как будто рвущихся наружу из тесного плена трусов, стрингов или спортивного банджа. Как правило, чем меньше скрывает под собой нижнее белье, тем «эротичнее» оно выглядит. Боксерские трусы сидят свободнее и покрывают большую поверхность тела по сравнению с плавками, поэтому «боксеры» принято считать более консервативными и менее сексуальными. Таким образом, появление мужских плавков в стиле *бикини* в 1960-е годы ознаменовало революционный прорыв в области эротического дизайна. Тем не менее, несмотря на то что сексуальной привлекательности женских купальников-бикини посвящены целые тома, ни мужское белье в стиле бикини, ни мужские купальные костюмы до сих пор не принято рассматривать в качестве примера мужского эротического стиля.

И в женском, и в мужском варианте бикини в первую очередь выполняют функции *cache-sexe** минимально допустимого размера. Однако для мужчины это еще и воплощение напряженного «промежного самосознания» (англ. *crotch-consciousness*). В этом отношении притягательность бикини сродни притягательности узких синих джинсов — еще одного предмета одежды, который также стал объектом фетишизации в гомосексуальной среде уже в 1930-е годы. Спустя некоторое время — примерно в 1960-е годы — гетеросексуалы также признали, что синие джинсы наделяют «мощной сексуальной притягательностью». По словам Родни Беннета-Ингланда, автора книги «Одежда на выбор» (*Dress Optional*), «чем плотнее облегают джинсы, тем сильнее они подчеркивают контур ноги и „откровенную возвышенность мужского достоинства“, как очень точно подметил один из читателей *Penthouse*»³⁸. Некоторые мужчины, не удовлетворенные естественным видом своей «возвышенности», прибегают к помощи стрингов с объемной вставкой.

К началу 1960-х годов сформировался достаточно разнообразный ассортимент мужского белья в эротическом стиле. Беннет-Ингланд писал: «Существуют прозрачные плавки, эксцентричные плавки, плавки из кожи тонкой выделки, нижнее белье из резины, ПВХ и многих других материалов, которые способствуют сексуальному возбуждению или стимуляции»³⁹. В каталогах из серии «товары почтой» можно было встретить такую рекламу: «Моделирующие стринги. <...> Обеспечивают максимум поддержки при минимальном стеснении». Там же потенциальному покупателю предлагались облегченные шорты и «боксеры» — «для тех, кто предпочитает наращивать мускулы в приватной обстановке». И даже нечто вроде набедренных повязок: «Покажите свое тело в самом

* Предмет одежды, скрывающий гениталии. (Прим. пер.)

выгодном свете в наших повязках из джерси! Один размер для всех и каждого — благодаря оригинальным боковым тесемкам!» Набедренные повязки выпускались в двух вариантах расцветки — «пожар в джунглях» (ярко-красный) и «телесный»; стринги могли быть черными, белыми, телесного оттенка, оттенка «пожар в джунглях», розовыми, желтыми, светло-голубыми и зелеными⁴⁰.

В 1970-е годы даже крупные производители, такие как Jockey, начали ставить на эротическую привлекательность мужского нижнего белья. А затем наступили 1980-е — время, когда реклама мужского и женского белья начала прочно ассоциироваться с именем Кельвина Кляйна. Впрочем, для начала внимание прессы привлек тот факт, что Кляйн продвигает на рынке белье в мужском стиле, но предназначенное для женщин. В Times появились тревожные сообщения об учиненном Кляйном «гендерном разгуле»; возмущенные авторы указывали на то, что в его интерпретации трусики-бикини превратились в стринги, напоминающие своим видом спортивный суспензорий, а сходство панталон с боксерскими трусами усугубляется и вовсе «противоречивой» деталью — ширинкой. На что сам Кляйн ответил: «Так — с ширинкой — сексуальнее». В свою очередь, издание Women's Wear Daily, знакомя читателей с этой новинкой, писало, что «женское белье не выглядело горячее со времен купальников бикини»⁴¹.

Однако в условиях процветающего в американском обществе пуританизма и гомофобии привлекать внимание к эротическим аспектам мужской красоты казалось немислимым делом — это должно было повергнуть в шок. Таким образом, запечатлев на фото богоподобных мужчин, одетых лишь в нижнее белье, Брюс Вебер потряс устои куда глубже, чем когда он фотографировал девушек в андрогинном белье. С 1982 года началось сотрудничество Вебера и Кляйна; совместными усилиями они создали первую откровенно эротическую рекламу мужского нижнего белья. И очень скоро в ландшафт больших городов дерзко вклинились гигантские билборды с изображением полубоженных мускулистых тел, цепляющие взгляд провокационной «возвышенностью» на безупречной белизне трусов⁴². Как говорили в те времена, Кляйн вернул «шары» на их законное место.

Спустя десятилетие на обложке Rolling Stone Кляйн увидел изображение репера Марки Марка, одетого в одни трусы. (Во время выступлений Марки Марк частенько раздевался «до кельвинов» — такой стриптиз был частью его сценического шоу.) Прошло совсем немного времени, и Стивен Майзел уже фотографировал репера для рекламы мужского белья марки Calvin Klein. На одной из самых сексуально заряженных и откровенных фотографий артист изображен одетым в белые трусы, которые нельзя назвать ни облегающими, ни свободными, — он сжимает рукой промежность и смотрит в объектив, сурово нахмутив брови.

Среди городской молодежи уже давно вошло в моду носить брюки при-спущенными — настолько, чтобы из-под них была видна резинка трусов. Но если «на улице» ей следуют только молодые люди, то на подиуме этот элемент уличного стиля был интегрирован и в женские дефиле. Первопроходцами стали дизайнеры модного дома Chanel. И вскоре после этого миру явилось великое множество «дизайнерских» марок трусов.

В былые времена человека, вышедшего из дома в «исподнем», наверняка сочли бы за полоумного. Но к началу 1990-х годов почтовые каталоги уже пестрили фотографиями людей, разгуливающих в нижнем белье. Появление моды на мужское белье отражает такие явления, как изменение традиционно возложенной на мужчину роли и продолжающееся до сих пор постепенное отмирание сексуальных табу. Тем не менее одно из этих табу по-прежнему не утратило своей прежней силы — это запрет на публичное обнажение пени-са. Поэтому открытая демонстрация нижнего белья — это крайняя допустимая для мужчины степень публичного обнажения. Кроме того, существует так на-зываемый «фактор стиля». К настоящему времени мода стала в высшей степе-ни телесно-ориентированной, а нижнее белье взаимодействует с телом теснее, чем все прочие предметы гардероба⁴³.

Все, о чем говорилось в этом разделе главы, не имеет прямого отношения к бельевому фетишизму в чистом виде — скорее уж к обычной для мужчин склонности к фетишизации, поскольку белье лишь притягивает еще большее внимание к телу. Но фетишизм и фетишизация пересекаются в определенных моментах. И среди геев найдется немало «фанатов бельевых фетишей», кото-рые «распаляются докрасна при виде трусов»⁴⁴, хотя их наверняка окажется меньше, чем тех, кого «заводят» вещи из кожи и резины или униформа. Кроме того, повышенный интерес к фотографиям мужчин, одетых в одни трусы, мо-жет стать первым шагом на пути к пенис-фетишизму.

Черные чулки и бюстгальтеры с заостренными чашечками

Список мужских журналов, составленный на основании каталога периоди-ческих изданий, хранящихся в собрании Института Кинси, включает следу-ющие наименования: «Черная подвязка» (Black Garter), «Черные кружева» (Black Lace), «Черный атлас» (Black Satin), «Черные шелковые чулки» (Black Silk Stockings), «Черные чулки» (Black Stockings), «Распутницы в неглиже» (Linge-rie Libertines), «Модненькие нейлоновые штучки» (Nifty Nylons), «Нейлоновые джунгли» (Nylon Jungle), «Румяна» (Rouge), «Черные соболя» (Sable), «Сатана и кружево» (Satan and Lace) (именно satan — «сатана», а не satin — «атлас»; «Атлас и кружева» (Satin and Lace) — название журнала для трансвеститов

и транссексуалов), «Шелк» (Silk), «Шелковые чулки» (Silk Stockings), «Шелковистый» (Silky), «Нежнейшие сирены» (Silky Sirens), «Юбка» (Skirt), «Сорочка и подвязка» (Slip and Garter), «Чулочный парад» (Stocking Parade), «Бархат» (Velvet), «Бархатное прикосновение» (Velvet Touch). Далеко не все эти журналы были всецело посвящены каким-либо фетишам (Velvet во многом походил на Penthouse), однако центральные темы, которые затрагивали многие из них, сильнее всего волновали именно фетишистов.

Многие из перечисленных названий звучат волнующе странно, поскольку подвязки, даже несмотря на то что этот предмет долгое время прочно ассоциировался с сексом, практически вышли из обихода (если не считать свадебных ритуалов), а чулки уступили свое место в гардеробе колготкам, создающим куда более непроницаемый барьер на пути вторжения в сокровенные сферы. В одной статье, опубликованной в мужском журнале Nylon Jungle, был поднят вопрос о пугающем пренебрежении к проверенным временем фетиш-объектам. По словам автора, хотя подвязки давным-давно канули в лету, на смену им пришел пояс для чулок; его резинки, «решительно прочерчивая свою упругую линию поверх очертаний бедра, очевидно и несомненно, пользуются точь-в-точь такой же популярностью у вождедеющих красоты мужчин, как и украшенные оборками ленты, которые некогда надевались на [женские] ножки». Но правда ли, что сегодня пояса и чулки сдали свои позиции колготкам? Журнал настаивал на том, что «уровень продаж колготок не оправдал надежд производителей, если не считать потребительскую группу моложе 21 года и стремящуюся быть „в теме“ студенческую компанию. Взрослая американка, если только предоставить ей свободу выбора, судя по всему, отдаст предпочтение поясу и чулкам... и никакие уговоры не склонят ее к дорогостоящей прихоти»⁴⁵. Однако уже к 1967 году эти слова соответствовали истине лишь отчасти.

По мнению другого представителя пишущей братии, у современной девушки есть «одна проблема»: она угодила в «бельевую ловушку... разрываясь между своей любовью ко всем бесподобно утонченным деталям женственной манеры одежды и новым пижонским стилем „мод“, который несет на себе следы влияния мужского гардероба». Подружки неустанно твердят ей о том, как это здорово — «во всем подражать модам... но она не видит прелести в толстых чулках и прочих лохматого вида вещичках, прибывших к нам из Англии». Единственный положительный аспект стиля «модов» — это белые пижонские штиблеты, «которые так мило сочетаются с ее нейлоновыми чулками»⁴⁶.

Это еще один любопытный пример склонности фетишистов отдавать предпочтение старомодным предметам гардероба. Кто-то скажет, что фетишисты попросту «зациклены» на вещах, которые носило поколение их матерей. Да, мысль о том, что в эту минуту в душах тысяч будущих фетишистов зарождается безумная страсть к майкам и тренировочным штанам с логотипом

Reebok, не может не позабавить⁴⁷. Однако это слишком упрощенный взгляд. Некоторые предметы гардероба (такие, как обувь на высоком каблуке, чулки и пояса с резинками) обладают особыми качествами, изрядно повышающими их шансы на то, чтобы стать объектом фетишизации.

Ноги — это «дорога», ведущая к гениталиям. Чулки заставляют взгляд скользить вверх по ноге, а пояс с резинками создает обрамление для половых органов. На многих мужчин это действует подобно стрелке, указывающей направление к земле обетованной, и эффект бывает еще сильнее, если на чулке отчетливо проступает черный шов. «Горячие ножки. Чулки и пояса: взлеты и падения индустрии — полное разоблачение и никаких секретов!»⁴⁸ Однако окантовка чулка оставляет на бедре заметный след — совсем как пушечный лафет на песке, как бы говоря: «Ни шагу дальше!» а если чулки черные, они вдобавок к этому графически отделяют часть ноги и «требуют» остановиться несколькими дюймами ниже гениталий.

В названиях многих журналов, посвященных нижнему белью, присутствует слово «черный», и это неслучайно. Черный — символически значимый цвет. Для одного из пациентов Вильгельма Штекеля (мужчины, который получал огромное удовольствие, представляя себе дерущихся женщин) «черные чулки символизировали женщину, отмеченную печатью греха. Белые чулки являлись символом чистоты»⁴⁹. Но кроме того, черный цвет создает резкий контраст на фоне нежных оттенков плоти. Прошло более века с тех пор, как *La Vie Parisienne* предупреждала о том, что мужчины, которым действительно нравится черное нижнее белье, «испытывают потребность видеть белизну кожи, выступающей из черного обрамления, поскольку сама по себе белизна кожи их больше почти не воодушевляет»⁵⁰. Хотя я и не занималась систематическим изучением фетишистской порнопродукции, в которой фигурирует черный цвет, у меня все же сложилось впечатление, что ее производители и авторы больше полагаются на привлекательность нижнего белья белого, желтого, розового и красного цветов.

Не только цвет, но и материал может быть наделен теми или иными эротическими коннотациями. «Тонкие, как паутина, ткани из остромодного нейлона или шелка, соблазнительно льнущие к гладким конечностям, подобны „второй коже“», — пишет Стефани Джонс. В свою очередь, прозрачные черные чулки — это «часть защитных доспехов тех прекрасных, но неприкасаемых созданий, которым так любят поклоняться их пленники», или, как замечает Теренс Селлерс в книге «Учтивый садист» (*The Correct Sadist*), «отголосок запретной женщины». «Присущее чулкам сочетание невидимости шелка и ненавязчивого давления разжигает рабский огонь благодаря своей дразнящей ироничности. Чулок делает плоть женской ноги крепкой, однородной и подтянутой»⁵¹. По мере того как популярность шелка и даже нейлона клонилась к закату, все больше и больше возрастал интерес к резине. В американском комическом стрип-шоу «Порабо-

ценные резиной» дама, выступающая в амплуа госпожи, говорит своему партнеру-трансвеститу: «Кончай извиваться, когда я пытаюсь натянуть эти очаровательные, тонкие резиновые чулочки на твои мосластые копыта, — я ж просто хочу упаковать твои уродливые волосатые лапы в сияющий глянцем латекс»⁵².

«Истинный» чулочный фетишист — по-видимому, явление «чрезвычайно редкое», хотя многие мужчины «питают слабость к чулкам»⁵³. В некоторых случаях чулки или колготки ассоциируются с фантазиями, в которых присутствует мотив асфиксии — удушение партнерши или самоудушение с целью испытать сексуальное наслаждение либо добиться большей остроты ощущений. Порнографическая эстетика часто совмещает в одном образе черные чулки и длинные черные перчатки. Перчатки, так же как и чулки, редко оказываются в роли центрального фетиш-объекта, но достаточно часто становятся частью фетиш-костюмов и присутствуют в фетишистских фантазиях.

В корреспонденции фетишистских изданий не так уж и редко упоминаются «длинные, узкие лайковые перчатки»⁵⁴. Кроме того, время от времени кто-нибудь из читателей воздает хвалу «перчаткам для наказаний», в которых можно запереть шаловливые ручонки, припомнит «перчатки с тугой шнуровкой» на вазелиновой «подкладке» или поведаст о своем желании отхлестать плеткой облаченные в перчатки руки⁵⁵. Если верить дневникам братьев Гонкур, германский кайзер требовал, чтобы парижские кокотки «ожидали его... сняв с себя все до нитки за исключением пары длинных черных перчаток. <...> Эти черные перчатки, конечно же, недвусмысленно указывают на склонность к садизму. <...> И напоминают черные чулки на непристойных гравюрах [Фелисьена] Ропса»⁵⁶.

«Скрывая под собой органы прикосновения... перчатки... акцентируют сексуальные инсинуации, в одно и то же время сдерживая и подогревая желания», — пишет Филипп Перо⁵⁷. Изданные в XIX столетии справочники хороших манер предупреждали, что мужчине не подобает касаться обнаженной женской руки; в то время как порнографическая продукция недвусмысленно намекала на связь руки с мастурбацией (с тех пор и существует эвфемизм «hand job» — «занятие для рук»). В Средние века упоминание благоухающей перчатки могло служить намеком на женские гениталии, а любовники в те времена обменивались перчатками примерно так же, как сегодня обмениваются обручальными кольцами⁵⁸.

Обувных фетишистов волнует эстетическая сторона и структурные детали фетиш-объектов; точно так же фетишист, питающий страсть к перчаткам, может отдавать предпочтение какому-то определенному материалу (например, замше, бархату, атласу, коже или резине), цвету или фасону. Своих поклонников имеют краги и хирургические перчатки, а некоторые приверженцы хранят верность перчаткам без пальцев (митенкам). Перчатки часто используют

в своих сценических костюмах стриптизерши, в знаменитой сцене в фильме «Джилльда» главная героиня в исполнении Риты Хейворт снимает с руки перчатку, намекая на полное разоблачение (что, впрочем, благополучно ускользнуло от внимания цензоров)⁵⁹.

«Рука, облаченная в перчатку, превращается в символ власти чаще, чем нога, обутая в сапог», — таково мнение автора одной из посвященных фетишизму книг⁶⁰. Длинные перчатки обладают почти таким же эротическим потенциалом, как высокие сапоги. Принято считать, что перчатки длиной до локтя или до подмышек (такие, к примеру, можно увидеть в опере) выглядят намного более сексуально, нежели перчатки, едва прикрывающие запястье. Причем это убеждение присуще не только ограниченному кругу фетишистов. В конце XIX века Godey's Lady's Book давала своим читательницам следующий совет:

Собираясь отправиться на вечерний прием, вы должны встретить своего спутника полностью одетой и готовой к выходу. Перчатки следует надеть, находясь в уединении своего будуара, и, конечно же, они должны оставаться на вас на протяжении всего вечера. <...> Однако перчатки для дневного времени — короткие, и при необходимости могут быть надеты в присутствии вашего кавалера, поскольку их укороченность лишает это действие той вызывающей интимности, которая ассоциируется с длинными вечерними перчатками⁶¹.

Не надо обладать воображением Фрейда, чтобы увидеть определенное сходство между рукой, на которую натягивают длинную эластичную перчатку, и упрятанным в презерватив пенисом. Труднее поверить, что женская грудь тоже может восприниматься как фаллический символ. Впрочем, в рассказе «Новости с изнанки» (Undercover News) тело женщины описано в фаллическом ключе: «Ее груди топорщились, как острые рога разъяренного быка, готового насквозь протаранить стены своей тюрьмы»⁶². Бюстгальтеры этой героини отличает «совершенная законченность», которой могли бы гордиться составители каталога Frederic's of Hollywood; «волшебные окружности разделяли груди и придавали каждой прекрасную форму... заставляя их вздыматься вверх и вращаться наружу, дабы преумножить фронтальную проекцию»⁶³.

Корреляция между женской грудью и пенисом также существует и в контексте иных культур; к примеру, в Новой Гвинее у туземцев из племени самбия грудное молоко откровенно ассоциируется с семенной жидкостью⁶⁴.

Большая грудь производит на многих мужчин «потрясающее» впечатление, в то время как маленькая кажется им «заурядной» — в этом нетрудно усмотреть перенесенную «выше этажом» проекцию беспокойства, связанного одновременно с размером собственного пениса и с восприятием женских ге-

ниталий⁶⁵. Безусловно, развитые молочные железы — это важнейший из вторичных половых признаков у женских особей млекопитающих и первичных символов женской сексуальной привлекательности. И сколько уже было сказано о том, что «грудной фетишизм» в Америке стал почти обыденным явлением — то ли из-за широкого распространения практики искусственного вскармливания, то ли из-за повсеместного ханжества на сексуальной почве, то ли в силу обусловленного особенностями американской культуры «преклонения перед Матерью и всем тем, что она собой олицетворяет»⁶⁶. Здесь мы также сталкиваемся с излишним упрощением, хотя определенная степень фетишизации женской груди действительно воспринимается в нашем обществе как нечто вполне нормальное. Среди порнографических названий и заголовков изрядную долю составляют такие, как «Большие буфера» (Big Bazooms), «Трахальщики сисек» (Tit Fuckers), «Молочко из титек» (Titty Milk), «Мамаша с подойниками» (Mother Jugs) и т.п.

«Кто-то может вполне обоснованно предположить, что бюстгалтеры должны пользоваться [у фетишистов] почти такой же популярностью, как трусы, — пишет один исследователь сексуальных проблем, — однако по необъяснимой причине они редко становятся фетиш-предметами, как бы это ни противоречило акцентированному отношению нашей культуры к женской груди как к средоточию сексуального интереса»⁶⁷. Однако позволю себе предположить, что причина этого парадокса не так уж «необъяснима» — хотя бы потому, что женская грудь не является таким же строго табуированным объектом, как гениталии. Однажды в журнале *Life* появилась передовица, озаглавленная «Ура бюстгалтеру!» Но, согласитесь, нам трудно представить себе, что обложку издающегося массовым тиражом американского журнала когда-нибудь украсит изображение сфотографированных крупным планом трусов. Не так давно среди феминисток нашлись активистки, готовые обнажить грудь в публичном месте по идеологическим соображениям — в частности, во время демонстрации. Проводя такие акции протеста, они заявляют: «Женская грудь не половой орган!»⁶⁸ Прямо противоположным образом вели себя профессиональные жрицы любви в Древнем Риме: на людях они категорически отказывались снимать с себя *строфиум* (протобюстгалтер), даже когда оказывали сексуальные услуги⁶⁹.

Как известно, бюстгалтер — изобретение XX века; этот предмет появился приблизительно в 1906 году, когда корсет перестал использоваться по своему прямому назначению, которое в том числе подразумевало поддержку бюста и придание ему формы. Хотя объектом фетишизации может стать любая модель бюстгалтера, некоторые фасоны все же обладают большей привлекательностью по сравнению с остальными. Чем скульптурнее форма бюстгалтера, чем острее его чашечки, чем откровеннее и больше кажется в нем

грудь (особенно если материал или конструкция позволяет видеть соски), чем больше в нем «блеска» и декоративных деталей, тем больше шансов, что он превратится в объект фетишизации.

«Вы видели конусовидный лифчик, который я сделал для Мадонны? — спросил Жан-Поль Готье. — Первый такой я смастерил для своего плюшевого медведя... у него не было никакого, и я придумал этот. Тогда я сделал его из бумаги при помощи булавок». Когда Готье впервые представил на публике свои модели, некоторые журналисты обвинили его в сексизме. Глядя на конусовидный бюстгальтер, легко представить его в числе бельевых фетишей, которые можно увидеть на снискавших скандальную славу «бондажных» фото Ирвина Клоу. Однако Готье настаивает, что это всего лишь плод его «разыгравшейся фантазии»: «Это была шутка, и в то же время это выглядело радикально и симпатично». Тем не менее он признает, что в конусовидном бюстгальтере, возможно, есть что-то «чутьточку агрессивное»⁷⁰. Однако нет никаких оснований утверждать, что грудь в форме петарды гарантированно является потенциальным объектом фетишизации. Лифчики с чашечками, похожими на воронку, были в моде еще в 1940-е и 1950-е годы; и совершенно очевидно, что Готье в своем творчестве опирался на историю дизайна этого предмета. Точно так же другим источником вдохновения стали для него моделирующие фигуру корсетные пояса, которые дамы носили в 1950-е и в начале 1960-х.

Готье поставил мужчин на высокие каблуки и, как он сам говорит, «упаковал их в сетку и корсеты, но это были корсеты, предназначенные для мужчин». Он ясно дает понять, что идея нарядить в конусовидные бюстгальтеры мальчиков из подтанцовки, участвовавших в концертных шоу Мадонны, принадлежала не ему: «Так решила Мадонна. Я не надеваю лифчики на парней»⁷¹.

Однако, будучи квинтэссенцией воплощенной в гардеробе женственности, бюстгальтер является предметом, чрезвычайно привлекательным для трансвеститов. В рассказе «Вылазка за трусиками» именно бюстгальтер дает первый толчок к перевоплощению главного героя в женщину:

Смотри-ка, Брюс, — она потрясла [бюстгальтером] у него перед носом, как будто угрожая его мужественности, — в этом лифчике есть объемные вставки и прокладки из пенорезины, они придают форму. А благодаря этому глубокому вырезу спереди получается настоящая расщелина; на девочках это смотрится до одури непристойно. А на тебе, — тут из ее горла вырвался смешок — на тебе это будет просто жуть. В чашечках (они, кстати, из самого что ни на есть натурального атласа) внизу вставлены маленькие проволочные косточки. А спереди — застежка на крючках; хоть грудь у тебя и мускулистая, они не подведут, потому что по бокам

у нас есть эластичные резинки. Зато твою грудь будет просто не узнать. Скоро она превратится в ужасно симпатичный бюстик⁷².

Моделирующие фигуру предметы одежды (корсеты, корсетные пояса, бюстгалтеры и бюстье), которые «поддерживают», придают форму и устанавливают жесткие границы для определенных частей тела, особенно предрасположены к фетишизации. Один трансвестит объяснял, что «ему интересны только те [предметы женского гардероба], которые „держат в узде“ плоть: корсетные пояса, лифчики, чулки»⁷³.

Грубая и «гадкая» сторона моделирующего гардероба — в первую очередь жестко структурированных бюстгалтеров и корсетных поясов — оказалась весьма привлекательной для панков, которые стали своего рода антиподами поколения хиппи, отринувшего всякие ограничения, включая и иго бюстгалтера. Панки, как истинные бунтовщики, «экспроприировали» самые зловещие символы сексуального порабощения и дерзко вышли на улицу в дешевых лифчиках и корсетных поясах, которые зачастую заменяли им верхнюю одежду. На самом деле играющую столь значимую роль на протяжении всего последнего десятилетия* тенденцию использовать предметы нижнего белья в качестве верхней одежды следует понимать (хотя бы отчасти) как попытку сорвать ореол таинственности с расхожих сексуальных табу. (Вивьен Вествуд вдохновляло еще и то, что в некоторых странах третьего мира бюстгалтер воспринимается как статусный символ.)

Как только не прикрытый платьем бюстгалтер был признан авангардным «трендом», тенденцию тут же подхватил модный мейнстрим и поставил ее на поток. Но в рамках нового и совершенно иного по сравнению с первоначальным контекста заложенное в этом стилистическом «изыске» значение трансформировалось. Дизайнер Джози Натори сформулировала это следующим образом:

Раньше быть одетой в бюстье было чем-то из ряда вон. Теперь в этом нет ничего такого. <...> Женщины осмелели. <...> Раньше было принято самовыражаться в спальне, теперь вы можете показать себя в любое время дня. Женщина говорит: «Раньше я поджигала свой лифчик. А теперь я собираюсь сделать из него себе знамя»⁷⁴.

Однако дискурс, развивающийся вокруг данного модного направления, подчас порождает полярно противоположные мнения. Правы ли те, кто утверждает, что публичная демонстрация нижнего белья — это воплощение

* Книга написана и впервые опубликована в 1996 году. (Прим. пер.)

принципа «секс как путь к освобождению»? Модный обозреватель Шарлотт Дюканн упрекала модную индустрию в том, что она

допускает, что, заголив промежность, женщина отстаивает какую-то личную свободу. Да ничего подобного; это всего лишь делает ее похожей на любителя демонстративно почесать свою палку. Да и новомодные заигрывания с садомазохизмом не признак того, что женщина сильна, потому что в этом случае она видит в сексе не освободительную силу, а контролирующую власть (это никоим образом не следует путать с ироничным бондажированием панков)⁷⁵.

Комбинация по Фрейду

Индустрия, занимающаяся производством одежды, относится к нижнему белью как к «одежде для интимных частей тела». Поскольку под трусами скрываются гениталии, этот предмет пользуется особым вниманием со стороны бельевых фетишистов; однако сорочка (комбинация), нарядный бюстгальтер, нижняя юбка, ночная рубашка и negligé также ассоциируются с наготой и сексом⁷⁶. «Сорочка на женщине... это белоснежный символ ее целомудрия, коего не подобает касаться, так же как и слишком близко рассматривать», — предостерегал один литератор еще в 1861 году⁷⁷. Но к 1890-м годам ткани, которые шли на пошив женского белья, стали заметно тоньше и прозрачнее, расцветки сделались более соблазнительными, а для отделки стали широко использоваться кружево и вышивка.

«Эти оборки стоят дороже, чем мое платье, — не без гордости „сокрушалась“ известная в пятидесятые годы стриптизерша Cat Girl. — Я и впрямь от души потратилась на роскошные атласные negligé и прозрачные ночнушки»⁷⁸. В 1970-е годы «люди привыкли направляться прямо в отдел женского белья и покупать крошечные комбинации, чтобы дальше идти уже без гроша в кармане», — вспоминает Пол Кавако из Harper's Bazaar. В моде 1980-х доминировала суровая притягательность моделирующих бюстгальтеров и корсетных поясов, но с наступлением 1990-х центр притяжения сместился в сторону мягких форм, в частности в моду вошли платья, напоминающие нижнюю сорочку. По мнению Джози Натори, «созданная по образу и подобию нижнего белья одежда — это надолго, так как... она в хорошем смысле слова провокационна»⁷⁹.

Феминистки протестовали против публичной демонстрации самого нижнего белья и изображений, на которых женщина в белье выглядит откровенно эротично. Свою позицию они обосновывали тем, что все это можно расценить как визуальную форму сексуального домогательства. Возвращение к производству «сексуальных» моделей нижнего белья также воспринималось ими как

часть антифеминистского демарша. Назвавшая это «торгашеской эксплуатацией клише» Бетти Фридан тем не менее заметила, что «женщины действительно получили возможность свободно выражать свое женское „я”»⁸⁰. Проблема в том, что человек не может предугадать, как другие люди воспримут созданный им с помощью одежды образ, и тем более не в состоянии повлиять на их «прочтение». Как сказал по этому поводу модный обозреватель Вуди Хошвендер, «цепляющие глаз уличные образы, о которых мы говорили, — это пример того, что дизайнеры подарили современным женщинам стиль, который вбирает в себя стереотипы и реально раскрепощает тех, кто носит эту одежду. Как мужчина, я могу с уверенностью сказать, что это слабая позиция, от которой такие скоты, как я, не оставят камня на камне»⁸¹.

Мода на белье в роли одежды — это значимое явление, постольку поскольку она подрывает традиционные табу, которые решительно разделяют публичную и приватную сферу и диктуют для каждой из них «подобающее» поведение. Мини-юбка допускает, что из-под нее будут «то и дело проглядывать трусики», поэтому в скором времени трусы утратят большую часть своей «эротической привлекательности» — вот что четверть века назад беспокоило одного писателя⁸². Как оказалось, он волновался напрасно. Хотя все это время тенденция выставлять тело напоказ неуклонно набирала силу. Долгие годы нижнее белье воспринималось как тайная сексуальная часть гардероба, что, впрочем, не мешало гордо демонстрировать его на подиуме.

Некий элемент высококлассного стриптиза можно было уловить даже во время дефиле таких консервативных модных домов, как Dior, когда модель, идя по подиуму, распахнула атласную накидку, под которой не оказалось ничего, кроме ожерелья и расшитых самоцветами трусов. Дизайнеры, работающие на более юную клиентуру, демонстрируют еще большую смелость. У Ghost гвоздем коллекции «Осень 1994» стало «ослепительное нижнее белье», созданное Деборой Марки, «которое практически затмило одежду»⁸³. Юбки с разрезами до пупа позволяли видеть во всей красе миниатюрные трусики из красного кружева и черные чулки, а из-под расстегнутых топов вырывались неоновые блики бюстгалтеров. Тьерри Мюглер использовал в своих супермодных моделях белья металл, кожу и латекс. Однако перещеголять экстравагантностью всех остальных дизайнеров, несомненно, удалось Вивьен Вествуд; созданные ею трусики из искусственного меха с особой остротой подчеркивают значимость той роли, которую материал играет в контексте моды и фетишизма.

Вторая кожа

«Пропусту говоря, резина — это власть и секс», — заявила Кэндис Бушнелл из *Vogue*, после того как примерила на себя несколько разных нарядов, которые объединяло то, что они плотно облегли фигуру и сияли глянцевым блеском¹. Всего несколько лет назад резина и кожа считались «хардкором» среди фетиш-материалов, поэтому было несколько странно обнаружить в январском номере британского *Vogue* за 1989 год статью «Кожа на коже» (*Skin to Skin*), посвященную «чувственной/эстетической опрятности гладкой черной кожи», которой была отмечена одежда таких известнейших домов моды, как *Gucci* и *Chanel*². Сегодня модный дискурс все чаще норовит запрячь в одну упряжку феминистскую риторику и фетишистскую эстетику. Супермодель Наоми Кэмпбелл, позировавшая в туфлях на шпильке и платье из резины, бесстрастно заметила, что это платье «издает скрипящий звук, когда вы его надеваете. И вы подумываете о том, что было бы неплохо для начала посыпать его тальком, чтобы не липло к телу». Однако на вопрос, не унижает ли такая одежда женщину, Кэмпбелл ответила: «Взрослые женщины могут делать все, что им нравится»³.

Некоторые материалы обладают мощной эротической притягательностью благодаря своим тактильным, визуальным и обонятельным достоинствам, а также в силу связанных с ними символических ассоциаций. Однако популярность специфических фетиш-материалов менялась с течением времени; отчасти это связано с технологическим прогрессом, в частности с изобретением поливинилхлорида (ПВХ). Кроме того, произошел исторический поворот, сместивший фокус массового интереса от материалов «феминных» к материалам «маскулинным». В XIX веке и на заре XX центр внимания был сосредоточен на нежных и мягких материалах, таких как атлас и мех, которые в первую очередь ассоциировались с женским гардеробом. Но к концу XX века доминирующие позиции перешли к более плотным и грубым материалам, в число которых входят кожа и резина. Эти перемены не носят абсолютного характера, однако значимость такого смещения акцентов определяется его

скрытым подтекстом, имеющим отношение к эротическому самоощущению и сексуальной самопрезентации.

В этой главе мы познакомимся с историей материального фетишизма, а в заключение бросим беглый взгляд на кожный покров человеческого тела, преображенный посредством татуажа и пирсинга.

Венера в мехах

Леопольд фон Захер-Мазох (от фамилии которого образовано слово «мазохизм») молил свою госпожу «носить меха как можно чаще, особенно когда... поступаешь жестоко»⁴. В его скандально известном эротическом романе «Венера в мехах» обожаемая дама ни разу не описана полностью обнаженной — ее тело всегда обрамляет хотя бы некое подобие фетишизированных украшений: «При виде нее, возлежащей на красных бархатных подушках, при виде ее драгоценного тела, проглядывающего меж волнами собольего меха, я осознал, как велико сладострастие и вожделение, которое вызывает во мне плоть, явленная лишь отчасти»⁵. Скопофилия (вуайеризм; подглядывание, цель которого — эротическое наслаждение) здесь напрямую связана с тактильным эротизмом (бархатные подушки, манто из соболей)⁶.

«Упругие меха жадно ласкали ее мраморно-холодное тело. Ее левая рука... покоилась спящим лебедем, окруженная мраком соболей, в то время как правая поигрывала хлыстом»⁷. Женщина одновременно холодна как смерть и горяча как мех. Согласно Мазоху, дама в меховой шубе подобна «величественной кошке, мощной электрической батарее». Ощущения от соприкосновения обнаженного тела с мехом неповторимы — они в буквальном смысле щекочут нервы разрядами статического электричества и могут быть уподоблены ощущениям, возникающим во время бичевания: «В этом смысле, помимо прочего, меха и хлыст идут рука об руку». Пронзительный аромат шерсти пленял Мазоха, твердившего своей жене, что ему непреодолимо хочется утопить свое лицо в теплом запахе ее мехов, которые ассоциировались у него с мыслью о том, что женщина — «единственная, кому дано править», а может быть, еще и о том, что в женщине живет зверь⁸.

Мех — олицетворение тепла, красоты и престижа. Но, как сказал Крафт-Эбингу некий меховой фетишист, названный им господином N.N.:

Просто эстетический эффект — красота дорогих мехов, к которой более или менее восприимчив каждый и которая... кроме того, играет столь важную роль в моде... в данном случае ровным счетом ничего не объясняет. Прекрасного вида меха оказывают на меня то же эстетическое воздействие, что и на нормальных людей. <...> Такие вещи, когда их искусно

используют, чтобы сделать женщину еще прекраснее, то есть в определенных обстоятельствах, могут произвести непрямой чувственный эффект⁹.

Однако «непосредственный, мощный чувственный эффект», который он испытывал на себе, будучи фетишистом, — «это нечто совершенно иное, нежели обычное эстетическое удовольствие» — хотя, по его словам, «это не отменяло предъявляемого [им] к своим фетишам требования обладать целым рядом эстетических достоинств, имеющих отношение к их форме, стилю, расцветке и т.д.». По-настоящему ему нравился только «очень густой, качественный, гладкий и скорее длинный ворс, приподнятый, как у так называемых остистых мехов», и этим требованиям вполне соответствовал соболь. Ему были одинаково не по вкусу меха с коротким ворсом, такие как котик и горностаи (даже не смотря на то что стоили они дорого и носить их было престижно), и слишком длинный «волос»¹⁰.

Фрейд был убежден, что мех и бархат символически олицетворяют лобковые волосы — покров, в недрах которого (согласно детским фантазиям мальчика) *должен* скрываться пенис. Эти ассоциации подкрепляют слова и словосочетания, использующиеся в сленге для обозначения женских гениталий: pussy — «киска», beaver — «бобренок», fur pie — «меховой пирожок». Показательно, что господину N.N. сама мысль о том, что мужчина может одеться в меха, казалась «исключительно неприятной, противной и омерзительной». Кроме того, ему не хотелось видеть «старую или уродливую женщину одетой в прекрасные меха, поскольку это вызывает противоречивые чувства»¹¹.

Судя по всему, меховой фетишизм скорее относится к числу редких явлений. Магнус Хиршфельд описал случай фетишистского пристрастия к «меху и костылям!»¹². Другой, также датированный XX столетием случай описан в Канаде: некий инженер вел половую жизнь, которая практически полностью сводилась к тому, что он надевал на себя меховую шубу, смотрелся в зеркало и мастурбировал. «Однажды ночью он вломился в меховой магазин, разделся догола и устроил для себя настоящую оргию мехового эротизма». Затем он начал воровать меховые изделия. После того как он отбыл срок и вышел из тюрьмы, у него появилась привычка разгуливать по дому в меховой набедренной повязке¹³.

«Бархатный» фетишизм также необычен, хотя у Крафт-Эбинга упоминаются несколько подходящих под это определение случаев. «В одном борделе некий человек был известен под именем „Бархат“. Он мог нарядить свою симпатию [проститутку] в одежду, сшитую из черного бархата, а мог прийти в возбуждение и удовлетворить свое сексуальное желание, просто оглаживая свое лицо краешком подола ее бархатистого платья и вообще не касаясь других частей ее существа»¹⁴. Корреспонденция журнала London Life содержит изрядное количе-

ство посвященных бархату писем, многие — с садомазохистским уклоном. «Бархат представляет собой превосходно дисциплинирующий материал», — писал один из самостийных корреспондентов¹⁵. «Но не в этом истинное очарование бархата», — утверждал другой. И развивал свою мысль следующим образом:

Бархат — ультраженственная ткань: изысканную красоту его глянцевого ворса, его восхитительный перелив и шелковый блеск, а также чувственную глубину манящих оттенков лучше всего позволяют почувствовать вечерние туалеты... [представительниц] противоположного пола. Это объясняется большим количеством драпировки... и, следовательно, более волнующей игрой света и тени в складках.

Скорее странно... что этот божественный материал, по-видимому, не привлекает женщин психологически. Они носят его, следуя моде; также есть некий тип женщин, которые, понимая, сколь искусительно он действует на мужчин, используют его как свой основной капитал¹⁶.

Под этим письмом стояла подпись — Черный бархат.

Поскольку бархат имеет густой и нежный ворс, его легко ассоциировать с представлениями о чувственном наслаждении. Иногда мы говорим про выпивку, что она «бархатом проскочит в глотку»; на сленге любителей азартных игр слово «бархат» обозначает денежный выигрыш. А звучащая в культовом фильме «Синий бархат»^{*} одноименная песня (довольно популярная в прошлом) пробуждает в зрителе декадентские настроения.

Обаяние атласа

«Обаяние атласа — фетиш, причем один из самых бескомпромиссных в этом отношении», — заявил в 1911 году Космополит. «Странная и таинственная притягательность этого материала, с его приподнятым утком и совершенной поверхностью, перед которой не могут устоять даже самые зрелые и здравомыслящие мужчины, является воистину необъяснимой загадкой». Так в чем же его очарование — помимо очевидной «привлекательности для глаз»? «Может ли какая-нибудь дама... дать мне хотя бы намек? <...> [С]читаете ли вы, что он усиливает обаяние вашей утонченной женственности?» Этот «новоявленный фетиш», пожалуй, не относился к числу обычных: приверженность к «богату, дорогому, сияющему атласу», судя по всему, стояла особняком от таких более распространенных явлений, как поклонение «Тончайшей Талии, Высо-

^{*} «Blue Velvet» (в России название переводится как «Синий бархат» или «Голубой бархат») — фильм Дэвида Линча в жанре криминальный триллер, 1986 год. (Прим. пер.)

ким Каблукам и т.п.». Тем не менее Космополит получил некоторое количество писем, посвященных именно этому предмету. Человек, подписывавшийся именем Зачарованный, одевал свою супругу «в атлас и только в атлас — утром, днем и ночью. <...> „Если бы я увидел ее в чем-то другом, — писал он, — уверен, я б ее возненавидел!“»¹⁷.

В знаменитом романе Золя «Нана», повествующем о жизни парижской проститутки во времена Второй империи, подруга главной героини отзывается на прозвище Атлас. Поэт Стефан Малларме, некоторое время работавший модным обозревателем, за время своей недолгой карьеры на этом поприще подписал множество статей псевдонимом Мисс Атлас. Традиционно атлас изготавливают из натурального шелка, но не так давно для производства этой ткани стали использовать нейлон, полиэстер и другие искусственные волокна. Впрочем, каким бы ни было сырье, ткнут атлас всегда одинаково — таким образом, чтобы получить зеркально-гладкую сияющую поверхность и нежную, скользкую текстуру. Помимо атласа, существует множество других шелковых тканей, и все они обладают разными достоинствами. К примеру, тафта — гладкая материя с простым плетением — отличается особой «хрустящей» плотностью, шифон — прозрачностью и т.д. Однако любая шелковая ткань выглядит утонченно, соблазнительно и роскошно. Вероятно, поэтому в странах Запада еще в начале XIX столетия монополия на шелк закрепились за женским гардеробом.

Крафт-Эбинг описал несколько случаев фетишистской одержимости шелком: «22 сентября 1881 года V. задержали на парижских улицах в то время, когда он принялся ощупывать шелковое платье одной дамы, из-за чего был заподозрен в намерении совершить карманную кражу». На самом же деле он не мог устоять перед искушением «прикоснуться к надетым на женщинах шелковым одеждам, что всегда вызывало эякуляцию. <...> Лечь в постель, надев на себя шелковую ночную рубашку, было для него намного приятнее, чем провести время с прелестнейшей из женщин»¹⁸. Некоторые фетишисты вели себя куда более агрессивно. «В июле 1891 года Альфред Бахман — возраст двадцать пять лет, слесарь — предстал перед судьей N. в Берлине» в связи с тем, что он набрасывался с ножом на надетые на женщинах шелковые платья. «Обвиняемый избрал странный способ самозащиты. Якобы непреодолимый порыв вынуждал его подходить к дамам, одетым в шелковые платья. *Прикосновение к шелковой материи давало ему ощущение радости и наслаждения*». Несмотря на то что Бахман «и прежде много раз подвергался наказаниям» и признался, что питает «сильнейшую ненависть ко всему женскому полу», его приговорили всего к шести месяцам заключения¹⁹.

В работе Гаэтана Клерамбо «Эротическая страсть к текстилю у женщин» (*Passion érotique des étoffes chez la femme*) описаны три женщины, которые имели «болезненную привязанность, главным образом сексуального характе-

ра, к некоторым тканям, в особенности к шелку, и в силу этого пристрастия еще и некоторые клеptomанские поповзновения»²⁰. В недавно опубликованном эссе «Женские переодевания, мужские патологии (Masquerading Women, Pathologized Men) Дженн Мэтлок ставит под сомнение уверенность Клерамбо в том, что фетишистами могут быть только мужчины, и высказывает предположение, что его пациентки могли быть не просто истеричками и клеptomанками, но настоящими фетишистками, которые воровали ткани, чтобы использовать их в качестве стимула во время мастурбации²¹. Проблему еще больше запутывает тот факт, что и сам Клерамбо, по-видимому, был жертвой навязчивой страсти к некоторым тканям.

С наступлением XX века одержимость атласом и шелком стала постепенно угасать, хотя один музыкант, трубач, написал в *Biz-zarre Club* лишь для того, чтобы поведать, что атлас и тафта — его любимые материалы. К этому он добавил, что «всегда становился рабом», когда видел их на женщинах²². Порнографическая макулатура — всякие «Наказания в шелках» (рассказ о грабителе, которого взяла в плен «прекрасная белокурая мегера» и заставила переодеться в женское платье) и «Госпожа в атласе» — также делает акцент на властной женственности²³. В истории из жизни трансвеститов *Undercover News* противопоставляются некоторые фетиш-материалы. Играющая доминирующую роль Садия описана одетой в «стального оттенка костюм из блестящей кожи», тогда как занимающий подчиненное положение трансвестит носит «корсетный пояс из белого атласа», «платье-футляр из эластичной резины сиреневого цвета» и юбку из тафты — то есть все самое «экзотичное и ультра[женственное], что есть в женском гардеробе»²⁴.

Почитатели резины

Резина — гладкий, водонепроницаемый, эластичный материал, который получают путем химической переработки сока каучукового дерева. (Также существуют синтетические аналоги.) Самый банальный пример практического использования резины — это плащи и головные уборы для дождливой погоды. Впрочем, водонепроницаемость резины широко востребована, и можно назвать еще массу резиновых и прорезиненных предметов одежды и домашнего обихода: хозяйственные перчатки, прорезиненные трусы и подкладные клеенки, шланги и т.д. Естественно, резиновые фетиши не могли появиться раньше, чем были изобретены технологии, позволяющие производить из резины предметы одежды (еще одно достижение XIX столетия). Рекламное объявление в одной лондонской газете за 1870 год призывает покупать «мужские ночные рубашки в комплекте с ночным колпаком у [фирмы] *Macintosh Cloth*». Такой костюм для сна якобы «стимулирует свободное и здоровое потоотделе-

ние... и излечивает ревматизм»²⁵. Детские прорезиненные штанишки, впервые появившиеся в продаже еще до Первой мировой войны, также были представлены потенциальным покупателям как предмет, необходимый «для поддержания здоровья». В 1920-е годы самые разные предметы одежды, изготовленные с применением резины, были широко доступны в Германии, Великобритании и Соединенных Штатах.

Однако единственным по-настоящему популярным резиновым фетишем стал макинтош — прорезиненный плащ-дождевик. Основанное в Англии Macintosh Society — одно из старейших известных миру общественных объединений фетишистов. Письма, свидетельствующие об одержимости макинтошем, публиковались в журнале London Life еще в 1926 году и продолжали приходить в течение многих лет. Некая Шелковый макинтош писала: «Мы с моим муженьком ждем не дождемся... [новых] писем от поклонников макинтоша... и прелестных описаний божественных ансамблей с макинтошем». Ее супругу больше всего нравилось прислушиваться к «чарующему шелестящему посвисту резины»: «Я видела, какое удовольствие ему доставляло каждое сделанное мною движение, так что вы можете себе представить, до чего ж я счастлива, коль могу принести ему столько радости с такой легкостью». Они заводили граммофон и танцевали под музыку и шелест своих макинтошей, предвкушая продолжение «очаровательного вечера в компании макинтоша»²⁶.

Столь же волнующими впечатлениями делился Резиновый любовник, который переживал их вместе со своей подругой²⁷. Многие корреспонденты писали от имени гетеросексуальной [супружеской] пары. И хотя мы не должны верить на слово всем авторам подобных писем (скорее наоборот), свидетельства «извне» подтверждают подлинность этой благостной картины, где герой и героиня совместно владеют общим гардеробным фетишем. Тем не менее некоторые читатели были настроены скептически. К их числу относится некий Хромированный паренек:

Я из новых читателей вашей газетенки, и я думаю, все это очень забавно; в том смысле, что мне казалось, только мы, американцы, бросаемся на вещички вроде этой. Я думаю, те, кто помешан на макинтошах, ужасно смешные, потому что или они забавляются тем, что от души «пудрят нам мозги», или мы не догоняем, в чем соль этих острых ощущений. Мы тут парочкой попробовали «помакинтошиться», но холодная, скользкая, прорезиненная изнанка макинтоша лично меня заставила дрожать не от экстаза, а от холода²⁸.

На это человек, подписавшийся МакАмур (Макинтош — моя любовь), язвительно ответил, что «для такой бесчувственной персоны... как „Chromium”

абсурдно даже пытаться превратить контакт с материалом, из которого сделан макинтош, в новое „помешательство” хотя бы потому, что это удовольствие — как роскошь — доступно лишь избранным». Любопытно, что при этом Мак-Амур сожалел о том, что в магазинах готовой одежды невозможно приобрести что-то особенное из серии «макинтош». «Будучи самым обычным человеком, я не могу обладать теми вещами, которые меня особенно привлекают; и я тщетно искал кого-нибудь понимающего — того, кто мог бы изготовить их для меня. И вдобавок к этому мне еще не встретилась партнерша, которая разделила бы со мной мою страсть к макинтошу»²⁹. Однако в те времена существовали небольшие кустарные производства, которые уже начали производить резиновые рубашки, корсеты и другие «предметы одежды, упруго облегающие фигуру»³⁰.

В чем заключалась «тайна макинтоша»? «Я... чувствую себя таким защищенным, когда меня плотно обвивают его пахучие резиновые складки», — признавался один человек. «А когда все прочие звуки тонули в [его] чарующем шелесте, я был словно в раю»³¹. Когда разразилась Вторая мировая война и возникла угроза воздушных налетов, некоторые приверженцы высказывали в своих письмах предположение, что костюм из резины поможет пережить «газовую атаку». Некто Масляная кожа приложил к письму фотографию своей жены, одетой в резиновую куртку, брюки, капюшон, перчатки и маску-«противогаз» и обутой в туфли на высоком каблуке³². Винтажные маски-«противогазы» времен Второй мировой войны до сих пор продаются в некоторых магазинах одежды для фетишистов. (Впрочем, в лондонском фетиш-магазине Skin Two я случайно подслушала, как двое молодых людей, по виду — студенты колледжа искусств, презрительно насмеялись над «этими старичками в макинтошах».)

Меж тем в Северной Америке в 1950-е годы Biz-zarre Club продолжал получать письма от «почитателей резины». Автор одного из них даже заговорил стихами: *Compelled by moods he can't explain, / yet bound by senseless fear, / he longs to wander in the rain, / encased in rubber gear**. Описав себя как «„мальчугана” 28 лет... [п]орой „гадкого мальчика”», но в сущности «нежного, добродушного парня», он признался, что ищет «строгую, но обходительную девчонку, чтобы „нянчила” его и „учила уму разуму», но при этом была своей в доску» (это свое пожелание он также выразил в стихах)³³. В одном клиническом исследовании, посвященном фетишистской одержимости макинтошем, процитировано другое высказывание этого человека: «Разница между макинтошем и женщиной в том, что „мак” не имеет надо мной власти и не может дать сдачи. Будучи неодушевленным, он не может изменить своей привязанности»³⁴.

* Его увлек порыв необъяснимый, / хоть связан был бездумным страхом он, / и, облачась в доспехи из резины, / бродить отправился под проливным дождем. (Пер. Е. Демидовой.)

Автор книги «Экстравагантная толпа» (The Kinki Crowd) предположил, что фетишисты, поклоняющиеся резине, имели склонность либо к «инфантилизму», либо к «мазохизму»³⁵. По его утверждению, мазохисты таким образом откликались на болезненные, но возбуждающие их детские воспоминания, связанные с медицинскими процедурами, в то время как у инфантильных обожателей резины в раннем детстве произошла фиксация на почве контакта с такими предметами, как резиновые штанишки, подкладная клеенка и резиновый «сосок» на бутылочке с молочной смесью. В частности, прорезиненная клеенка может вызывать унижительные воспоминания у того, кто когда-либо страдал энурезом. Однако подобные идеи никогда не пользовались популярностью у поклоняющихся резине фетишистов. Редактор журнала Rubber News так высказался по этому поводу: «Не имеет значения, какова в этом доля правды... не имеет значения, насколько это важно, по вашему разумению, — мы не опубликуем ни одного письма, в котором причиной любви к резине будет назван младенческий энурез!»³⁶

У некоторых обожателей резины возникали проблемы, связанные с тем, что им подчас трудно было найти того, кто разделит бы с ними их приверженность. Некий Мистер П. из Лондона написал в Rubber News, чтобы поведать о том, что его подруга Дорис была счастлива натянуть на себя «пыточный костюм» из латекса и резины и спокойно смирилась с тем, что он засунул ей кляп и «связал ее замысловатым образом при помощи белого нейлонового шнура, который прелестно смотрелся на черном». Зато другой М-р П. — из Белфаста — сообщил, что, хотя его супруга сама изъявила желание носить блестящий синий дождевик из ПВХ, он все же не может решиться рассказать ей о купленных им «кожаном капюшоне и круглом кляпе», которыми сам он «пользуется украдкой». Кроме того, он никак не мог подобрать подходящие слова, чтобы попросить ее надеть корсет: «Можно ли что-то с этим поделать — как бы так получше подчеркнуть ее фигуру, чтобы мне получить удовольствие? Какие радости сулит надежда, если только она пойдет мне навстречу. Смее ли я мечтать о том, что моя Н. когда-то будет вся закутана в резину — почти неподвижная, покорная, обессиленная?» Редактор Rubber News послал ему брошюру «Резиновое безумие: руководство для жен» (A Wife's Guide to the Rubber Craze) — «бесценное подспорье для поклонников резины, столкнувшихся с проблемами у себя дома». А вот Миссис П. из Сомерсета утверждала: «...если б только жены знали, какую власть они могут обрести над своими мужьями, одевшись в резину, многие из них, вероятно, сделали бы это; в конце концов, какая разница — носить трусы из резины или из шелка, главное, чтоб вам это доставляло удовольствие». Ее супруг мог «любоваться другими девушками в макинтошах... но [у них с женой] был обоюдный секрет, который [они] делили на двоих, и ничто не могло этого затмить»³⁷.

Многим обожателям резины нравилось быть с головы до ног «упакованными» в их драгоценный фетиш-материал. Действительно, многие описанные случаи позволяют говорить о *фетише ограничения*, и это роднит фетишистскую одержимость резиной с корсетным фетишизмом. Резина, как и все остальные фетиши, имеет многочисленные истоки привлекательности. «В ней прекрасно себя чувствуешь, что немаловажно для человека, живущего в небезопасном мире». Одежда из резины «добра к тебе, [она] ласкает твою кожу, успокаивает и умиротворяет». Но, «надетая на голое тело», резина, помимо прочего, «приятно возбуждает»³⁸.

Всем известно, что на сленге слово «резинка» обозначает презерватив. В связи с этим родилось предположение, что «резиновое облачение [фетишистов] символически олицетворяет презерватив. Это может до невозможности будоражить мужчину, который подвергся психической кастрации»³⁹.

Примерно с 1970 года производители стали постепенно отказываться от резины в пользу пластика, что отнюдь не положило конец «резиновому» фетишизму — вместо этого произошло расширение «ассортимента» фетиш-материалов, которые можно отнести к данной категории. Теперь, говоря о «резиновом» фетишизме, мы подразумеваем фетишистскую одержимость резиной, пластиком, ПВХ и латексом. Изобретение ПВХ стало особо значимой вехой, поскольку этот материал позволяет достичь глянцевого или «мокрого» блеска (англ. *wet look*), что открыло новые перспективы перед обожателями плащей-дождевиков и внесло свежую струю в эту испытанную временем приверженность. Еще в 1960-е годы дизайнер Мэри Квант создавала свои глянцевые/«мокрые» коллекции. Резина вновь вошла в моду в 1980-е годы, чему способствовало возникновение школы высокотехнологичного дизайна. Оказалось, что достаточно сделать всего один шаг, чтобы перейти от массового производства банальных резиновых ковриков к изготовлению аксессуаров и ювелирных украшений из резины.

Но каким бы «индустриальным» ни был вид резиновых предметов одежды, они всякий раз неизбежно наводят на мысли о фетишизме. В последние годы изготовленные из резины и пластика гардеробные фетиши разделены на две основные категории: 1) стереотипно женственные наряды и инфантильные «костюмчики», 2) вещи, сидящие и воспринимающиеся как вторая кожа. Первая категория практически не имеет ничего общего с современной модой. Украшенные оборками белые резиновые фартучки для «милашек-горничных» и пластиковые штанишки для «взрослых младенцев мужского пола» (как правило, розовые, голубые, желтые или прозрачные) пользуются весьма ограниченным спросом⁴⁰. Однако другие образчики прорезиненной одежды (в первую очередь, черного и красного цвета) оказывают определенное воздействие на моду. И хотя среди «обычных» людей вряд ли найдется много желающих

буквально последовать примеру фетишистов, готовых запечатать свое тело в до предела тесный резиновый «футляр», сама идея облегающего силуэта, создающего иллюзию «второй кожи», действительно пришлась по душе широкой потребительской аудитории, особенно после того, как ведущие модные направления (модный мейнстрим) стали в большей степени телесно-осознанными.

Появление одежды из латекса размыло «линию, разделявшую фетиш и моду» — так полагал сотрудничавший с Робертом Столлером информант из числа садомазохистов Рон. «Мы с Беки лишь недавно начали экспериментировать [с предметами из латекса]... потому что это не наш изначальный подлинный фетиш. <...> Большой частью это мода... [и] это выглядит сексуально». Кое-что у фетишей позаимствовали спортивные купальники и комбинезоны для плавания; а затем экспериментировать с «мокрым» винилом и латексом принялась клубная публика.

Однако особого внимания заслуживают ощущения и переживания, возникающие, когда тело погружается в одежду из латекса: это «превращает все ваше тело в покрытую лубрикантом эрогенную зону»⁴¹. Подобные физические аспекты притягательны для людей, являющихся приверженцами «в первую очередь резиновых фетишей»: в этом есть «такая закрытость» и «невероятный жар», «эти вещи очень неудобные». «Я восхищаюсь фетишистами-поклонниками резины за... их смелость настолько не прятать в себе нечто глубоко уходящее корнями в их детство», — сказал Рон. «Думаю, латексный фетишизм во многом [связан] с ограничением и сдерживанием. Латекс взаимодействует с их отчужденностью, враждебностью по отношению к неконтролируемым телесным функциям. <...> Слишком странно, даже для меня». Если латекс «интроверсивен» и «аутоэротичен», то кожа (фетиш Рона) в большей степени «символична»: она как «обращенный к обществу манифест», носить кожу — все равно что «быть в татуировках или пирсинге». Но несмотря на это, латекс и кожа в чем-то сродни друг другу: «...то, что делает привлекательным латекс, присуще коже еще в большей степени — это ее непроницаемость, это ощущение, что на тебе нет ничего, кроме собственной кожи, хотя это не так. <...> Облегающие кожаные вещи образуют границу. Но облегающий латекс — будто распыленная по телу краска»⁴².

Резиновые и латексные фетиши часто сосуществуют. Согласно одной истории болезни, записанной в 1914 году, один швейцарский фетишист приходил в возбуждение, всего лишь разглядывая витрины магазинов, торгующих различными резиновыми изделиями; чтобы испытать наслаждение, он привязывал к пенису и мошонке технические резиновые прокладки, вводил в задний проход куски резинового шланга или натягивал на пенис презерватив. Кроме того, ему нравились «кожаные фартуки, кожаный корсет (который он изготовил своими руками)... кожаный головной убор и маска... черные кожаные

перчатки» и т.д. Его любимейшим фетиш-объектом была перчатка. Он говорил, что «резина оказывает на него большей частью тактильное, а кожа большей частью оптическое воздействие»⁴³.

Кожа и секс

Кожу производят из шкур животных: с них удаляют щетину, а затем подвергают выделке. Долгое время кожу использовали для изготовления необходимых в хозяйстве предметов — упряжи, седел, хлыстов, а также различных предметов гардероба — обуви, поясов, курток, кузнечных фартуков, доспехов, перчаток и сумок. Кожаная одежда появилась еще до наступления неолита, но лишь в XIX веке н.э. кожа стала фетиш-материалом. Причем в большинстве ранних источников фетишистское поклонение коже рассматривается как подвид обувного фетишизма. Первых фетишистов особенно привлекали запах кожи и сияние ее поверхности, поэтому в их среде особо ценилась лакированная кожа. Однако в XX столетии все большее значение стали придавать тем символическим ассоциациям, что порождает кожа.

Обратившись к истории проникновения кожи в модный мейнстрим, мы, по-видимому, не сможем обойти стороной немецкий след. «Если нас... интересует происхождение кожаной куртки в XX столетии, вполне достаточно бросить взгляд на немецких авиаторов времен Первой мировой войны», — пишет Мик Фаррен⁴⁴. Впрочем, после дежурного описания летной куртки Красного барона Фаррен переходит к более значимой в смысловом отношении ассоциации с нацистской униформой. В его историческом очерке о черной кожаной куртке неоднократно упоминаются гестапо и СС, а в качестве иллюстраций приводятся фотографии Гитлера, Роммеля, Геринга и боевых пилотов Люфтваффе, одетых в черную кожу.

Мистическое обаяние мотоцикла также тесно связано с кожей и сексом (в дальнейшем мы более подробно рассмотрим эту взаимосвязь). В чисто функциональном плане мотоциклисты одеваются в кожу, полагаясь на ее прочность и защитные свойства. Если мотоцикл опрокинется или разобьется, кожаные «доспехи» обещают хотя бы отчасти смягчить удар. Но уже к 1950-м годам кожаная одежда мотоциклистов прочно ассоциировалась с бандами на мотоциклах — такими, как в фильме с участием Марлона Брандо «Дикарь» (*The Wild One*, 1951).

Кроме того, кожа долгое время ассоциировалась с садомазохистским сексом. В 1920-е и 1930-е годы персонажами многих порнографических фотографий были люди, одетые в черную кожу и предающиеся утехам в садомазохистском духе. Не все садомазохисты питают слабость к кожаной одежде (так же как далеко не все одержимые кожей фетишисты имеют отношение к садомазохизму), но эти явления то и дело пересекаются.

Несмотря на то что многие поклоняющиеся коже фетишисты являются гетеросексуалами, существует особая субкультура «людей в коже», имеющая вес в контексте гей-культуры. Книга «Карманный справочник человека в коже» (*The Leatherman's Handbook*) содержит массу информации, касающейся символического значения одежды из кожи. Особенно интересны результаты проведенного Ларри Таунсендом опроса — даже при том что он, к сожалению, не предоставил никаких сведений не только о своей методологии, но и о количестве респондентов. Ясно лишь то, что участвовавших в исследовании людей просили сказать «да» или «нет» в ответ на утверждение «мне нравится кожа» применительно к целому ряду предметов одежды и аксессуаров, таких как «куртки; джинсы; головные уборы; ремни [далее перечислены различные виды ремней] — широкие, с заклепками, поясные (англ. kidney belt)*, „Сэм Браун“; перчатки; чапайос; шорты; фартуки; простыни; плетки; маски; кляпы; „другое“; [далее] ботинки/сапоги — короткие, высокие, очень высокие, тупоносые, начищенные до блеска, смазанные жиром, чистые, грязные, новые, старые, „инженерные“, мотоциклетные, ковбойские, полицейские, монтерские, ботинки лесоруба, жокейские, строительные, на шнурках, со шпорами, „другие“»⁴⁵.

Многие другие источники также указывают на то, что одежда и аксессуары из кожи неизменно пользуются популярностью уже на протяжении нескольких десятилетий, в особенности те, что имеют отношение к военной, мотоциклетной или ковбойской атрибутике — вещи наподобие перекрещивающегося на груди ремня Sam Browne, шляпы Master и массивных, тяжелых сапог. В нью-йоркском гей-клубе садомазохистской направленности Mineshaft существовал строго установленный дресс-код, запрещавший даже его постоянным членам входить в клубную зону в деловых костюмах, галстуках, обычных брюках (включая чинос и дизайнерские джинсы), спортивных рубашках, «диско-прикиде», классических ботинках и кроссовках. Если завсегдатай являлся не в коже, он мог оставить запрещенные предметы одежды в камере хранения и пройти в клуб полуобнаженным. Кожаная нательная сбруя «прекрасно подойдет тому, кто любит пошляться по барам» — так утверждал каталог «Кожа и прочие штуки» (*Leather and Things*), в котором помимо этого аксессуара рекламировались чапайос (с боковой шнуровкой), кожаные «пояса верности» (со шнуровкой в районе пениса) и капюшоны «а ля палач» (аналогичные изделия, предназначенные для предпочитающих играть роль жертвы мазохистов, были лишены прорезей для глаз, носа и рта). Там же были представлены строгие ошейники, усеянные

* В буквальном переводе — «почечный ремень». Широкий (до 30 см) ремень или пояс, надевающийся на нижнюю часть корпуса с целью защитить в первую очередь поясницу (область почек) от повреждений в результате физических перегрузок, травм или переохлаждения. В США «почечные ремни» были популярны среди мотоциклистов. (*Прим. пер.*)

заклепками кожаные браслеты и отороченные мехом кожаные повязки для глаз⁴⁶. А у Marquis de Suede* (мастера, занимавшегося изготовлением изделий из кожи по индивидуальному заказу) в ассортименте предлагаемых клиентам изделий были не только кожаные маски, но даже смирительные рубашки.

«Ты и впрямь весь упакован в кожу, не так ли?» — спрашивает главный герой новеллы из жизни геев-садомазохистов «Грубая кожа» (Hard Leather).

«Ты знаешь, какого рода секс мне нравится, так ведь?» — «Думаю, да. Очевидно, по-настоящему жесткий. Судя по тому, как ты одет»⁴⁷.

Собранная в Корнельском университете Коллекция популярной литературы для мужчин-гомосексуалистов (The Gay Men's Popular Fiction collection) включает множество опусов, сюжеты которых так или иначе связаны с «кожаной темой»; большая их часть относится к 1970-м и началу 1980-х годов, и всего несколько написано в 1960-е годы. Вот названия некоторых из них: «Кожа и секс» (Leather and Sex), «Грубая кожа» (Hard Leather), «Кожаный проходимец» (Leather Hustler), «Кожаный садист» (Leather Sadist), «Кожаная похоть» (Leather Lust), «Вторжение в кожу» (Breaking into Leather), «В коже и с плетью» (Leather Whipper), «Бродяга в коже» (Leather Drifter), «В кожу заточенный и кожей побитый» (Leather Bound and Beaten), «Лобзающий кожу» (Leather Licker), «Кожаные рабы» (Leather Slaves), «Вожделение к коже» (Lust for Leather), «Кожаный парень» (Leather Boy), «Запертый в кожаном аду» (Hellbound in Leather), «Кожесос» (Leather Sucker), «Английская кожа» (English Leather), «Кожаная граница» (Leather Bound), «Раб кожи» (Slave to Leather), «Кожаный чулан» (Leather Closet), «Поцелуй кожи» (Kiss of Leather), «Беги, кожаный паренек» (Run Little Leatherboy), «Кожаные королевы» (The Leather Queens), «Погружение в кожу» (Into Leather), «Любовник кожи» (Leather Lover).

Таунсенд писал: «Здоровенный мужик... Здоровенный мужик в коже... Ты еще должен заслужить право носить ее... сможешь ли ты получить то, что тебе нравится отдавать?»⁴⁸ Однако, по мнению Майкла Грумли, автора работы «Крепкие тела» (Hard Corps), «[с]уществует поверхностная кожа и глубокая кожа, кожа настоящая и кожа покрытая лаком. <...> Кожа используется одновременно и в качестве средства сексуальной (само)презентации, и как часть садомазохистского ритуала». Над некоторыми мазохистами «самую большую власть могла бы иметь кожа, выдубленная из их собственной шкуры, содранной с плоти их собственного тела»⁴⁹. Однако несмотря на то что кожа обладает несомненным «статусом», в действительности ношение кожаных одежд далеко не всегда указывает на определенное положение человека в садомазохистской иерархии.

* Маркиз де Свейд, Маркиз де Замша.

И более того — хотя кожа выполняет функцию интернациональной эмблемы садомазохизма, это не помешало ей стать еще и визуальным маркером гомосексуальности. В статье, написанной для Village Voice, Вито Руссо пошутил по поводу того, как «кожаная „амуниция” стала синонимом гомосексуальности». Кожа сочетает в себе «дикость» и «цивилизованность», поэтому она одинаково к лицу «[и] варварам, [и] домохозяйкам, [и] гомосексуалистам». Руссо даже припомнил старую пошлую шуточку:

Вопрос: Почему банды на мотоциклах одеты в кожу?

Ответ: Потому что шифон намного легче носить.

Кожа одновременно являлась «символом контркультуры и олицетворением статуса»⁵⁰.

«Польстившись на прелести кожи, гомосексуальность лишила ее прелести», — заметил романист Джон Престон. Это было радикально, потому что здесь присутствовала конфронтация. Однако из каких-то соображений, как и многие другие мужчины, которые были «реально причастны садо-мазо», Престон «перестал носить диктаторскую кожу». «Если вы действительно хотите грубого секса, лучше сделать ставку на одежду *противопоставляющую* себя моде»⁵¹. В представлении лесбиянок кожа также соотносится с садомазохизмом и однополым сексом. Выражение «leather dyke» сегодня на слуху не меньше, чем «lipstick lesbian»*. Но лесбиянки не просто копируют имидж «человека в коже». Они комбинируют его с элементами, заимствованными из уличной панковской моды, создавая новый «могущественный» стиль.

«Становясь модной, кожа теряет свою остроту», — сетовал Грумли⁵². Но именно эта «острота» сделала кожу модной. «Экстравагантная» одежда из кожи ворвалась на модные подиумы в 1960-е годы, а Ив Сен-Лоран стал первым из ведущих модельеров, кто решился востребовать ее модный потенциал. Кожа была на пике моды в 1970-е годы, когда толерантность по отношению к гомосексуальности и садомазохизму (этим «последним табу») стала приобретать все более широкое распространение. Один за другим снимались порнографические фильмы под такими названиями, как «Анжелика в черной коже» (Angelique in Black Leather) (для гетеросексуалов) и «Ночи в черной

* Leather dyke — в дословном переводе с английского — «кожаная дамба», или «активная лесбиянка в коже»; словосочетание используется для обозначения женщины, играющей в лесбийской паре роль «сильной половины». Lipstick lesbian — в буквальном переводе — «лесбиянка в губной помаде» или «помадная лесбиянка»; чаще всего этим словосочетанием обозначают женщин, которые при выраженной склонности к однополым сексуальным отношениям придерживаются подчеркнуто феминного стиля в одежде, макияже и т.п. (Прим. пер.)

коже» (*Nights in Black Leather*) (для гомосексуалистов), а также фильмы наподобие «Госпожа» (*La Maitresse*), гвоздем программы в котором стали кожаные и резиновые костюмы доминантрикс, созданные самим Карлом Лагерфельдом.

Уличный стиль панк и высокая мода одинаково делали акцент на коже. Женеви́ев Рейнольдс призналась, что впервые ощутила себя «кожаной фетишисткой», когда побывала в магазине, торгующем вещами в стиле панк, в Лос-Анджелесе: «Я буду вечно благодарна панковской моде, за то что она сделала легкодоступными множество кожаных вещей и аксессуаров для нас, извращенцев!»⁵³ К началу 1980-х годов кожа настолько прочно прижилась в моде, что стала восприниматься как нечто обыденное.

«Кожаная одежда привычно ассоциировалась с хулиганами на мотоциклах, палачами из гестапо и садомазохистской тусовкой». Но теперь «это желанная для всех „материя“... деним 80-х... но [деним] класса люкс!» Кожа многофункциональна, подходит для дня и для вечера и к тому же не мнется. Однако истинные причины ее привлекательности в гораздо большей степени связаны с ее символизмом. Кожа обладает «гонором» и «прямотой» денима. «Женщины прекрасно чувствуют себя в коже», — сказал Армани корреспонденту *Newsweek*. «Это настолько роскошный материал... [что] женщины готовы потратить на кожу целое состояние», — заявила Донна Каран. «Это чувственность в последней инстанции! А дивная текстура прекрасно оттеняет шелк, шифон и твид»⁵⁴. Вскоре черная кожаная куртка пережила реинкарнацию и возродилась в облике светло-бежевого замшевого блузона.

По мнению британского модного обозревателя Колина Макдауэлла, приятельность кожи рождается в тот момент, «когда пенис не стоит, [потому что в это время] он имеет розовый цвет и трогательно-жалкий вид». Кожа предлагает нам внушающие уверенность символы зрелой мужской сексуальности. Кожаная куртка не только «маскирует» физические «несоответствия» и дает ощущение «возросшей сексуальной осознанности», но также исполняет роль символа напористой, неопрятной и даже brutальной мужественности — и необузданной мощи⁵⁵.

И сегодня кожа остается широко востребованным фетиш-материалом; она стала интернациональным «отличительным знаком» сторонников «радикального секса», что нашло свое отражение в языке и воплотилось в слове *leathersex* («кожаный секс»). Привлекательность кожи сверхдетерминированна: в число ассоциирующихся с ней чувственных характеристик входят приятное ощущение жесткости, неповторимый запах и скрипящий звук. Символически кожа эквивалентна боли, власти, «животным и хищническим порывам» и мужественности.

Однако традиционный фетиш-костюм постепенно претерпевает стилистические изменения. Как в свое время сказала идеолог радикального секса

Пэт Калифа, «совершенный фетиш-материал должен сочетать в себе защитные свойства кожи (ее эффект доспехов), присущую резине способность подстраиваться под форму тела и повышенную чувственную осознанность»⁵⁶.

Татуаж и пирсинг

Фетишистская привлекательность «второй кожи» распространяется и на попытки декорировать само человеческое тело. Такие техники, как татуаж и пирсинг, обладают исторической значимостью в широком контексте мировой культуры начиная с древнейших времен и далеко не всегда имеют какое-либо отношение к фетишизму и эротике. Во многих традиционных культурах на них возложена роль ритуальных знаков и/или социальных маркеров. Приемы фетишистской телесной модификации весьма разнообразны, в силу того что ее цель всегда сугубо индивидуальна и продиктована глубоко личными соображениями; часто она имеет непосредственное отношение к эротическому наслаждению и боли.

Сегодня татуировки и пирсинг стали куда более стильными, нежели прежде; даже труженицам модельного бизнеса теперь позволительно украшать свое тело деликатным, не бросающимся в глаза пирсингом, а представители современной богемы открыто щеголяют проколотыми губами, щеками, сосками, языками, а иногда и гениталиями. Хотя всего двадцать лет назад* проколотые соски Роберта Мэпплторпа вызывали у окружающих неподдельный шок. В связи с этим любопытно проследить, каким образом фетишистские приемы телесной модификации начали просачиваться в цивилизованное западное общество на заре XX века. Уже в 1880-е годы в отдельных письмах, присланных на адрес журнала *Family Doctor*, упоминались «мальчики, которым в зарубежной частной школе прокалывали уши, носы и грудь и вставляли туда кольца»⁵⁷. В 1899 году на редакцию издания *Society* обрушился настоящий шквал писем, посвященных «последнему новомодному помешательству», охватившему и мужчин и женщин, — делать проколы в области груди⁵⁸. В 1930-е годы в *London Life* всесторонне обсуждались «прелести пирсинга». Некая Любимица своей тетушки писала:

Мой юный партнер хотел, чтобы я ради его удовольствия проколола мои ноздри и щеки, и когда он преподнес мне очаровательную пару белых лайковых ботинок с 8-дюймовыми каблуками и идущей позади шнуровкой, я решила сделать то, о чем он просил. <...> Ощущения были потрясающие. <...> Просто удивительно, какое удовольствие можно получить

* Книга написана в 1996 году.

от того, что у тебя проколоты уши, щеки и нос и ты носишь в них кольца и подвески⁵⁹.

В 1970-е годы среди приверженцев бытовало мнение, что «с наступлением Эры Водолея естественная склонность мужчины к украшательству расцветет пышным цветом. Татуаж и пирсинг будут пользоваться большой популярностью. <...> Поскольку мы, „цивилизованные“ люди, не имеем... права на свободное передвижение... многие обнаруживают в своей жизни пустоту, которую зачастую можно заполнить переживаниями, возникающими благодаря пирсингу»⁶⁰. Чарльз Гейтвуд — фотограф, выпустивший книгу «Примитивы» (Primitives), которая представляет собой документальную хронику субкультуры телесной модификации за минувшие двадцать пять лет, утверждает, что «боди-арт имеет отношение к стремлению держать под контролем свою жизнь и свое тело... преображающееся, чтобы облегчить перемены, происходящие в процессе личного роста». И если в 1970-е годы это был отчасти всего лишь гедонистический эскапизм, то теперь, как говорит Гейтвуд, пирсинг связан с «массовым образом мысли в духе нью-эйдж»⁶¹.

Пирсинг явился в современную культуру из субкультур гомосексуализма, садомазохизма и фетишизма. Татуированные и испещренные пирсингом «кожаные парни и девчонки» из лос-анджелесского клуба Fuck! говорили зашедшему туда журналисту: «Это вызов, брошенный в лицо всем этим людям. Так я заявляю: „Да, я фрик. Я извращенец. Я не такой, как вы“». Отчасти это было рассчитано на «шокирующий эффект», что напрямую соотносится со «всеми этими панковскими штучками»⁶².

В 1990-е годы боди-пирсинг влился в модный мейнстрим. «Мода или Фетиш?» — вопрошал автор статьи, опубликованной в New York Times и повествующей о том, как топ-модели Наоми Кэмпбелл и Кристи Тарлингтон прокалывали себе пупок. Жан-Поль Готье специально пригласил татуированных и украшенных пирсингом моделей для демонстрации коллекции, важную часть которой составляли простого покроя футболки с рисунком, имитирующим татуировки, и ювелирные украшения, предназначенные как для пирсинга, так и для создания эффекта пирсинга. Сам Готье говорил: «Это имеет отношение не только к каким-то примитивным вещам, но также к декоративности. Мне нравится идея превратить тело в произведение искусства... в этом есть влияние панков, но вместе с тем и нечто религиозное»⁶³.

Мы все чаще слышим: «Представления о красоте радикальным образом изменились». Бритые головы, татуировки, проколотые пупки и даже украшенные пирсингом языки и гениталии — все это стало для нас почти привычным⁶⁴. Шокирующий эффект подобных экспериментов над телом пошел на убыль, что, впрочем, случается практически с каждым модным «трендом». Возможно,

татуировки и пирсинг уже начинают казаться нам вчерашним днем: «Встретив на улице человека с кольцом в носу, мы больше не испытываем желания еще раз на него оглянуться». И пока одни ложатся под лазерный «нож», чтобы вытравить со своего тела татуировки, другие испытывают на себе все новые способы телесной модификации — например, клеймение, по сути ничем не отличающееся от того, которому «подвергают скот»⁶⁵. Недавно в Нью-Йорке была признана противозаконной и отменена публичная выставка клеймения; возможно, это связано с тем, что данная техника телесной модификации используется как часть обряда посвящения в некоторых неформальных афроамериканских группировках.

Ходят слухи, что в Европе даже зародилась мода на микроампутацию. Однако самым распространенным и обыденным способом преобразования естественного кожного покрова по-прежнему остается макияж, а самым востребованным средством декоративной косметики — губная помада. Таким образом, сам собой напрашивается вывод, что косметика является одним из самых популярных сексуальных фетишей.

Мода, фетиш, фантазия

Одежда, которую мы выбираем, как и вся наша сознательная жизнь в целом, большей частью находится под строгим контролем того, что психоаналитики называют принципом реальности (то есть мы не всегда можем получить то, чего желаем). Следовательно, на протяжении всей жизни любому из нас неизбежно приходится разрываться между принципом удовольствия и принципом реальности. Однако в фантазиях мы свободны от испытания мерилom реальности и можем от всей души предаваться наслаждению¹. Кроме того, в определенных моменты социальной жизни одежда функционирует как своего рода маскарадный костюм, деспотично подавляя и скрывая истинную личность человека под личиной его мнимого «я».

У некоторых фетишистов гардеробная фиксация распространяется за пределы отдельных фетиш-объектов — они составляют для себя целые ансамбли, в которые могут быть включены самые разные гардеробные фетиши: корсет, надевающийся поверх узкого кожаного комбинезона (кэтсьюта), ботфорты на высоком каблуке, длинные перчатки и так далее и тому подобное. Для посвященных подобный костюм — это скорее красноречивый манифест, несущий в себе точную информацию о том, в какого рода сексуальные отношения хочет вступить и/или уже вступил данный индивид, а также о «драматургии» ожидаемого сексуального контакта и театрализованном антураже, в который он вписывается. Даже в тех случаях, когда вся сексуальная активность ограничивается мастурбацией, фетишист имеет возможность призвать в помощь фантазии зеркало.

Таким образом, костюм — это часть сложной эротической драмы. Участники подобных ритуализованных сексуальных коллизий, как правило, рядятся в костюмы, заимствованные у своеобразного сексуального «театра масок», в котором амплуа актеров чаще всего ограничиваются ролями доминантрикс, повелителя, раба, байкера, ковбоя, человека в униформе, медсестры, горничной, одалиски (наложницы в гареме), амазонки и мальчика-девочки. Такого рода сарториальные ролевые игры, вбирающие в себя устоявшиеся гендерные

и сексуальные стереотипы, очевидно, имеют нечто общее с явлениями, принадлежащими культурному мейнстриму. Отчетность специализированных ателье, предоставляющих костюмы для ролевых игр, свидетельствует, что многие их клиенты следуют фантазийному стилю «заметно отдающему дешевкой — фам-фаталь, французские горничные, девочки из кордебалета, сексуальные медсестрички, сексуальные женщины-полицейские»². У многих из этих костюмов-фетишей есть свои двойники в мире моды, а у нас есть возможность проанализировать их психологическое значение и культурный символизм.

В чьей руке плеть?

«Бондажная» коллекция, представленная в 1992 году известным итальянским модельером Джанни Версаче, вызвала массу противоречивых мнений. «Шикарно или жестоко?» — вопрошал Джеймс Сервин из *New York Times*. Часть женщин оскорбилась до глубины души, обвинив Версаче в садомазохистской эксплуатации женственности и женоненавистничестве. Однако другие восприняли созданный им образ «доминантрикс» как жизнеутверждающее обращение к духу современных амазонок — этакую Женщину-кошку «от-кутюр». Вы наверняка помните, что в фильме «Бэтмен возвращается» Женщина-кошка, роль которой исполнила Мишель Пфайфер, одета в облегающий резиновый костюм, делающий ее похожей на классическую доминантрикс. Чтобы получить в прокате рейтинг PG*, продюсеры вырезали из фильма сцены, в которых она привязывала Бэтмена к кровати. Зато с каким смаком показаны ее уроки с «мастером хлыста»! Сам Версаче утверждал, что «женщины сильные», и настаивал на том, что, коль скоро им была дана свобода, это подразумевает и возможность свободно проявлять собственную сексуальную агрессию. Когда Холли Брубах (в то время являвшаяся модным обозревателем издания *New Yorker*) попросили прокомментировать стиль Версаче и сказать, возвышает ли он или, напротив, унижает женщину, та мудро ответила: «Возможно и то и другое. Все зависит от того, держит ли женщина „от Версаче“ плеть в своей руке, или, позволив надеть на себя ошейник с поводком, скачет по комнате с наездником на спине»³.

Рассматривая порнографические фотографии, сделанные на заре XX столетия, мы уже сталкиваемся с классической фетишистской иконографией господства и подавления. Ее язык ограничен набором стандартизованных и мгновенно узнаваемых образов. Точно так же как жуткий монстр и убийца с руками по локоть в крови вызывают у нас моментальную ассоциацию с фильмом ужасов, а вооруженный до зубов всадник — с вестерном, высо-

* Parental Guidance — «просмотр разрешен в присутствии родителей». (Прим. пер.)

кие каблуки, корсет, кожаная амуниция, замысловатое белье и плоть прочно ассоциируются с определенным жанром порнографии. Смеею предположить, что существует связь между этим типом порнографической эстетики и современной модой, которая все чаще выводит на первый план проблему секса и власти. Смушение, которое некоторые женщины испытывают, столкнувшись с фетишистским стилем в моде, имеет значимые точки пересечения со звучащими все громче и громче спорами вокруг «порнографии» и попыток отдать на суд цензуры произведения искусства, якобы унижающие женщину и живописующие всяческие «извращения». В то же время острый интерес, который многие женщины питают к моде — и в частности к моде в фетишистском духе, напротив, можно соотнести с их желанием заявить о себе как о сексуально независимых созданиях.

Показательно, что часть модных изданий приняла на ура эти фантазии на тему доминантрикс, поскольку их редакторы сделали ставку на то, что читательниц, которых привлечет образ властной и сексуальной женщины, будет заметно больше, чем тех, кого он оскорбит. На этой волне модный журнал *Harper's Bazaar* разместил под одной из фотографий такой шуточный комментарий: «Тяжелый рок и облегченный бондаж. Шнуровка и шпильки доминантрикс не будут забыты. <...> Бюстье черного цвета из шерсти и шелка (около 2100 долларов), умопомрачительные черные трусики из спандекса и кожи (около 700 долларов) и туфли на шпильке со шнуровкой по самые бедра — все от Джанни Версаче»⁴.

Лишь несколько обозревателей связали эту коллекцию Версаче с предпосылками из недавнего прошлого — в частности, с тем, что садомазохистский имидж «человека в коже» еще в 1970-е годы приобрел популярность в гей-сообществе. Сам Версаче припомнил, что пятнадцать лет назад он уже показывал «аналогичную коллекцию» в Далласе, «и мы оказались под прицелом их прожекторов. Они сказали, что такая одежда уместна лишь в баре, где собирается публика с ног до головы одетая в кожу. А теперь, прошлым вечером, здесь тусовалось человек двести в бондаже!»⁵

Обратившись к дизайнерскому лексикону, ассоциирующемуся с «кожаным сексом» (*leathersex*), Версаче создал коллекцию, которая обновила представления о модном кожаном гардеробе, привнеся в него харизму, присущую «радикальному» сексу. Эта коллекция не столько имела отношение к женским проблемам, сколько прославляла мятежный, выходящий за рамки приличий, бесстыдный, поражающий своей наглой откровенностью *секс* — секс ради удовольствия. Тем не менее есть две проблемы, которые невозможно обойти стороной: 1) исходящая от феминисток критика «сексистской» моды и 2) ассимиляция идеи радикального секса в модную индустрию. Ведь предложенный стиль вызвал протест не только у феминисток — его не приняли и фетишисты.

«Версаче разрушил целостный образ, — сетовал Рэндалл, владелец расположенного в Сиэтле магазина *Caped Crusadist*, снабжавшего своих клиентов штучными изделиями из кожи. — По боку модные стильные штучки. Теперь люди стремятся выглядеть более жестко». «Повсюду соревнуются, кто явится в самом крутом фетиш-костюме», — поддержал тему испещренный пирсингом покупатель в другом сиэтлском магазине кожаной одежды⁶. Тем временем феминистки критиковали всю моду в целом (и особенно ее фетишистское направление), обвиняя ее в конформизме, консюмеризме и более всего в сексизме. А Сьюзен Фалуди выразила «сомнение в том, что Версаче поинтересовался мнением трех тысяч женщин», прежде чем занялся дизайном своей одежды⁷.

Однако, вопреки всеобщему убеждению, тот факт, что модные дизайнеры якобы эксплуатируют женщину и «обирают» сексуальные меньшинства, *не укладывается* в рамки «сексизма». Давайте наконец поймем: проблему породил не Версаче. Я вынесла на обсуждение его «бондажную» коллекцию лишь потому, что она получила огромное количество откликов в прессе. Но помимо него, фетишистские мотивы используют многие авангардные дизайнеры, в том числе и женщины — в частности, Вивьен Вествуд и Бетси Джонсон. Кроме того, многие *свои* идеи современные модельеры заимствуют у уличной моды и субкультурных стилей. Как заметила британский культуролог и убежденная феминистка Элизабет Уилсон, само «существование уличной моды демонстрирует, что желание приукрасить тело [с помощью одежды] возникает отнюдь не в результате того, что человек был попросту одурачен модной индустрией и капиталистической системой»⁸.

Фетиш: история, замаскированная под объект

Ни для кого не секрет, что сексуальные фантазии, будучи вполне обычным и весьма распространенным явлением, зачастую отличаются некой «извращенностью». Такие фантазии могут быть осознанными (если мечтам предается бодрствующий человек) или неосознанными (на их существование указывают лишь невротические симптомы). Извращенные фантазии зачастую подавляются; но также — если тому способствуют обстоятельства — могут трансформироваться в демонстративные формы поведения.

Люди, которые наряжаются, к примеру, в костюмы господина (госпожи) и раба, очевидно, воплощают в жизнь определенного рода фантазии. Однако «фантазия» — понятие не однозначное. В обычном языковом обиходе под словом «фантазия» подразумеваются воображение, иллюзия, нереальные или утрированные образы. Так, феминистка Сьюзен Фалуди утверждает, что итальянский модельер Джанни Версаче создает «фантазийную одежду», ко-

тору невозможно воспринимать «слишком серьезно»⁹. Но фантазия — это далеко не всегда нечто «нереальное». Помимо прочего, фантазия несет в себе особое психологическое значение, подразумевающее удовлетворение психических потребностей. Согласно мнению психоаналитиков, осознанные сексуальные фантазии скрывают под собой определенные первичные фантазии, связанные с такими темами, как кастрация, искушение и первородный грех¹⁰.

Вот что пишет Элизабет Коуи в своем программном эссе «Порнография и фантазия» (Pornography and Fantasy): «Запечатленное [в фантазии] — это не объект вожделения, но сюжет, в котором представлены определенные желания». Порнографическое изображение женщины, оглаживающей свои гениталии, не является детонатором, который неизбежно активирует «автоматическую реакцию возбуждения» у рассматривающего его мужчины-гетеросексуала. Это скорее «условность», постановочная «сцена вожделения», в контексте которой «образ женских гениталий символизирует нечто другое — наслаждение, которое испытывает мужчина». В числе желаний, которые выражает этот образ, Коуи называет следующие: «она ждет меня», «она уже на взводе», «она показывает мне свои гениталии, потому что хочет увидеть мои»¹¹.

То, что правильно для «нормальной» сексуальной фантазии, также правильно и для фетишизма, и для моды. Многие люди полагают, что для мужчины вполне «естественно» делать стойку при виде обнаженной женской груди, но «противоестественно» испытывать сексуальное возбуждение, глядя на женскую пятку или туфлю. Однако человеческая сексуальность не исчерпывается одними инстинктивными реакциями на запрограммированные природой стимулы; мы не делимся подобно животным на «течных» самок и оплодотворяющих самцов. Человеческая сексуальность складывается из множества составляющих. Но в противоположность убеждению многих феминисток ее формирование не сводится к овладению определенным набором сексуальных ролей. Мальчики не обращаются к журналу Playboy как к учебнику, чтобы усвоить, что им должна нравиться пышная женская грудь, а на всех женщин следует смотреть как на сексуальный объект. (Точно так же и девочки не становятся сексуально пассивными и анорексичными, потому что этому их научил Vogue.)

Эта предполагаемая модель поведения по принципу «обезьяна увидела — обезьяна сделала» выглядит настолько грубой и неуклюжей, что остается лишь удивляться тому, что в нее поверило такое множество людей, ну разве что воспринимать ее как идеологическую реакцию на столь же ущербную основанную на инстинкте модель. Само по себе противостояние «природа — культура» подчас трактуется чересчур упрощенно — так, словно одно могло бы существовать без другого. Конечно, сексуальность — это биологический и эволюционный феномен. (Секс — это то, благодаря чему мы так сильно

отличаемся от размножающихся путем деления одноклеточных организмов.) Но отличительной чертой человеческой сексуальности, помимо прочего, является стремление к удовольствию, и люди весьма преуспели в изобретении приносящих наслаждение нерепродуктивных образчиков сексуального поведения, к числу которых относятся самоудовлетворение, гомосексуальность, поцелуи, орально-генитальный секс и так называемые извращения.

Кажется, что сексуальное возбуждение возникает спонтанно, но, согласно мнению психоаналитиков, сексуальность «проявляется по воле фантазии», коль скоро из «самых естественных биологических проявлений рождаются полиморфные удовольствия». Едва родившись, младенец умеет сосать грудь; такая способность добывать пищу — проявление инстинкта самосохранения. Но его сосательные движения сопровождаются удовольствием, и женская грудь становится для него «объектом желания» — но не сама по себе, а «как олицетворение утраченного объекта, коим является *чувство удовлетворения*, возникающее в процессе сосания груди»¹². Туфля — такой же символ наслаждения, как и женская грудь. Но фетиш — это не просто символ.

«Фетиш — это история, замаскированная под объект», — пишет Роберт Столлер¹³. Хотя диалог можно скрупулезно записать и без конца переслушивать, большая часть самого текста (или, точнее, заключенный в нем подтекст) остается достоянием подсознания фетишиста. Взрослый мужчина-фетишист прекрасно знает, что у женщины нет пениса. Тем не менее на подсознательном уровне он может быть по-прежнему не уверен в своей сексуальной состоятельности и, особенно оказавшись во власти пугающих эмоций, будет искать подтверждения своей мужественности, выбирая в качестве сексуальных партнерш тех, кто скрывает ужасающие аспекты своего женского естества под «прикрытием» фаллических символов. Как высказалась на этот счет Луиза Каплан, он нуждается в фетише, таком как корсет или пара ботфортов, чтобы с его помощью «проторить путь», если ему все же посчастливится «войти в тот храм судьбы, что называют вагиной»¹⁴.

Многие психиатры убеждены, что «фаллическая женщина» — это действительно «самая обыденная фантазия в контексте извращений». Иными словами, заглянув за кулисы любого извращения, мы должны обнаружить попытку преодолеть страх кастрации, который в иных условиях был бы просто невыносимым. Стремление «оживить» фантазии, создав видимость того, что женщина и в самом деле имеет пенис или другой фаллический эквивалент, часто является одним из аспектов сексуального извращения. И несмотря на то что предаваться фантазиям или погрузиться в изучение порнографической продукции подчас намного безопаснее, нежели рискнуть и лично вступить в игру, «потребность в действии... подпитывается силой из *оргастической убежденности в правдивости первичной фантазии* — с одной стороны, и за счет уча-

ствия внешнего мира — с другой. Благодаря привлечению реальных *dramatis personae**, фантазия превращается в неоспоримую действительность»¹⁵.

Облаченные властью

Мы начнем с костюма доминантрикс — во-первых, потому что это единственный по-настоящему значимый фетиш-ансамбль, а во-вторых, потому что он действительно оказал заметное влияние на современную моду. Когда я договаривалась о встрече с Баронессой Варкра, она предупредила, что у нее ярко-рыжие волосы и что она, скорее всего, будет «либо в бархатном платье с надетым поверх резиновым корсетом, либо в стандартном облачении доминантрикс». И даже при своей близорукости я безошибочно узнала ее на расстоянии пятидесяти шагов. «Для доминантрикс важно создать „видимость“, потому что большую часть этого бизнеса составляет пиар», — заявляет Госпожа Жаклин в своих так называемых мемуарах, озаглавленных «Кнуты и поцелуи, или Что скрывает кожаный занавес» (*Whips and Kisses: Parting the Leather Curtain*). Такие вещи, как изготовленное на заказ моделирующее мини-платье из кожи, усеянная заклепками кожаная куртка и ботфорты, помогают создать «легко узнаваемый образ». Вкусы клиентов разнятся, но в общем и целом добиться идеального вида помогает соблюдение «баланса между кожей и кружевом»¹⁶. По мнению Мадам Сади, доминантрикс следует «ни при каких условиях не обнажать свою грудь и всегда носить элегантную одежду (обувь на высоком каблуке, желательны сапоги, и перчатки)»¹⁷. И хотя в действительности при определенных условиях доминантрикс может позволить себе оголить бедра или грудь, чаще всего она бывает практически с ног до головы упакована во «вторую кожу» — начиная с маски, которая частично или полностью скрывает ее лицо, и заканчивая ее сапогами на немислимо высоких и острых каблуках.

Иными словами, все ее тело превращается в облаченный в доспехи фаллос. И сапоги, и туфли на высоком каблуке, и перчатки, очевидно, являются фаллическими символами, так же как плеть или жокейский кнут, который часто можно видеть в руках доминантрикс. Кроме того, многие доминантрикс носят корсет, который также относится к числу фаллических символов, даже несмотря на то что его форма акцентированно подчеркивает очертания женского тела, — главное, что его каркас делает это тело твердым и несгибаемым. Человек в корсете держится прямо «как штык». Впрочем, жертва (клиент) доминантрикс также может носить корсет, поскольку этот предмет часто ассоциируется с ритуалами подавления и ограничения, а также с трансвестизмом. Таким образом, здесь мы имеем дело не с проблемой статического символизма

* Действующие лица (лат.). (Прим. пер.)

(X-образная форма эквивалентна фаллическому символу) и даже не с фаллическими символами, но скорее с целой эротической драмой.

Костюм доминантрикс подразумевает наличие сюжета, в котором находят отражение определенные желания. Она носит маску — следовательно, она анонимный персонаж: «я не желаю знать, кто вступает со мной в сексуальный контакт; а раз я этого не знаю, возможно, и эта женщина не догадывается, кто я такой». В порнографической литературе маска, как правило, ассоциируется с фигурой мучителя, палача или ночного вора. Женщина в маске выглядит угрожающе: «я — жертва, а значит, я ни в чем не виновата; или, если я все же виновата в том, что занимаюсь сексом, то я уже наказана, и поэтому мне не нужно стыдиться».

Если в сцене присутствует плеть или кнут, это подразумевает, что кто-то из ее участников хочет или должен быть выпорот. Но кто? И за что? Знаменитая работа Фрейда «Ребенка бьют» проливает свет на природу распространенных фантазий, в которых присутствует тема телесного наказания. Фрейд говорит о том, что они имеют отношение не только и не столько к побоям как таковым, но скорее к сексуальным отношениям, поскольку для подсознания это действие является еще и метафорой секса. (Beat your meat — «Отбей свое мясо».) С точки зрения психоаналитика, кнут — это «наказующий пенис»¹⁸. Порка — это еще и проявление нежности, ласка. В конечном итоге в центре внимания оказывается именно тот, кого порют. Если же мы вспомним о том, что имеем дело с оппозицией «активный — пассивный», то должны будем признать, что активным участником этой коллизии, по-видимому, является она — та, что наносит удары (мы можем видеть, какие активные движения совершает ее карающая рука). Соответственно, пассивная фигура — это тот, на кого направлено действие. Таким образом, напрашивается вывод, что занимающей положение «сверху» госпоже приходится намного «усерднее работать» над своей ролью, нежели распростертому у ее ног рабу.

Если на доминантрикс надеты сапоги, означает ли это, что она намерена растоптать своего раба? Именно об этом повествуют многие порнографические рассказы: он лобзает ее сапог, а она безжалостно пинает его; он облизывает ее каблук, а она вводит этот каблук ему в задний проход. Постукивание ее каблуков предупреждает о том, что кто-то приближается и сейчас что-то произойдет. Сияющая лакированная кожа выглядит мокрой — как будто ее уже чем-то оросили. Высокие каблуки делают походку госпожи более выразительной, заставляя ее бедра и ягодицы колыхаться и раскачиваться. Поскольку высокие каблуки — символ женственности, раб уверен, что к нему приближается женщина — даже если в действительности «она» трансвестит. Ее каблуки такие твердые, такие прочные, такие длинные — она пройдет ими по всему телу своего раба, который будет упиваться этим доказательством своего ничтожества.

Идеолог фетишизма Пэт Калифа отвергает большинство положений психоаналитической интерпретации. Хотя и признает, что «слово, дающее ключ к пониманию садомазохизма, — „фантазия“. Роли, диалоги, фетиш-костюмы и сексуальные действия — все это составляющие части драмы или ритуала. <...> Субкультура садомазохизма — это театр, в котором могут ожить сексуальные драмы»¹⁹. В свою очередь, психоаналитики, исследуя фантазии, пришли к выводу, что один и тот же субъект может исполнять в них разные роли — и более того: он может играть одновременно все роли в любой волнующей его истории. При просмотре порнографического фильма мужчина не обязательно идентифицирует себя только с главным героем — он точно так же может примерить на себя женскую роль или обе роли (мужскую и женскую) одновременно, или пропустить через себя всю мизансцену и вместе с тем не перестать чувствовать себя соглядатаем — сторонним наблюдателем. Возможно, он ощущает себя даже тем сапогом, который на экране лобзает раб.

Подавляющее большинство фетишистов — мужчины. Женщины, которые носят фетиш-костюмы, чаще всего делают это из меркантильных соображений (если это профессиональные жрицы любви) или для того, чтобы доставить удовольствие своим мужьям и любовникам. Это вовсе не «отменяет» того факта, что среди женщин есть те, кто искренне считает и ощущает себя фетишисткой. В сексуальных извращениях (а может быть, и во всех формах сексуального самовыражения) находят выход глубинные фантазии, которые невозможно легко и непринужденно совместить в одной плоскости с осознанно выраженными гендерными убеждениями и стратегиями.

Уже само наличие одежды, как правило, ассоциируется с властью, а нагота — с ее отсутствием. Мужчина-господин обычно одевается так же тщательно, как и доминантрикс. В противоположность им покорный раб, мазохист, «подонок» чаще всего (если не сказать «неизбежно») раздет догола или носит одежду, которая оставляет незащищенными и откровенно выставляет напоказ его грудь, ягодицы и/или гениталии. Так, одна гетеросексуальная пара, состоящая из госпожи и раба, по их собственному признанию, взяла за правило, что на протяжении всего уикенда раб должен оставаться совершенно обнаженным²⁰. Символическая взаимосвязь между наготой и унижением прослеживается и в названиях порнографических опусов — таких, как «Голый тинейджер на привязи» (Naked Teen on a Leash) и «Голая мокрая женушка» (Naked Wet Wife). Однако значение, скрывающееся за конкретным фетиш-костюмом, зависит от контекста и личности человека, который его носит.

Если маска господина скрывает лицо палача, то кожаный капюшон раба укрывает жертву. Тяжелые сапоги господина предназначены попирать того, кто лежит у его ног; в то время как высокий (зачастую выше 6 дюймов — 15 см) каблук и платформа на обуви раба придуманы для того, чтобы сделать его

«хромым», не говоря уже о бесчисленных ремнях и пряжках и бесконечных шнурках. Корсет на доминантрикс — это ее воинские доспехи, корсет на играющем роль раба трансвестите — часть его бондажа, его «колодки» для тела.

И все же приверженцы садомазохизма сходятся во мнении и упорно настаивают на том, что очень часто по-настоящему властная фигура в их отношениях — это не кто иной, как раб, по-хозяйски командующий своим господином: «Сильнее, жестче! не останавливайся! не так — вот как надо!» Таким образом, вопрос вовсе не в том, «в чьей руке плеть». Правильнее было бы спросить: «Кто здесь платит?» или «Чья это фантазия?».

Кое-что о горничных и «настоящих мужиках»

Горничная — очевидно уничижительная роль, проливающая свет на дифференциал сил, закрепленный в традиционных гендерных стереотипах. В XIX веке работавшие в публичных домах проститутки время от времени облачались в костюм горничной — темное форменное платье, которое оттеняли белый фартук и чепец. Помимо этого, они наряжались невестами, монашками и гимназистками, представляя перед клиентами в роли якобы девственниц. Однако горничная не обязательно девственница, но наверняка жертва, вынужденная оказывать сексуальные услуги своему хозяину. Этот сюжет не утратил популярности и в наши дни, что следует из отчетов, которые предоставляют магазины и ателье, торгующие фантазийными костюмами: так называемый костюм французской горничной пользуется у их клиентов неизменным спросом. Порнографическая киноиндустрия также не обходит стороной данную тему, выпуская фильмы с такими названиями, как «Малышка горничная-француженка» (Little French Maid) и «Горничную надо отшлепать» (Maid to Be Spanked).

Судя по всему, нарядиться «грудастой горничной» — особое удовольствие для некоторых трансвеститов — возможно, потому, что эта рабская роль воспринимается ими как квинтэссенция женственности. Журнал для трансвеститов Repartee опубликовал письмо, которое прислал в редакцию некий проживающий в Японии эмигрант; в нем этот человек делился своими впечатлениями о некоторых телевизионных программах:

...больше всего мне нравился мультсериал, где главный герой, чтобы не расставаться с девчонкой, которую он любит, — а ее родители этого не одобряют, потому что у него ни гроша за душой, — становится одной из ее горничных. Затем все серии вертятся вокруг того, как эта горничная и ее госпожа выкручиваются, чтобы сохранить свой секрет. Самое интересное, что горничная начинает находить себя привлекательной в черном

платье, белом фартуке и наколке и, после того как девушка выходит замуж, решает навсегда остаться у нее в услужении. Не правда ли, прелестная фантазия²¹.

В порнографической продукции, адресованной одновременно трансвеститам и садомазохистам, часто одним из ключевых персонажей является мужчина, которому приходится пройти через унижение переодеванием — в женское платье или белье. Однако в конечном итоге его ждет триумф, поскольку под оборками его юбки (или фартука) скрывается неоспоримое доказательство его мужской состоятельности.

Униформа горничной, по-видимому, прекрасно вписывается в этот сценарий унижения с эротическим привкусом. «Одежда прислуги заводит трансвеститов»²², — утверждал автор одной статьи, а среди книжных заголовков появлялись такие, как «Муж — помощница по хозяйству» (Housemaid Husband) и «Он — рабыня» (She-Male Slave). Визитки многих лондонских проституток украшало изображение коленапреклоненной фигуры, с ног до головы облаченной в черную резину (включая противогазную маску), на которой «контрапунктом» выделялся миниатюрный белый фартук. Его сопровождала надпись: «Правильно одетая горничная». Попадают и карточки с изображением трансвестита с белой крахмальной наколкой на голове: «Мистер Горничная к вашим услугам». Третий вариант — изображение мужчины в резиновом форменном платье горничной (высокий ворот которого затыкает ему рот), сопровождающееся подписью: «Господство резины и воспитание униформой».

Хотя современная мода то и дело пытается преподнести фартук как актуальный женский аксессуар, в данной интерпретации этот предмет, как правило, не имеет ничего общего с миниатюрным, украшенным оборками белым «передничком» горничной и гораздо больше тяготеет к суровой маскулинности — например, напоминая кожаный фартук мясника. А маленький белый чепец и крахмальная наколка практически не имеют ничего общего с модой уже на протяжении целого столетия. Судя по характеру сарториальной самопрезентации, современные женщины не хотят играть уничижительные роли. Фартук, воспринимающийся как своего рода женский вариант *cache-sexe*, должен быть спрятан от посторонних глаз. (Впрочем, есть несколько модельеров — в частности, Вивьен Вествуд и Бетси Джонс, которые используют крахмальную наколку горничной как пикантный аксессуар во время своих подиумных показов.)

Костюм наложницы (девушки из гарема) также пробуждает типологические представления об отношениях «господин — рабыня» и вместе с тем достаточно прозрачно намекает на старые как мир фантазии о групповом сексе. «Невинная» эротика XIX столетия часто обращалась к сюжетам, центральными персонажами которых были белые наложницы, попавшие в руки похотливых

турок. Аналогичные сюжеты — за вычетом расистского подтекста — неоднократно разыгрывались в кино и телевизионных шоу, например в «Я мечтаю о Джинни» (I Dream of Jeannie). Звезда пин-апа (бурлеска) Бетти Пейдж выходила на публику в образе одалиски — с обнаженным животом, в расшитом золотом и самоцветами бюстье и полупрозрачных шальварах. Даже сегодня порнографическая киноиндустрия не может обойтись без «Одалисок в оковах» (Harem Girls in Bondage). Кроме того, в «гаремных» фантазиях могут присутствовать квазилесбийские мотивы, особенно если господину отводится роль наблюдателя.

Если для доминантрикс излюбленными материалами являются кожа и резина, скрывающие под собой почти все тело и пробуждающие ощущение силы и уверенность в собственной власти, то горничные и наложницы предпочитают носить наряды из мягких, женственных, полупрозрачных тканей, которые едва прикрывают их физическое естество. Таким образом, можно сделать вывод, что доминантрикс — это живое воплощение закованной в доспехи фаллической женщины, в то время как миниатюрный фартучек горничной и прозрачные шальвары одалиски восходят к альтернативной модели — женщины под покровом. Несмотря на популярность фантазийных костюмов горничной и одалиски, ни тот, ни другой образ не оказал ощутимого влияния на моду — даже при том что стилисты и фотографы время от времени любят поиграть с экзотической сексуальностью наложницы или лесбийским подтекстом отношений между горничной и ее госпожой.

Мы начали наш разговор с живого воплощения идеи фаллической женщины — доминантрикс; но в том случае, если тяготеющий к фетишизму мужчина хочет надеть на себя маску *настоящего мужика*, он также, скорее всего, выберет фаллический костюм, ассоциирующийся с ультрамужественной ролью ковбоя, мотоциклиста, солдата или полисмена. Соответствующая этим образам одежда функционирует как своего рода доспехи, создающие видимость агрессивной мужественности и помогающие защититься от внешнего мира, находящегося в жесткой оппозиции по отношению к внутреннему «я» облаченного в них человека.

В своем «Карманном справочнике человека в коже» Ларри Таунсенд настаивает на том, что одежда мотоциклиста обладает символической значимостью:

Мотоцикл и сидящий верхом на нем парень — это то подлинное, что есть на кожаной арене. Одежда, которую все мы находим столь привлекательной, изначально создавалась для того, чтобы мотоциклист мог использовать себе на благо... сексуальную притягательность упакованного в кожу всадника, мчащегося верхом на своей огромной ревущей машине. Будучи символом фаллического могущества, мотоциклист является идеальным олицетворением, живым воплощением нашего фетиша²³.

Мотоцикл уже сам по себе воплощение механической мощи, его поршни ритмично ходят вперед и назад, а мотор ревет и рокочет еще до того, как наступает волнующий момент, когда эта машина срывается с места, — все это выглядит как метафора «пульсирующего ритма» сексуального возбуждения. В Институте Кинси хранится множество образчиков визуальных сюжетов сексуального содержания, центральной фигурой которых является человек на мотоцикле. В разделе «Фетиш — костюм — кожа» (Fetish — Costume — Leather) (leatherite (некто причастный к сообществу приверженцев кожи) представлен как «[человек] натягивающий свои тяжелые башмаки, готовясь совершить какой-то решительный шаг». Под одной фотографией из этого раздела стоит такая подпись: «В кожаном гоночном костюме временами может становиться слишком жарко, поэтому вам захочется расстегнуть молнию и немного проветрить свое мужское достоинство». Безымянный копирайтер обращает внимание на «контраст между холодными оттенками плоти и куда более роскошными качествами кожаной амуниции»²⁴. Имеющая отношение к этой теме порнографическая продукция раз за разом воспроизводит образ «мужика — секс-машины». Среди типичных названий и заголовков — «Вздув байкеров» (Bang the Bikers), «Дружки на байках» (Biker Buddies), «Копы на мотоциклах» (Motorcycle Cops), «Байкеры-наци» (Nazi Bikers), «Крутой ездок» (Rough Rider), «Садо-мазо-мото-коп» (S&M Bike Cop).

Проведенный Таунсендом опрос показал, что кожаная мотоциклетная куртка воспринимается как символ власти и объект вожделения: 90 % садистов хотели бы носить ее сами — впрочем, так же как 70 % мазохистов. Кожаные мотоциклетные фуражки и сапоги чаще ассоциируются с образом садиста, то же самое можно сказать о кожаных ремнях, «манжетах», перчатках и чапарайос (они же «чепы»). (И все без исключения хотели бы одеваться в продукцию фирмы Levi's²⁵.)

«Кожаный» фетишизм не мог бы существовать в вакууме. Одежда и аксессуары из кожи вызывают явные ассоциации с определенным типом мужественности — она присуща не только мотоциклисту, но также ковбою, солдату и полисмену. Таунсенд в своем исследовании говорит о том, что эти роли связаны с «психодрамами, которыми [он сам] наслажда[ется]: подчинением правилам или чему-то еще — в лагере для новобранцев, казарме, классной комнате, тюрьме и т.п.»²⁶. В 1974 году реклама G.V.M. Leathers строго вопрошала: «А ты гордишься тем, что ты гей, самец и мужик?!» А служба персонала предлагала «только для мужчин с садомазохистскими наклонностями „кожу“, „левайсы“, деним, а также ковбойки, резину, сапоги и униформу»²⁷.

Если верить «Карманному справочнику...», одежда ковбоя «вполне сочетается с кожей и коваными сапогами». Ковбой и мотоциклист — родственные души. Из фантазии Таунсенда рождается описание того, как компания крепких

мужиков «скачет верхом на конях, а затем разбивает лагерь на открытом воздухе» — они одеты «[в] кожаные чепы поверх „левайсов“... а может быть, прямо поверх голых бедер и ляжек. И даже если вся группа как-то приедет, по крайней мере половина из них будет обнажена по пояс». И дальше: «[члены] группы большей частью обнажены, если не считать сапог» — «узорчатых сапог с острыми носами и высокими каблуками» и ковбойских шляп²⁸.

Хотя, согласно исторической реальности, гардероб обычного ковбоя всегда представлял собой пеструю смесь дешевых вещей, канонический образ этого персонажа подразумевает совсем иную картину — «левайсы» или другие узкие брюки, особого фасона сапоги (с высоким каблуком, возможно, до блеска начищенные, яркой расцветки, украшенные декоративными деталями), кожаные чапарайос, причудливая рубашка, замшевая куртка с бахромой, шейный платок и большая, за милю узнаваемая шляпа. Рассчитанная на фетишистов и относящаяся к данному тематическому сегменту порнопродукция выходит под названиями «Сапоги и седла» (Boots and Saddles), «Ковбой Бешеный петушок» (Cock Crazy Cowboy), «Ковбой и его голодный петушок» (Cock-Hungry Cowboy), «Задира ковбой» (The Cockey Cowboy), «Ковбой» (Cowpoke), «Крутые похотливые ковбои» (Hard Horny Cowpokes). А на эротических картинках зачастую можно увидеть мужчину, чья нагота «прикрыта» лишь сапогами, ковбойской шляпой и кобурой.

И мотоциклист, и ковбой — значимые фигуры в иконографии мужского гомосексуализма. Создающие женскую одежду модельеры (многие из которых сами являются гомосексуалистами) достаточно часто используют мотоциклетный и ковбойский гардероб в качестве источника вдохновения. Наряд модницы-«пастушки» (англ. cowgirl) копирует каждую деталь гардероба ковбоя-мачо — от огромной шляпы до начищенных до блеска сапог и кожаной амуниции. Она выглядит почти как карикатура на фаллическую женщину, особенно когда в погоне за сексуальностью делается излишний акцент на ее «верном кольце», что, очевидно, следует рассматривать как намек на то, что между ног у этой девицы таится что-то о-о-очень большое и грозное.

Роскошная байкерша — еще один женский персонаж, прочно обосновавшийся в пантеоне высокой моды. Но если Клод Монтана всего лишь надел на женщину кожаную мотоциклетную куртку, а Кельвин Кляйн для рекламы своей женской коллекции устроил фотосессию на фоне больших, мощных мотоциклов, то Тьерри Мюглер пошел намного дальше и создал (для своего дефиле с элементами шоу) металлическое бюстье, которое превращает саму женщину в подобие мотоцикла. Меж тем сексуальная субкультура несколько охладела к этой теме: «...образ байкера, который был долгое время популярен среди садомазохистов, похоже, отжил свое. Теперь их привлекает имидж более приближенный к высокой моде»²⁹.

Культ униформы

Униформа как нельзя лучше соответствует антуражу такой формы фетишистского секса, как ролевые игры, поскольку при этом личность надевшего ее человека поглощается его (или ее) ролью. Как принято говорить в армии, мы «отдаем честь не человеку, а его униформе». Так как униформа — символ принадлежности к некоей группе, она подавляет индивидуальность, что иногда приводит «к тотальной деперсонализации». В то же время мундир очень часто олицетворяет авторитет власти, и это пробуждает фантазии на тему господства и подчинения³⁰. В частности, военная и полицейская униформа указывает на то, что человека, который ее носит, наделило властными полномочиями само государство. В то же время форменное платье горничной может быть воспринято как подобие рабского клейма и эмблема безвластия.

Военный мундир — это, пожалуй, самый популярный прототип для создания фетишистской униформы: он подразумевает существование строгой иерархии (кто-то отдает команды, другие им безоговорочно подчиняются), а также принадлежность к той группе, куда традиционно могли входить только мужчины, которым на совершенно законных основаниях было позволено и даже предписано применять физическое насилие. Солдат может стрелять и бросаться на людей с ножом, не рискуя угодить за это в тюрьму. Откуда берут начало эротические коннотации, которыми мы наделяем военную униформу? Отчасти они связаны с тем сексуальным возбуждением, которое у многих из нас порождает сама мысль о насилии и взаимоотношениях, основанных на господстве и подчинении. Кроме того, военный мундир придает ощутимую сексуальную привлекательность тому, кто его носит, благодаря флеру фаллической символики (сапоги, оружие) и особенностям покроя этой одежды, который, как правило, подчеркивает достоинства фигуры лучше, нежели обычный мужской костюм.

Магнус Хиршфельд, одним из первых заинтересовавшийся глубоким исследованием феномена гомосексуальности, обнаружил, что среди «любowników из числа солдат» можно обнаружить людей с самыми разными вкусами. Одних влечет только к рядовым пехотинцам; другим не нужен никто, кроме офицеров кавалерии. Один военный портной из Берлина, к услугам которого «часто прибегали гомосексуалисты, держал в своих чуланах целую коллекцию, состоявшую из всех видов униформы, что позволяло ему превратить любого улана или пехотинца в матроса или морпеха»³¹. Особое положение признанной гей-иконы занимает образ военного моряка, увековеченный в этом качестве не только в изобразительном искусстве, но даже в опере и балете.

Авторитетная фигура в униформе — военный или офицер полиции по-прежнему вызывает относительный сексуальный интерес у мужчин, как у гомосексуалистов, так и у «натуралов». (Есть некоторые свидетельства в пользу

того, что его могут проявлять и женщины — также независимо от своей сексуальной ориентации.) Среди заголовков порнографических опусов, ориентированных на гомосексуальную публику, встречаются такие: «Коп с 69-й улицы» (The Cop on 69th Street), «Старший сержант Коловорот» (Dominant Drill Sergeant), «Тренировочный лагерь для парней в коже» (Leather Boot Camp), «Повелитель морского флота» (Marine Master), «Солдаты Содома» (Soldiers of Sodom). В порнографии для гетеросексуалов также часто мелькает женская фигура в униформе. «Дикие забавы и парад униформы с сексуальными моделями» обещает потенциальным клиентам визитка одного публичного дома. Другая пытается привлечь изображением женщины в полицейской форме и подписью «Бобби*»: незабываемые переживания во время ареста».

Среди садомазохистов бытует мнение, что садомазохизм придает ясность основанным на власти взаимоотношениям, которыми насквозь пронизано все общество. Порнографическая литература часто эксплуатирует политические темы и соответствующий антураж (включая костюмы), чтобы воплотить садомазохистские фантазии. «Наци в сексуальном рабстве» (Nazi Sex Slave), «Раб на службе СС» (Slave to the SS), «Сексуальные рабы Страны Советов» (Soviet Sex Slaves), «Малолетние секс-рабыни Сайгона» (Teen Sex Slaves of Saigon), «Студенты — жертвы красного террора» (Student Victims of Red Torture) — все это заголовки с обложек порнографических брошюр. В подобных опусах «вражеская» униформа является не столько олицетворением зла, сколько символом эротической мощи. В ходе своих изысканий Ларри Таунсенд выяснил, что всего лишь 10 % мазохистов желают примерить на себя нацистскую форму, но 60 % мечтают видеть ее на своем партнере-садисте.

Кроме того, униформа может быть фетишем и сама по себе — вне контекста эротической психодрамы. Знаменитый гей-иллюстратор Том-из-Финляндии (Tom of Finland) говорил: «...иногда влечение к униформе во мне бывает таким мощным, что мне кажется, будто я занимаюсь любовью с одеждой, а человек внутри нее — это всего лишь... какой-то одушевленный манекен»³². Герман Брох описал психологическое влечение к униформе в романе о жизни офицера прусской армии «Лунатики»:

Униформа обеспечивает четкую демаркационную линию между персоной своего владельца и остальным миром. <...> Истинная задача униформы — провозглашать и устанавливать порядок в мире, пресекать разброд и шатание в жизни — так же как она скрывает все, что делает человеческое тело мягким и бесформенным, погребая под собой солдатское исподнее и кожу. <...> Запертый в своей твердой оболочке, со всех сторон

* Bobby (Бобби) — собирательное прозвище английских полицейских. (Прим. пер.)

опоясанный ремнями и ремешками, он начинает забывать, что у него под одеждой, и перестает беспокоиться о неопределенности жизни³³.

Подобного рода привлекательность знакома не только фетишистскому меньшинству — она существует и далеко за пределами этого сообщества. Любой человек в деловом костюме облачен в униформу власти.

Однако не все виды униформы равно значимы и играют одинаково важную роль в развитии моды. Согласно результатам исследовательской работы «Медсестра как сексуальный объект в кинопродукции, произведенной в период с 1930 по 1980 год» (*The Nurse as a Sex Object in Motion Pictures, 1930–1980*), «в 73 % случаев роль медсестры характеризует медсестру как сексуальный объект». В соответствии с нарастающей в последние десятилетия тенденцией к все более откровенной демонстрации сексуальности «частота и интенсивность проявления данного стереотипа значительно возросла в 1960-е и 1970-е годы». Более того, стереотипный образ медсестры раскололся надвое — сформировались устойчивые стереотипы «сестра-садистка» и «разбитная подружка для сексуальных игр»³⁴. Брошюры порнографического содержания носят названия «Что медсестры умеют делать в постели»/«Искусство ухода за лежащим пациентом» (*Nurses' Bedside Skills*), «Секс с медсестрой» (*Sex with a Nurse*), «Как девственница училась на медсестру» (*Virgin Student Nurse*), «Неистовая медсестра-извращенка» (*Wild and Kinky RN*). А любителей «клубнички» на экране ожидают «Негодные медсестрички» (*Nasty Nurses*) и «Порочные медсестрички» (*Naughty Nurses*).

Внимательно присмотревшись к униформе медсестры и изучив историю эволюции этого костюма, мы получим ключи к пониманию природы этих расхожих стереотипов. Если мы вспомним, как возникла сама профессия медсестры, у нас не останется сомнений в том, что исторически сестринская униформа состоит в близком родстве с форменным платьем домашней прислуги (к которому обязательно прилагался белый фартук и крахмальный чепец) и не имеет прямого отношения к халату врача или научного лаборанта. На протяжении многих лет уход за больными оставался одной из самых низкооплачиваемых и презренных женских профессий. И если врач всегда был несомненно уважаемой и авторитетной фигурой, то этого никак не скажешь о медсестре. У фетишистов широким спросом пользуется фантазийный костюм медсестры, изготовленный из резины — материала, вызывающего ассоциации с такими унижающими человеческое достоинство предметами, как подкладная клеенка и прорезиненные трусы.

И все же медсестра обладает некоторой властью, что наделяет ее эротической харизмой. Ее профессиональный долг — помочь пациенту «поправиться». В порнографии без особых «изысков» это трактуется буквально — как

обычный уход и незамысловатые терапевтические процедуры. Однако порнопродукция, рассчитанная на садомазохистов и фетишистов, заостряет внимание на том, что медсестра может причинить пациенту боль. К тому же пациент пассивен и находится в зависимом положении по отношению к своей визави: он беспомощно распростерт на койке, в то время как она твердо стоит на ногах, держа в руке шприц или клизму. «Медсестра в резине» (Nurse in Rubber) — вполне типичное название для порнографического чтива. Костюм медсестры обладает изрядной привлекательностью в глазах многих фетишистов (и многих «обычных» мужчин), но вот число женщин, горящих желанием примерить его на себя, судя по всему, весьма ограничено, поэтому он крайне редко становится источником вдохновения для тех, кто сегодня делает моду. Маскулинные ассоциации, которые порождают другие виды униформы, сделали их куда более привлекательными для мира моды.

«Когда миром правит член, все взоры обращаются к гульфику»

В написанном в 1985 году эссе «Печаль и шелковые чулки» (Sorrow and Silk Stockings) лесбиянка Марсия Полли интерпретировала и хулиганский уличный стиль, и «андрогинный» деловой костюм как подражание мужскому полу: «Популярные модные направления не держатся середины между маскулинностью и феминностью, они скатываются — причем мигом — в сторону мужеподобия. Когда миром правит член, все взоры обращаются к гульфику. Нет ничего неожиданного в том, что гей-либералы производят и продвигают мужицкую униформу, феминизм одевается в штучные изделия»³⁵.

«Самопрезентация имеет отношение к потенциалу власти», — соглашается известный теоретик моды Элизабет Уилсон; и очень часто это означает, что женская мода создается по образу и подобию мужского прототипа. Вопреки распространенному убеждению, в *функциональном* плане предметы мужского гардероба (например, брюки) далеко не всегда превосходят чисто женские предметы одежды. Но они обладают символическим потенциалом власти. На одном плакате, рекламирующем деловые костюмы, была изображена женщина, сидящая за столом в конференц-зале, — и подпись: «Чтобы вас восприняли всерьез». В другой раз рекламисты процитировали Уолта Уитмена: «Изо всех сил стой на своем, повинуйся как можно меньше» (Resist Much, Obey Little). К этому слогану прилагалось изображение женщины в черной кожаной куртке и ковбойских сапогах, сидящей верхом на багажнике автомобиля. Исторически мужчины обладали не только ощутимо большей физической силой (которую олицетворяет черная кожаная куртка), но и несравнимо большей социоэкономической властью (на которую намекает строгий деловой костюм).

Итак, деловой костюм и ковбойские сапоги одинаково имеют право считаться знаком, подтверждающим мужскую состоятельность, — даже, а может быть особенно в том случае, когда эти вещи принадлежат женщине. Одета ли женщина дерзко и задорно, как байкер, дорого и пафосно, как акула капитализма, или носит непомерно высокие каблуки, как доминантрикс, — она так или иначе примеряет на себя маску фаллической женщины. Это вовсе не означает, что такая женщина хотела бы иметь пенис — нет, она жаждет той власти, которую патриархальное общество приписывало фаллосу, а современное символически воплотило в фаллических предметах одежды. Однако эмблемой власти может стать не только высокий каблук, но даже negligé.

«Правила диктуют женщины, о'кей? — заявил в свое время американский дизайнер Марк Джейкобс. — Власть перешла к женщинам, и высокие каблуки этому не помеха!» Версаче говорил, что современная женщина «железной рукой правит... мужчинами». Конечно, это не следует понимать буквально, хотя подобные утверждения, звучащие из уст и мужчин и женщин, могут иметь под собой некую реальную психическую подоплеку. Художник Аллен Джонс (создавший целый ряд неоднозначных фетиш-образов) утверждает, что раскритикованные феминистками подчеркнута эротичные образы фаллической женщины в резине и коже тем не менее «изначально восходят к той же самой системе, что и властный деловой стиль (англ. power-dressing)»³⁶. Эта мысль дает нам важный ключ к пониманию природы популярности «фетишистских» направлений в моде: они открывают перед женщиной возможность выглядеть сильной и властной — очень сильной и очень властной.

«Кому вздумалось выглядеть [в глазах окружающих] сногшибательной, сексуальной, длинноногой киллершей в костюмах с разрезами и вырезами от сих до сих? Кто вступил в этот тайный стговор с мужским шовинизмом, явленным столь постыдно и неуклюже? Кому, черт возьми, так посчастливилось?» По мнению модного обозревателя Сары Мауэр, в 1990-е годы мода «без стыда и страха выражала политически некорректную» мысль о том, что женщинам следует использовать свою «сексуальность как инструмент, подходящий для вооруженной борьбы»³⁷. На протяжении 1970-х и 1980-х годов шикарные дамы старались не выглядеть слишком женственно, поскольку в их представлениях женственность ассоциировалась с бессилием, безвластием и «несерьезным», то есть пренебрежительным отношением со стороны окружающих. Даже сегодня многие женщины готовы спорить о том, насколько «нравственны» такие предметы, как корсет и высокий каблук, ибо они потворствуют (сексистским) фантазиям мужчин. Но Мауэр говорит:

Я думаю, мы потакаем нашим *собственным* фантазиям. <...> Мы не хотим превращаться в мужчин. Мы не желаем носить их костюмы. <...>

Мы — женщины, а следовательно, мы хотим носить женскую одежду. <...> Я не призываю женщин вернуться назад, потому что никогда не слышала, чтобы кому-то из нас хотелось быть как наши матери и бабушки в пятидесятые. <...> И это определенно ставит в смешное положение мужчин, поскольку при виде такого им ничего не остается, как только завестись с пол-оборота³⁸.

Даже тем, кто не согласен с мнением Сары Мауэр, придется признать, что она выражает распространенную точку зрения. Учитывая, сколь широкой популярностью фетиш-стили пользуются у женщин, трудно не согласиться с тем, что во многом это связано с *идеей власти*, которую они привносят в представления о женственности.

Еще одно имя *власти* — *свобода*. Власть пугает нас, когда она сосредоточена в чужих руках; но это именно то, чем хотело бы владеть большинство людей. Однако разнообразные сарториальные стратегии, направленные на то, чтобы выразить идею власти, постоянно меняются. Представив миру свою фаллическую женщину в доспехах из черной кожи, Версаче, образно говоря, переключился на заднюю передачу и сотворил женщину под покровом из полупрозрачного шифона. А модные в начале 1990-х годов тяжелые башмаки на манер армейских ботинок уже в середине десятилетия уступили дорогу изящным туфлям на шпильке.

То, что Vogue называет «сильным и сексуальным» образом, стало парадигмой современной моды. Это прямое следствие раскрепощения женщины. И сколько бы феминистки, такие как Сьюзен Фалуди и Наоми Вольф, ни нападали на моду, завлекающую женщин в «ловушку внешней красоты», история моды в действительности обнаруживает куда более сложную и неоднозначную картину. В былые времена (а также сегодня — в таких странах, как, к примеру, Саудовская Аравия и Иран) социально консервативные мужчины твердо придерживались мнения, что женское тело следует держать под контролем, строго следя за тем, чтобы оно было надежно скрыто от посторонних глаз. По мере того как женщины обретали независимость, они постепенно присваивали себе традиционно мужские предметы гардероба и одновременно привыкали носить все более открытую одежду.

Однако вопрос о *сексуальной власти* все еще остается проблемным. «Мне не кажется, что я должна быть мужчиной, выглядеть как мужчина, чтобы в чем-то преуспеть, — говорит британский модельер Кэтрин Хэмнет. — Я терпеть не могу эту старомодную идею — будто бы выглядеть сексуально — это плохо»³⁹. Правда ли, что «сексуальная» одежда наделяет женщину большей властью? Или напротив, ущемляет ее в правах и лишает власти? Если мы рассматриваем власть как способность делать все, что нам хочется (в том числе ко-

мандовать другими людьми), то следует признать, что и та и другая постановка вопроса заведет нас в тупик. Несомненно, есть женщины, которые добиваются желаемого, сексуально манипулируя другими людьми. Но также есть и те, кто считает, что их сексуальность делает их более уязвимыми перед лицом мужчин, поскольку основу мужской власти зачастую составляет многократно превосходящая физическая сила. Достаточно вспомнить печально известное «дело об изнасиловании и мини-юбке», которое рассматривалось в Форт Лодердейл (штат Флорида): во время процесса жюри присяжных оправдало предполагаемого насильника на том основании, что «провокационный наряд» жертвы красноречиво говорил, что она «сама на это напросилась».

Моде приходится существовать в гендерно структурированном мире, где парадом чаще всего командуют мужчины, — это очевидно и бесспорно. При этом феминистская критика моды опирается на спорное утверждение, будто бы модная искусственность противоречит «естественному» облику женщины. О каких различиях между «естественностью» и «искусственностью» может идти речь, когда любая одежда (и некоторые другие составляющие человеческого облика — например, прическа) является производной культуры? Синие джинсы ничуть не более «естественны», чем высокие каблуки. Более того, с большой долей уверенности можно утверждать, что под толщей благоприобретенного, искусственного культурного слоя вовсе не скрывается «истинное „я“», поскольку личность каждого человека тоже производное культуры. Вот что пишет в своем резонансном теоретическом эссе о моде Кайа Сильверман:

Субъект мужского пола, так же как субъект женского пола, не имеет иного визуального статуса, кроме платья и/или украшений. <...> Одежда и другие виды украшений делают человеческое тело культурно зримым... одежда покрывает/обрисовывает тело, давая ему возможность быть культурно воспринимаемым, и преподносит его как форму, обладающую содержанием. <...>

Даже если бы мои симпатии не были всецело на стороне экстравагантной сарториальной демонстрации, я бы все равно ощущала настоятельную потребность подчеркнуть со всей возможной настойчивостью, что одежда есть необходимое условие существования индивидуальности — что, придавая отчетливые очертания телу, она одновременно во всех подробностях высвечивает душу⁴⁰.

Посвященный моде научный дискурс действительно наводит на мысль о том, что желание наряжаться — это воистину человеческое свойство, часто связанное с удовольствием и имеющее потенциально подрывной характер.

Так, проблема «лесбийского шика» ставит под сомнение ортодоксальную веру феминисток в то, что мода сексуально оскорбляет женщину, усугубляет ее зависимое положение и сталкивает ее лбом с модернистскими представлениями о том, что одежда предоставляет возможность «поиграть» с гендерными ролями и условностями.

Кроме того, некоторые феминистки пересмотрели свое отношение к порнографии, заметив, что в основе альянса между царящими в их рядах антипорнографическими настроениями и фундаменталистской убежденностью в собственной правоте лежит фантазия, подразумевающая существование всего лишь одной-единственной формы «естественной» сексуальности. Противницы цензуры высказались против подобного «полицейского упорядочивания желаний», грозящего насильственным подавлением всех проявлений «девиантной» или «политически некорректной» сексуальности. Нет сомнений в том, что в 1950-е годы скандально известная бондажная порнография Ирвинга Клоу предназначалась для мужской аудитории, но не так давно задействованные в ней многочисленные фетиш-иконы были интегрированы в моду. А опубликованный в журнале *Advocate* модный фоторепортаж (отснятый женщиной для других женщин, осознающих себя не иначе как женщинами) вобрал в себя множество таких же предметов одежды и сексуальных игрушек, какие в свое время использовал в своих работах Клоу. Автор термина «ловушка красоты» (англ. *beauty trap*) Наоми Вольф признала, что лесбиянка-бутч в убранстве из грубой кожи не кажется «пассивной или поставленной в положение жертвы»⁴¹. И все же отношение Вольф к модной индустрии как таковой по-прежнему остается более или менее враждебным. Я же со своей стороны смею утверждать, что различия, которые она, судя по всему, проводит между «хорошей» уличной модой и «плохой» коммерческой модой, так же несостоятельны, как и различия между «хорошей» эротикой и «плохой» порнографией.

Многие люди уверены в том, что порнография плодит извращения и насилие на сексуальной почве. Но с тем же успехом можно сказать, что музыка в стиле кантри-и-вестерн порождает супружескую неверность и алкоголизм⁴². По мнению Джона Мани (ученого, занятого исследованием сексуальных проблем), такие формы парафилии, как фетишизм, — это не только сексуальное расстройство, но и свидетельство беспорядка, царящего в сфере любви. Парафиликам приходится ориентироваться по «варварски изуродованной карте любви» (как называет это Мани). Некоторым из них в детстве довелось стать жертвами сексуальных домогательств; однако многие другие пострадали от действий своих добропорядочных родителей, чьи воинствующие антисексуальные настроения «покоробили» сексуальную психологию детей: «с монотонной регулярностью [в анамнезе] парафиликов всплывает монашеская история

безжалостно ортодоксального воспитания». Чтобы сохранить хоть какую-то способность к сексуальному возбуждению, они вынуждены раз и навсегда отсечь любовь от похоти и надежно развести их в стороны. К примеру, испытываемая плотское вожделение к туфлям, фетишист «спасает» от осквернения некий объект «чистой» любви. Ирония заключается в том, замечает Мани, что ведущаяся в настоящее время война против порнографии, скорее всего, повлечет за собой еще более «сексуально-негативный климат», который будет способствовать увеличению числа подверженных гипофилии (фригидных) женщин и мужчин-парафиликов. Мани считает, что в целях профилактики парафилии общество обязано добиваться, чтобы «в детстве развитие соответствовало карте здорового любовного ландшафта»⁴³.

Анорексия, булимия и ожирение также входят в число серьезных проблем, с которыми сегодня столкнулась Америка. Но не мода их породила. Хотя появившийся в начале 1990-х годов стиль «неохиппи» живо расплодил так называемый сиротский имидж среди моделей, причастных к миру высокой моды, господствующая на протяжении последних двадцати лет тенденция неуклонно «пропагандирует» мезоморфное телосложение как среди мужчин, так и среди женщин. Отсюда и выражение *hard bodies* — «крепкие телом». Охарактеризовать современную моду как «демарш», направленный против независимой женщины, может лишь тот, кто склонен к упрощенчеству.

Фрейд однажды заявил, что «добрую половину человечества следует отнести к классу гардеробных фетишистов. Например, все женщины — гардеробные фетишистки». Он торжествующе провозгласил: «Только сейчас мы стали понимать, почему даже самые разумные женщины ведут себя так беспомощно перед лицом требований, которые выдвигает мода». Но это звучит наивно! Вплоть до XVIII столетия наряды кавалеров были по меньшей мере столь же щегольскими и сексуально провокационными, как туалеты дам. Даже сегодня мужской гардероб меняется, подчиняясь веяниям моды, хотя этот процесс протекает медленнее и сдержаннее, нежели в случае с женским платьем. Если мужчина-фетишист подавляет в себе желание смотреть, вместо этого поклоняясь предметам одежды, что заменяет ему возможность видеть, то женщина, по мнению Фрейда, подавляет пассивное желание привлекать взгляды и быть увиденной: «[у женщин] одежда замещает части тела, а носить вышеупомянутые вещи [то есть одеваться по последней моде] означает [для них] всего лишь иметь возможность показать то, что могут показать другие»⁴⁴.

Но эта гипотеза не имеет реальных оснований. Сфера влияния моды никогда не ограничивалась интересами отдельных частей тела — она связана с личностью и самовосприятием. (Стоит измениться нашему самоощущению, и вслед за этим изменится наш гардероб.) Мы уже знаем, что фетишизм

задействует целую систему символов, которая если и изменяется, то очень медленно. Но в мире моды культурные знаки не имеют фиксированного значения; их изменение происходит непрерывно. Действительно, кто-то может сказать, что мода — это «торжество извращенной, фетишизированной страсти к абстрактному коду»⁴⁵. Пожалуй, в этом ограниченном смысле многие женщины действительно являются гардеробными фетишистками.

Кроме того, «избыточный» интерес женщин к моде и красоте может быть «отчасти теоретически обоснован на языке инвестиций, вложенных в фантазию об общем кожном покрове — архаической чувствительной зоне взаимодействия между младенцем и матерью». Хотя данная фантазия (формирующаяся еще в младенчестве как результат физического контакта с материнским кожным покровом) с одинаковой вероятностью может посещать как мужчин, так и женщин, необходимо учитывать, что ее символическая выразительность при этом будет несколько различаться: «для мужчины очарование женского платья всегда окрашено оттенком зависти», тогда как женщина (имея ту же половую принадлежность, что и ее мать) может «реализовать фантазию об изначально восхитительной коже»⁴⁶.

Фетишизм покоряет новые высоты моды

Комментируя свою коллекцию «Люди в коже» (Leatherfolk), Скотт Такер писал: «Люди в коже, фетишисты, садомазохисты — этих слов недостаточно, чтобы в полной мере описать весь спектр людей и эротических проявлений, которые я держал в уме; но они хотя бы приблизительно соответствуют [замыслу]». Далее он с удовольствием перечисляет заслуги сторонников различных форм радикального секса, «поднимающих фетишизм на новые высоты моды»⁴⁷.

Появление целой популяции поклонников фетиш-моды, очевидно, определяется способностью общества отнестись с пониманием к странностям, обусловленным фетишистской или садомазохистской сексуальной «ориентацией» человека. Такая позиция отражает культурную значимость движения в поддержку прав гомосексуалистов, которое, наряду с движением за права женщин, стало одним из самых выдающихся культурно-значимых феноменов XX столетия. В последние десять лет* другие сексуальные меньшинства (в первую очередь садомазохисты и трансвеститы, но также фетишисты и даже педофилы) начали предпринимать собственные попытки узаконить соответствующие их склонностям сексуальные практики, ориентируясь на успешный опыт движения в поддержку прав геев и лесбиянок.

* Автор подразумевает 1980–1990-е годы. (Прим. пер.)

В таких трудах, как «Заинтересованные круги» (Vested Interests) Марджори Гарбер, трансвестизм рассматривается как сила, которая низвергает или подрывает общепринятые представления о половой принадлежности и гендере. Однако Энни Вудхаус вместе со своими «Фантастическими женщинами» (Fantastic Women) задалась вопросом, насколько трансгрессивна такая тяга к переодеванию на самом деле — учитывая, что ее направленность вполне укладывается в русло устоявшихся стереотипов. «Трансвеститы воспринимают гендер как нечто строго разграниченное», — пишет Вудхаус. «Переодеваясь в одежду, предназначенную для противоположного пола, трансвестит создаст синтетическую женщину», свое «феминное „я”». Либеральное убеждение в том, что трансвестизм «может подточить патриархальные устои и модели поведения», скорее, следует назвать «нереалистичным»⁴⁸.

Впрочем, популярный дискурс на тему моды подразумевает, что любой стиль, помогающий человеку бежать из «тюрьмы гендера», безусловно, является «освободительным»⁴⁹. Хотя трансвестизм «всегда был частью фетиш-сцены» (давно распахнувшей объятия пестрой массовке из грудастых горничных, травести-королев (drag-queens) и мужчин, пытающихся «сойти» за женщин), распространение стиля «фетиш-травести» (англ. fetish drag) — совершенно новый феномен. Как подметил Тони Митчелл, «Фетиш-травести не требует „завершенности” образа». В нем смешиваются такие «мужские» элементы, как черная кожаная куртка и тяжелые башмаки, и «типично женские» детали — чулки и корсет. «И кроме того, данный стиль допускает неоднозначность, присущую садомазохистской ориентации»⁵⁰.

Политизация сексуальности привела к разногласиям между секс-радикалами и феминистками. В связи с этим Кен Пламмер отмечает, что

дискуссия в основном разворачивается вокруг политики желания ([которую представляют] сторонники сексуального раскрепощения) и политики сексизма ([которую представляют] сторонники гендерного раскрепощения). И те и другие нападают на традиционные представления о сексуальности. <...> Но если первые ратуют за распространение новых форм сексуальности, то вторые стремятся пресечь гендерное неравенство. <...> Обе эти позиции претендуют на то, чтобы называться «прогрессивными». <...> Однако они диаметрально противоположны — коль скоро первые ищут возможность дать неограниченную свободу мужской модели вожделения, а вторые именно в этом видят первопричину [гендерных] притеснений... сексуальные извращения становятся предметом ожесточенных споров и переосмысления: считать ли их позитивными проявлениями сексуальности или посягательством на права и свободы женщин⁵¹.

Кроме того, разногласия существуют и внутри лагеря секс-радикалов. Кто-то приветствует сближение моды и фетишизма; другие резко критикуют то, что им видится как «поглощение» фетишистских тем модными дизайнерами. Вспомним, к примеру, как поставщик эксклюзивных кожаных изделий Рэндалл сетовал на то, что Версаче «разрушил» образ.

В основе заведомой убежденности в том, что все фетиш-костюмы *ipso facto** исполнены бунтарского духа, «аутентичны» и однозначно хороши, в то время как зачатая от фетиш-костюма мода проникнута духом конформизма и консюмеризма и однозначно плоха, лежит ложная бинарность. Взаимоотношения между модой и фетишизмом не так просты. Фетишизм порой бывает шаблонным и нарочитым, тогда как мода часто предлагает возможность выбора и несет с собой перемены. В заметке, написанной для Skin Two, дизайнер Кристина Китсис предположила, что

«настоящие» фетишисты заинтересованы в... трансформации: плоть превращается в прохладную струящуюся черную резину — имитацию кожного покрова. <...> Внешний блеск фетишизма искушает модника и ассимилируется в его персональный гардероб. Модников отличает печать гламура и стиля, который конвертирует стереотипы фетишизма в персональную индивидуальность.

Для фетишистов объектом обожания является уже сам стереотип⁵².

Как говорит все та же Китсис, «сегодня модники всей душой преданы идее выбора и непохожести. <...> Фетишизм открыл дверь в это царство выбора и теперь извлекает [из этого] выгоду».

Внедрение фетишистских мотивов в моду очевидно влечет за собой коммерциализацию фетишизма. Но подразумевает ли это его обязательную дерадикализацию? (Иными словами, означает ли это, что фетишизм удалось приручить и одомашнить?) Жан-Поль Готье с подкупающей искренностью говорит о своем многолетнем интересе к фетишистским мотивам. С шестилетнего возраста он постоянно делал наброски, на которых человеческая стопа была настолько выгнута, что казалась «почти искалеченной»⁵³. Тем не менее он говорит: «Когда я делаю какие-то вещи, в них не только моя фантазия — все это делается, чтобы отразить мои представления о том, чего хотят люди». Чуть ли не все модели, созданные им для женщин, он перерабатывает для мужских коллекций; теоретически, в этом выражается мысль о том, что «в жизни каждого из нас присутствует множество половых ипостасей», и если женщина хочет и может быть соблазнительной, то и мужчина имеет на это право⁵⁴.

* Здесь — «по определению». (Прим. пер.)

Сами фетишисты порой ищут вдохновения в массовой культуре, которая, в свою очередь, уже давно припала к фетиш-источникам и охотно черпает из них «свои» идеи, тем самым замкнув круг взаимовлияния. Редакторы европейского эротического журнала «O: мода, фетиш, фантазии» (O: Fashion, Fetish, Fantasies), проявив живой интерес к костюму Женщины-кошки из фильма «Бэтмен возвращается», пришли к выводу, что его многое связывает с современной модой: «Высокие каблуки. Резиновый комбинезон. Португепя на груди. Маска на лице. <...> Блестящий черный наряд [Женщины-кошки]... выводит фетиш-моду на международный уровень. Тем самым ускоряя ее триумфальное шествие и даруя ей всеобщую благосклонность»⁵⁵. И хотя прогноз относительно «всеобщей благосклонности» пока не оправдался, среди посетителей фетиш-клубов действительно наблюдался мощный всплеск интереса к костюмам, как будто позаимствованным из личного гардероба Женщины-кошки. И все же, ничуть не умаляя фетишистского обаяния подобных костюмов, я хотела бы перейти к более интересной, на мой взгляд, теме и попытаться понять, почему с недавних пор фетишизм стал оказывать столь значительное влияние на моду и массовую культуру в целом. Сейчас самое время еще раз внимательно приглядеться к «фетишистским» направлениям современной моды, чтобы установить, откуда берет начало их харизма.

Символика цвета играет особую, чрезвычайно значимую роль в фетиш-моды, которая буквально утопает в черном. Какую-то конкуренцию этому самому популярному в контексте фетишизма цвету может составить разве что красный. Черный цвет обладает неповторимой мощью — абстрактный, чистый, таинственный... в символических системах африканских народностей черный цвет ассоциируется с ночью и небытием. Антропологи утверждают, что символизм черного и красного — это редкий пример естественного (подсказанного самой природой) символизма: как ни крути, а ночь всегда черна и кровь у всех одинаково красная. В отличие от этого, символические значения других цветов во многом условны: никакие явления природы не указывают на то, что зеленый — это цвет зависти, а белый — цвет непорочности⁵⁶.

Кроме того, у черного цвета есть своя культурная история, которая оказывает влияние на наше к нему отношение. Со времен Средневековья черный цвет ассоциируется со злом:

Black robes befit our age. Ones they were white;
Next many-hued; now dark as Afric's Moor,
Night-black, infernal, traitorous, obscure,
Horrid with ignorance and sick with fright.

For very shame we shun all colors bright,
...our souls sunk in the night*.

Представления об inferнальной, сатанинской природе черного цвета могут стать опорой извращенной сексуальности. Однако значение черного цвета может быть совсем иным — антисексуальным, что подразумевает аскетичное облачение католического духовенства и трезвый догматизм пуритан.

Черный стал цветом траура, цветом монашества и вдовства. Поэтому, когда черный начал доминировать в буржуазном гардеробе, нашлись люди, которые сочли это депрессивным. «Те черные одежды, что носят мужчины в наши дни, есть ужасающий символ... скорби», — писал в XIX веке поэт-романтик Альфред де Мюссе. Но Шарль Бодлер — куда более великий поэт, автор сборника «Цветы зла» — видел в ставших приметой времени черных одеждах не только зловещий «форменный сюртук гробовщика» — он также находил в них некую извращенную красоту.

«Нарядить Шахерезаду легко, трудно создать маленькое черное платье», — так утверждала Коко Шанель, первая женщина, по праву достойная называться денди. И хотя маленькое черное платье очень скоро превратилось в клише буржуазной моды, оно прекрасно уживается с другими воплощениями бунтарского образа — черной кожаной курткой и богемными черными трико, водолазками и темными очками. Считалось, что черный — это круто, рискованно и сексуально. В до предела наэлектризованной атмосфере американского общества громко прозвучал голос Нормана Мейлера, заявившего, что ему хочется быть чернокожим. 1960-е видели, как поднимается и набирает силу «черная власть», заставившая тихо отойти в сторонку белых недорослей. Затем, в 1970-е годы геи и панки вернули к жизни мистическое обаяние черной

* Сонет Томазо Кампанеллы (1568–1639):

Наш век рядится в черные одежды —
и черное, увы, ему к лицу.

А ведь когда-то были белоснежны;

Затем пестры и многоцветны; а теперь —

Личины мавра дикого мрачней,

Темнее африканского болота,

Черны как ночь, предательски черны,

Как смрадный дым над inferнальной бездной —

Одежды ледяного безразличья

и жути, разрывающей нутро.

Позорно мы бежим от ярких красок

... и наши души пожирает ночь.

(Пер. Е. Демидовой)

кожи, связанное с образами садомазохистов и ангелов преисподней. Но только в 1980-е годы черный цвет наконец по-настоящему заявил о себе в авангардной моде. Японские дизайнеры, в частности Рей Кавакубо, представили публике модели, в которых не было никаких иных цветов, кроме черного; и вскоре это превратилось в антимоду, господствующую в кругу художников и интеллектуалов. Хотя многие модные обозреватели находили новый японский стиль безрадостным и похоронным, Сьюзи Менкес признала, что в «одежде, которая ничем не обязана устаревшим представлениям о женственности», может быть нечто «феминистское». На показе Кавакубо манекенщицы в своих мрачных черных платьях выглядели как «племя воительниц».

К началу 1990-х годов черный цвет стал ключевым в палитре новаторской моды. Я полагаю, что причины, позволившие ему прибрать к рукам власть в мире современного модного мейнстрима, отчасти те же, что определяют его доминирующее положение в фетиш-моды: черный ассоциируется с ночным мраком, смертью, опасностью, небытием, злом, извращенными наклонностями, бунтарством и греховностью. Это не имеет никакого отношения к расизму. Журнал *Black Leather... In Color* был учрежден афроамериканскими приверженцами кожи.

Померяться символической и визуальной мощью с черным цветом способен только красный — цвет крови, огня, вина и рубинов. Действительно, Рей Кавакубо однажды загадочно заметила, что «красный — это тот же черный». Красный цвет ассоциируется с «женщиной в алом» (то есть блудницей) и языками адского пламени. В рассказе «Вылазка за трусиками» юные амазонки заставляют свою жертву надеть настоящее французское платье «оттенка вампирский красный». Его тугой пояс застегивался пряжкой, украшенной «огромным знаком сатаны». Красный — цвет страсти, гнева и опасности — цвет революции. Но черный также не раз становился символом революций. Черный флаг анархии, как и черные знамена фашизма, вызывает в воображении картины тотального разрушения. И если дьявола называют князем тьмы, то денди можно назвать черным принцем элегантности.

Растущая популярность фетиш-стилей, внедрившихся в более широкий культурный контекст, напрямую связана с обаянием отклонений от нормы. Зло, бунтарский дух, опасность и наслаждение создают мощный потенциал эмоциональной притягательности. В своей волнующей и оригинальной книге «Соблазны преступления» (*Seductions of Crime*) социолог Джек Катц утверждает, что «всё „таящееся в ночи“ провокационно чувственное зло» обладает мощной харизмой. Пробегающий по спине холодок будоражит чувства. Выглядеть крепким орешком, воплощенным злом, чужаком и просто «плохим» — что может быть привлекательнее, особенно для молодых людей. В результате девиантные образы, «шлюховатый стиль... растерзанные рубашки и мотоциклы»

наводнили популярную культуру, тем более что рекламисты признают, что любой «намек на девиантность» помогает сбывать товар⁵⁷. И если модная индустрия все больше и больше привязывается к фетишистской тематике, на то есть одна весомая причина.

«Я не рассматриваю извращения исключительно как расстройства сексуальной природы, которым подвержено относительно небольшое число людей, — пишет французский психоаналитик Жанин Шассге-Смиржель, — хотя их роль и значимость на социокультурном поле вряд ли можно переоценить. Я рассматриваю извращения более широко, как некое измерение человеческой психики как таковой, свойственный всем нам соблазн разума»⁵⁸. Будучи теоретиком в самом буквально смысле этого слова и взирая на предмет с совершенно иной точки зрения, Кайя Сильверман признает, что «извращение бросает [вызов] символическому порядку», поскольку оно не просто имеет отношение к сексуальности, но отвращает «от иерархии и генитальной сексуальности» и даже «от отеческого означающего, от изначально „истинного” или „правильного”». Таким образом, извращение — это «радикальное испытание для половых различий»⁵⁹.

Материалы наподобие «второй кожи», из которых создаются фетиш-модели, также по-своему значимы. Кожный покров — одна из важнейших эрогенных зон на человеческом теле. В концептуализированном понимании его также можно представить как защитную оболочку, которой обозначены границы тела: «Мы располагаем надежными сведениями, указывающими, что стимулирующее воздействие на кожу может служить усилению телесных границ»⁶⁰. И если фетишистам нравятся блестящие и тесные одежды, которые наглухо застегиваются или затягиваются на теле при помощи шнуровки, это может указывать на чрезмерную озабоченность проблемой телесной проницаемости. Определенно, фетиш-материалы обостряют внешние (пограничные) аспекты тела. Фетиш-мода привлекает внимание к сексуальным аспектам тела и в то же время перекрывает доступ к нему.

Кажется, что блестящие эластичные поверхности вобрали в себя то напряжение и ту влагу, которую тело исторгает при сексуальном возбуждении. Не столь важно, до какой степени разодетого в модный латекс человека тревожит вопрос о собственной сексуальности или телесной неприкосновенности (а у кого в эпоху СПИДа не возникает беспокойства в связи с перспективой постороннего вторжения в пределы собственного тела?) — самим своим *видом* этот прочный, непроницаемо-влажный материал уже наводит на мысли о безопасном сексе. Комбинезон из латекса и ботфорты стали «модной эмблемой киберсекса» — так считает Майк Сайенз, разработавший образ Донны Матрикс, генерированной компьютером героини одной юмористической книжки. Говоря о «нагромождении интереса к фетишизированной моде», Сайенз связывает

его с тем, что модели, которыми она представлена, «функционируют как своего рода псевдодоспехи и в эту эпоху СПИДа воплощают в себе попытку придать использованию латексных преград больше романтизма и эротичности»⁶¹.

Эротический стиль в моде не сводится к тому, что одежда всего лишь привлекает внимание к очертаниям фигуры или выпячивает вторичные половые признаки. Чтобы по праву называться эротической, мода должна так или иначе ассоциироваться с сексуальным рынком — ареной, на которой разворачиваются сексуальные коллизии. Подозреваю, что нынешние законодатели мод (трендсеттеры) волей-неволей привязаны к *театральности* фетишистского эротизма, основанной на допущении, что, едва облачившись в некий красноречивый наряд, человек уже превращается в героя сексуальной авантюры. У нас есть все основания для того, чтобы использовать в разговоре о причинах обыденности вдохновленной фетишизмом моды такие слова, как «парасексуальность» и «поведенческий эротизм»⁶². Похоже, фетиш-мода пытается поведать нам о сексуальности нечто такое, что порождает у нас новые, важные и потенциально провокационные вопросы.

Но с чего мы взяли, что фетишисты отличаются от остальных людей какой-то особой, исключительной сексуальностью? Идея Фрейда о том, что сексуальное извращение — это противоположность невроза, сегодня кажется ошибочной; возможно, более правильно было бы охарактеризовать извращения как «эротические неврозы». Несмотря на то что фетишистам удается подавить часть своих страхов и конфликтов, они откровенно культивируют другие, переведя их в эротическую плоскость. Однако притягательность фетишизма и «извращенной» сексуальности в целом проистекает не из «ошибки» — в ее основе лежит нечто большее.

Долгое время «извращенца» считали патологическим типом и наделяли чуть ли не демоническими чертами; но годы шли, и в один прекрасный день он превратился в «жертву обстоятельств», а затем и в бунтаря, восстающего против общественного порядка. И если когда-то «человек с отклонениями» находился в положении «культурного маргинала», то теперь его рассматривают как образчик «радикальной, трансгрессивной сексуальности». Сегодня статус «сексуального отщепенца» вызывает восхищение в массах. В среде интеллектуалов этот переворот парадигмы отчасти объясняется влиянием Мишеля Фуко, но в более широких кругах он является прямым следствием недавней «вспышки нетрадиционной сексуальности»⁶³.

Мы можем быть очарованы фетишизмом, хотя причины этого чаще всего весьма далеки от реалий сексуальных «извращений» (тем более что большинство людей не имеет о них практически никакого представления). Популярность «фетишистских» стилей вызвала некоторое смятение в рядах психиатров. Но стоит ли так волноваться? Большинство людей, одетых в черную

кожу и фетишистскую «амуницию», вовсе не причастны ни к садомазохизму, ни к истинному фетишизму. Подчас они даже «не в теме». В связи с этим мне вспоминается ворчливый монолог одного садомазохиста:

Представьте себе клуб в Чикаго. <...> Встречаю там женщин — в основном молоденьких, чуть за двадцать — в цепях или в крутых, совершенно безумных нарядах. Я: «Это воплощение чего-то из ваших фантазий или помыслов?» А они мне: «Чего?» Я говорю: «То, во что вы одеты, — это персонификация чего-то такого, что имеет огромное значение для множества людей, и я просто поинтересовался, насколько это волнует вас». А они: «Чего?» Все, на что они способны, — это помоднее выпендриться⁶⁴.

Почему «сексуальный шик» столь популярен в наши дни? Поэтесса Диана Аккерман провела собственное исследование того, что она называет «извращение как мода», и указала две наиболее вероятные причины. Первая — это «наше бездумное возвращение к викторианской морали»: «Когда общество пытается задушить сексуальность, оно тем самым зачастую готовит почву для ее бурного проявления». Вторая — СПИД: «В эти чумные годы, когда мы не можем позволить себе быть беззаботно-неразборчивыми в связях, вуайеризм переживает невиданный доселе подъем». Есть и третье объяснение, весьма популярное среди консерваторов, которые утверждают, что извращения процветают, поскольку общество стало излишне терпимым и снисходительным в сексуальных вопросах. Да и сама Аккерман, вслед за Алланом Блумом, признает, что массовая культура насквозь пропитана сексуальной символикой и аллюзиями: «Звезды рока на сцене делают вид, будто они орально сношаются с микрофоном»⁶⁵. Все эти объяснения не кажутся мне исчерпывающими. Наше общество сексуально подавлено *и вместе с тем* склонно к гедонизму. Люди не только одеваются — они по-прежнему занимаются сексом. Так что я думаю, что ответ, который мы ищем, должен быть более... извращенным.

Все, что запретно, оваяно флером сексуальности. Еще в 1960-е годы философ Герберт Маркузе предположил, что «извращения, по-видимому, дают *promesse de bonheur** куда более щедрое, нежели те, что сулит нормальная сексуальность», так как в них находит выражение «бунт против подчинения сексуальности законам воспроизводства и против институтов, являющихся гарантами этих законов». Сам Фрейд заметил, что «это как если бы они нагнетали искусительное влияние; как если бы на дне таилась зависть тех, кто возрадуется, когда их приговорят к удавке»⁶⁶. Дело не только в том, что извращения — в противоположность здоровому инстинкту размножения —

* Обещание счастья (фр.). (Прим. пер.)

существуют во имя наслаждения, но и в том, что их можно воспринимать как откровенную критику в адрес сексуальности поколения отцов: «свойственный всем нам соблазн разума»⁶⁷.

Это может вызвать у нас протест — ведь «извращенец — это всегда кто-то другой!», но наши фантазии безжалостно обличают наше лицемерие. «Что такое „нормальная“ эротическая фантазия?» Фантазия, или воображение, неизбежно обращается к запретному и недостижимому⁶⁸. Ныне покойный Фред Дэвис с присущим ему красноречием писал о том, насколько глубоко влияние культурной амбивалентности на моду, которая, в свою очередь, вполне двусмысленно выражает напряжение между противоположностями — такими, как «юность против зрелости, мужественность против женственности... и конформизм против бунтарства»⁶⁹. Быть может, то, что мы видим сегодня, — это наше, разыгранное на подмостках моды, двойственное отношение к тому, что, по-видимому, представляет собой постепенно стирающуюся границу между «нормальным» и «извращенным».

Примечания

ВВЕДЕНИЕ

1. Rose C. Skin Deep // *Guardian Weekend*. March 5, 1994. P. 29.
2. Ibid.
3. В оригинальном тексте: «a fabrication, an artifact, a labour of appearances and signs». См.: Baudrillard J. *For a Critique of the Political Economy of the Sign*. St. Louis: Telos Press, 1981. P. 91.
4. Baudin R.P. *Fetichism and Fetich Worshipers*. N.Y.: Benziger Brothers, 1885. Pp. 5, 109.
5. См.: Маркс К. *Капитал. Критика политической экономии* / Marx K. *Capital: A Critique of Political Economy* / Trans. Samuel Moore and Edward Aveling, ed. Friedrich Engels. N.Y.: Modern Library, 1906. P. 86.
6. Williams L. *Hard Core: Power, Pleasure and the „Frenzy of the Visible“*. Berkley: University of California Press, 1989. P. 6.
7. McClintock A.; цит. по: *Feminists for Free Expression Newsletter*. 2. 1994. P. 2.
8. См.: Apton E., Pietz W. (eds). *Fetishism as Cultural Discourse*. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 1993; обложка.
9. Raab A. *Fetishes* // *Self*. April 1992. P. 94.
10. Bakos S.C. *Sexual Obsessions* // *Ladies' Home Journal*. April 1993. P. 113.
11. Nizer L. *My Life in Court*. Garden City, N.Y.: Doubleday, 1961. Pp. 199–200, 203–204.
12. Freifeld K. *What a Heel! Sole Suspect Nabbed in Marla Shoe Thefts* // *New York Newsday*. July 17, 1992. P. 3.
13. Kocieniewsky D. *That's Shoe Biz. Sole Searching* // *New York Newsday*. July 27, 1993. P. 5.
14. Klein E. *Trump Family Values* // *Vanity Fair*. March 1994. P. 158.
15. *Jury Convicts Publicist of Footwear Theft* // *New York Times*. February 17, 1994. P. B2.
16. *Diary of a High Heel Model* // *High Heels*. January 1962. P. 17.

ГЛАВА I *Фетишизм — что это?*

1. Krafft-Ebing R. von. *Psychopathia Sexualism with Especial Reference to the Antipathic Sexual Instinct: A Medico-Forensic Study* / Trans. F.J. Rebman. 1886; N.Y.: Physicians and Surgeons Book Company, 1906, 1934. P. 218. В этих изданиях еще используется архаичная форма написания — *fetichism*.
2. Laurent E. *Les Perversions sexuelles: Fetichistes et eronomanes*. Paris: Vigot, 1905; высказывание процитировано в предисловии Ива Эдела (Yves Edel) к книге Гаэтана Гатиана де Клерамбо: Clerambault G.G. de. *Passion erotique des etoffes chez la femme*. 1908; Paris: *Empêcheurs de Penser en Rond*, 1991. P. 11.

3. Binet A. Le Fetishisme dans l'amour: Etude de psychologie morbide // *Revue philosophique*. 24. 1887; высказывание процитировано в предисловии Эдела (Edel) к книге де Клерамбо (см. выше).
4. Krafft-Ebing. *Psychopathia Sexualism*. P. 224.
5. Canguilhem G. *The Normal and the Pathological*. N.Y.: Zone Books, 1991. P. 37.
6. Gebhardt P.H. Fetishism and Sadomasochism; в интерпретации Лоррейн Гамман и Мерьи Макинен, см.: Gamman L., Makinen M. *Female Fetishism: A New Look*. London: Lawrence & Wishart, 1994. P. 38.
7. Stoller R. *Observing the Erotic Imagination*. New Haven, Conn.: Yale University Press, 1985. P. 35.
8. Gosselin Ch., Willson G. *Sexual Variations: Fetishism, Sadomasochism, and Transvestism*. London: Faber and Faber, 1980. P. 43.
9. Attorney General of the United States. *Final Report of the Attorney General's Commission on Pornography*. Nashville: Rutledge Hill Press, 1986. Pp. 333-334.
10. Dietz M.E., Evans B. *Pornographic Imagery and Prevalence of Paraphilia // American Journal of Psychiatry*. 139. 1982. P. 1495. Диец и Эванс обнаружили, что предметы одежды из кожи и резины и вычурная обувь на экстремально высоком каблуке присутствуют менее чем в 2 % отсмотренной ими порнографии. Другие источники содержат чуть более высокие показатели, которые колеблются в пределах 3-5 %.
11. Attorney General. *Final Report of the Attorney General's Commission on Pornography*. P. 427. Более подробный перечень названий порнографических изданий (журналов и книг) и фильмов приведен там же на с. 387-424.
12. Stoller. *Observing the Erotic Imagination*. Pp. 11-12.
13. Stoller R. *Presentation of Gender*. New Haven, Conn.: Yale University Press, 1985. P. 135.
14. Kaplan L. *Women Masquerading as Women*. См.: *Perversions and Near Perversions in Clinical Practice / Ed. Gerald I. Fogel and Wayne A. Myers*. New Haven, Conn.: Yale University Press, 1991. P. 129.
15. *Ibid.*
16. Freud S. *Fetishism*. См.: *Standard Edition of the Complete Psychological Works*. London: Hogarth Press and The Institute for Psychoanalysis, 1953-1975. Vol. 21. P. 129.
17. Polhemus T. *Body Stiles*. Luton: Leonard Books, 1988. P. 100.
18. Kaplan L. *Female Perversions: The Temptations of Emma Bovary*. N.Y.: Doubleday, 1991. P. 54.
19. *Ibid.* P. 154.
20. Freud. *Fetishism*. P. 154.
21. Kaplan. *Female Perversions*. P. 54.
22. *Ibid.* Pp. 21-22.
23. Помимо работ Фрейда, этот отрывок процитирован в: *Bits and Bobbits // Economist*. January 15-21, 1994. P. 28.
24. Lemoine-Lucconi E. *La Robe: Essai psychoanalytique sur le vetement*. Paris: Editions du Seuil, 1983. P. 34.
25. Bak R. *The Phallic Woman: The Ubiquitous Fantasy in Perversions // Psychoanalytic Study of the Child*. 23. 1968. P. 16.
26. Chasseguet-Smirgel J. *Creativity and Perversion*. N.Y.: Norton, 1985. P. 80.
27. *Ibid.* Pp. 85-86.
28. Предположив, что страх кастрации является одним из факторов в генезисе фетишизма, мы все еще не знаем, почему одни мужчины реагируют на него, становясь фетишистами, а другие нет. Однако в проявлениях фетишизма на доэдиповой стадии развития присутствует детский страх разлуки и даже некоторая боязнь физического расчленения.
29. Greenacre Ph. *Certain Relationships Between Fetishism and Faulty Development of the Body Image // Psychoanalytic Study of the Child*. 8. 1953. P. 93. Цит. по: Becker E. *The Denial of Death*.

- N.Y.: Free Press, 1973. P. 228. Также см.: Greenacre. Perversions: General Considerations Regarding Their Genetic and Dynamic Background // *Psychoanalytic Study of the Child*. 23. 1968. Pp. 47–62.
30. Stoller. Presentation of Gender. Pp. 93–136.
31. Ibid. Pp. 130–131.
32. Chasseguet-Smirgel. Creativity and Perversion. P. 81.
33. Ibid.
34. Ibid. Pp. 87.
35. Фуко М. История сексуальности. Т. 1 / Foucault M. The History of Sexuality. Vol. 1. An Introduction / Trans. Robert Hurley. N.Y.: Random House, 1978. Pp. 78, 111, 153–154.
36. См.: Stanton D. Introduction: The Subject of Sexuality / в: Discourses of Sexuality: From Aristotle to AIDS / Ed. Domna Stanton. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1992. P. 40. Также см.: Padgug R.A. Sexual Matters: On Conceptualizing Sexuality in History // *Radical History Review*. 20. 1979. Pp. 3–24.
37. Hunt L. (ed.). The Invention of Pornography: Obscenity and the Origins of Modernity, 1500–1800. N.Y.: Zone Books, 1993. Pp. 10, 16.
38. См.: Comfort A. Deviation and Variation / в: Variant Sexuality: Research and Theory / Ed. Glenn Wilson. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1987. P. 2.
39. Herdt G., Stoller R.J. Intimate Communications: Erotics and the Study of Culture. N.Y.: Columbia University Press, 1990. Pp. 126–127.
40. Wilson C. The Misfits: A Study of Sexual Outsiders. N.Y.: Carroll and Gruf, 1988. Pp. 8, 75.
41. Ridley M. The Red Queen: Sex and the Evolution of Human Nature. N.Y.: Macmillan, 1993; Bass D.M. The Evolution of Desire: Strategies of Human Mating. N.Y.: Basic Books, 1994.
42. Wilson G. The Great Sex Divide: A Study of Male-Female Differences. London: Peter Owen, 1989. P. 86.
43. Ibid. Pp. 8–11.
44. Ronald A. La Torre, Devaluation of the Human Love Object: Heterosexual Rejection as a Possible Antecedent to Fetishism // *Journal of Abnormal Psychology*. 89. 1980. Pp. 1295–1298.
45. См.: Epstein A. The Relationship of Altered Brain States to Sexual Psychology / в: Contemporary Sexual Behavior: Critical Issues in the 1970s / Ed. Joseph Zubin and John Money. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1973. Pp. 300–301. Также см.: Mitchell W., Falconer M.A., Hill D. Epilepsy with Fetishism Relieved by Temporal Lobectomy // *Lancet*. 2. 1954. Pp. 626–630.
46. Epstein. The Relationship of Altered Brain States to Sexual Psychology. P. 302.
47. См.: Stoller R. Psychoanalysis and Physical Intervention in the Brain: The Mind-Body Problem Again / в: Contemporary Sexual Behavior / Ed. Zubin and Money. P. 341.
48. См.: Wilson (ed.). Variant Sexuality.
49. См.: Gosselin Ch. Why Me? (1984) / в: Skin Two Retro. 1. London: Tim Woodward, 1991. P. 24.
50. Gosselin, Wilson. Sexual Variations. Pp. 153–154.
51. American Psychiatric Association, Diagnostic and Statistical Manual of Mental Disorders, 4th ed. rev. Washington, D.C.: American Psychiatric Association, 1994. P. 526. [В последующих ссылках обозначено как DSM.]
52. См.: Gebhard P.H. Fetishism and Sadomasochism / в: Sex Research: Studies from The Kinsey Institute / Ed. Martin Weinberg. N.Y.: Oxford University Press, 1976. P. 159.
53. Клинические исследования предпочтений, в которых участвовали 48 фетишистов, проходивших лечение в психиатрических больницах, показали, что наиболее популярными фетишами являются предметы одежды (58 %). Далее шкала популярности выглядит следующим образом: резина (23 %), части тела (15 %), обувь (также 15 %), кожа (10 %), «мягкие» материалы, такие как шелк (6 %) и одежда из мягких материалов (8 %). См.: Chalkley A.J., Powell E.E. The Clinical Description of Forty-eight Cases of Sexual Fetishism // *British*

- Journal of Psychiatry. 142. 1983. Pp. 292–295. Данная работа процитирована в: William B. Arndt, Gender Disorders and the Paraphilias. Madison, Conn.: International Universities Press, 1991. P. 183.
54. Kunzle D. Fashion and Fetishism. Totowa, N.J.: Rowman and Littlefield, 1982. P. 14.
55. DSM–3 (1987), p. 283; DSM–4 (1994), p. 26.
56. Kunzle. Fashion and Fetishism. P. xx.
57. McDougall J. Plea for a Measure of Abnormality. N.Y.: Brunner/Mazel, 1992. P. 59.
58. См.: Califa P. Beyond Leather: Expanding the Realm of the Senses to Rubber / в: Dominance: Women with Attitude // Skin Two. 11. n.d. [1993]. P. 28.
59. Ibid.
60. Freud. Fetishism. P. 152.
61. Согласно Самуэлю С. Янусу (Samuel S. Janus) и Синтии Лю Янус (Cynthia L. Janus), «22 % обследованных мужчин и 18 % женщин в общем и целом одобрительно относятся... к фетишам». Под этим подразумевается, что они находят фетиш «очень даже нормальным» (5 %) или «вполне». «11 % мужчин и 6 % женщин признались в том, что имеют опыт обращения с фетишами» (The Janus Report on Sexual Behavior [N.Y.: Wiley, 1993]. P. 122).
62. Comfort. Deviation and Variation. P. 1.
63. Wilson G. The Secrets of Sexual Fantasy. London: Dent, 1978. Pp. 100–101.
64. Morneau R.H., Rockwell R.R. Sex, Motivation, and the Criminal Offender. Springfield, Ill.: Thomas, 1980. P. 317.
65. Arndt. Gender Disorders and the Paraphilias. Pp. 201–202.
66. Wilson G., предисловие к Variant Sexuality, ed. Wilson.
67. См.: Freud S. Three Essays on the Theory of Sexuality в Standard Edition. Vol. 7. P. 153.
68. Ibid.
69. McDougall J. Theatres of the Mind: Illusion and Truth on the Psychoanalytic Stage. N.Y.: Basic Books, 1985. P. 252.
70. McDougall J. Perversions and Deviations in the Psychoanalytic Attitude: Their Effects on Theory and Practice / в: Perversions and Near-Perversions in Clinical Practice / Ed. Vogel and Myers. Pp. 178–179, 183–184, 188.
71. Stade G. The Hard-Boiled Dick: Perverse Reflections in a Private Eye / в: Perversions and Near-Perversions in Clinical Practice / Ed. Vogel and Myers. Pp. 232–233.

ГЛАВА II *Мода и фетишизм*

1. Moreau X. Op. cit.: Howell G. Chain Reactions // Vogue. September 1992. P. 532.
2. Benstock Sh., Ferris S. (eds). On Fashion. New Brunswick, N.J.: Rutgers University Press, 1994. P. 5.
3. Friedrichs D.O. The Body Taboo // Sexual Behavior. 2. 1972. P. 64.
4. High Heels. 2. 1965. P. 27.
5. Letters from Our Readers // Bizarre Life (n.d. [ca. 1966]). Vertical File, Kinsey Institute.
6. Erologica. 1. 1975. P. 6.
7. Throttle: The Book of Leather Lovers (n.p., n.d.). Human Sexuality Collection, Cornell University Collection.
8. Kitsis K. Bound by Our Image // O: Fashion, Fetish, Fantasies. No. 23. 1994. P. 33.
9. Hebdidge Di. *Subculture: The Meaning of Style*. 1979; London: Routledge, 1993. Pp. 107–108. [Курсив В.С.]
10. Evans C., Thornton M. Women and Fashion: A New Look. London: Quartet Books, 1989. P. 21.
11. Savage J. England's Dreaming. N.Y.: Martin's Press, 1992. Pp. 64, 68.
12. Op. cit.: Evans, Thornton. Women and Fashion. P. 23.

13. Из беседы автора с Вивьен Вествуд 19 сентября 1994 года.
14. Malcolm McClaren // O: Fashion, Fetish, Fantasies. No. 23. 1994. Pp. 36–38.
15. Selzer M. Terrorist Chic: An Exploration of Violence in the Seventies. N.Y.: Hawthorn Books, 1979.
16. White E. Fantasia on the Seventies / в: White E. The Burning Library / Ed. David Bergman. N.Y.: Knopf, 1994. P. 39.
17. Rose B. The Beautiful and the Damned // Vogue. November 1978. P. 326.
18. Howell. Chain Reactions. P. 532.
19. Steele V. Erotic Allure / в: The Idealizing Vision: The Art of Fashion Photography / Ed. Andrew Wilkes. N.Y.: Aperture, 1991. Pp. 81–97.
20. Madison R. Dig Black Stockings and Boots? // Sexology. 41. 1975. Pp. 25–26.
21. Jones H. The Sexual Fetish in Today's Society. North Hollywood, Calif.: Brandon House, 1965, Pp. 17–18.
22. Gagnon J. Human Sexualities. Glenview, Ill.: Scott, Foresman, 1977. Pp. 332–333.
23. Medical Aspects of Human Sexuality. June 1974. Pp. 201–202.
24. Ellis A. Sex and the Liberated Man. Secaucus, N.J.: Lyle Stewart, 1976. Pp. 77–78, 143.
25. Ibid. P. 144.
26. Myers K. Fashion „n” Passion: A Working Paper / в: Zoot Suites and Second-Hand Dresses: An Anthology of Fashion and Music / Ed. Angela McRobbie. Boston: Unwin Hyman, 1988. Pp. 189–198.
27. Brooks R. Fashion: Double Page Spread // Camerawork. January — February 1980. P. 2.
28. McDowell C. Dressed to Kill: Sex, Power & Clothes. London: Hutchinson, 1992. P. 168.
29. Ibid. (cit.) P. 178.
30. Mower S. Fashion Intelligence: Of Human Bondage // [British] Vogue. February 1991. P. 15.
31. Mitchell T. Scene & Heard: Cheek to Chic // Skin Two. No. 9. 1989. P. 18.
32. Op. cit.: Watson Sh. The New Glamour // [British] Elle. August 1994. P. 94.
33. Schor N. Female Fetishism: The Case of George Sand / в: Female Body in Western Culture: Contemporary Perspectives / Ed. Susan Rubin Suleiman. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1986. P. 371.
34. Но также имеет смысл ознакомиться с мнением Жанин Шассге-Смиржель. См.: Chasseguet-Smirgel. Freud and Female Sexuality: The Consideration of Some Blind Points in the Exploration of the „Dark Continent” / в: Sexuality and Mind: The Role of the Father and the Mother in the Psyche. N.Y.: New York University Press, 1986. Pp. 89–90.
35. Papoulias T. Fetishism / в: The Sexual Imagination from Acker to Zola: A Feminist Companion / Ed. Harriet Gilbert. London: cape, 1993. Pp. 89–90.
36. Hopkins J. The Probable Role of Trauma in Case of Foot and Shoe Fetishism: Aspects of Psychotherapy of a Six-year-old Girl // International Review of Psychoanalysis. 11. 1974. Pp. 79–91. Данная работа также цитируется в: Kohon G. Fetishism Revisited // International Journal of Psychoanalysis. 68. 1987. P. 219.
37. Gamman L., Makinen M. Female Fetishism: A New Look. London: Lawrence & Wishart, 1994. Pp. 96–102.
38. Stoller R. Observing the Erotic Imagination. New Haven, Conn.: Yale University Press, 1985. P. 137.
39. Ibid.
40. Mason M. The Making of Victorian Sexuality: Sexual Behavior and Its Understanding. Oxford: Clarendon Press, 1994. Pp. 43, 44.
41. Foucault M. The History of Sexuality. Vol. 1. An Introduction / Trans. Robert Hurley. N.Y.: Random House, 1978. Pp. 12–13.
42. Corbin A. Women for Hire: Prostitution and Sexuality in France After 1850 / Trans. Alan Sheridan. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1990. Pp. 125–126.

43. Ibid. P. 124–127.
44. Krafft-Ebing R. von. Psychopathia Sexualis with Especial Reference to the Antipathic Sexual Instinct: A Medico-Forensic Study / Trans. F.J. Rebman. 1886; N.Y.: Physicians and Surgeons Book Company, 1906, 1934. P. 249.
45. Corbin. Women for Hire. Pp. 201, 212.
46. Plummer K. Sexual Diversity: A Sociological Perspective / в: The Psychology of Sexual Diversity / Ed. Kevin Howells. Oxford: Blackwell, 1984. P. 227.
47. Ellis H. Studies in the Psychology of Sex. N.Y.: Random House, 1936. Vol. 2. Pp. 1, 3.
48. Op. cit.: The Forbidden Books of Youth // New York Times Book Review. June 6, 1993. P. 28.
В 1950-е гг. подписчики издания для фетишистов Biz-zare Club также признавались, что им доставляет удовольствие читать описанные Крафт-Эбингом истории из практики.
49. Benjamin W. Charles Baudelaire: A Lyric Poet in the Era of High Capitalism / Trans. Harry Zohn. London: New Left Books, 1973. P. 166.
50. Как написал много лет назад германский экономист Вернер Зомбарт. См.: Steele V. Fashion and Eroticism: Ideals of Feminine Beauty from the Victorian Era to the Jazz Age. N.Y.: Oxford University Press, 1985. P. 18.
51. Gamman, Makinen. Female Fetishism. Pp. 28–37, 182–183.
52. Ibid. Pp. 37, 205.
53. London Life [специальное приложение]. July 29, 1933. P. 68.
54. Kayne M. The Corset in the Eighteenth and Nineteenth Centuries. Brighton: Greenfields, n.d. [ca. 1932]. Рекламные тексты размещены на задней стороне обложки.
55. Cosmopolite. The Fascination of the Fetish // Photo Bits. May 13, 1911. Pp. 8–9.
56. Biz-zare Club. N.d.
57. Polhemus T., Proctor L. Fetish Fashion / в: Fashion 1985 / Ed. Emily White. N.Y.: St. Martin's Press, 1984. Pp. 115–126.
58. Polhemus T. Street Style: From Sidewalk to Catwalk. London: Thames and Hudson, 1994. Pp. 103–105.
59. Laver J. Modesty in Dress. Boston: Houghton Mifflin, 1969. P. 119.

ГЛАВА III *Корсет*

1. Foucault M. Discipline and Punish: The Birth of the Prison / Trans. Alan Sheridan. N.Y.: Vintage Books, 1979. Pp. 138, 25.
2. Steele V. Fashion and Eroticism: Ideals of Feminine Beauty from the Victorian Era to the Jazz Age. N.Y.: Oxford University Press, 1985. Chap. 9.
3. Surfacing // New York Times. August 21, 1994. P. 53.
4. Waist Case // Vogue. September 1994. P. 244.
5. London Life League Newsletter. 1984. No. 3. P. 1.
6. Жесткий корсет с каркасом из китового уса впервые появился в Европе в XVI в. Существовавшие в то же время железные «корсеты» не являлись предметами гардероба, это были примитивные ортопедические приспособления, с помощью которых пытались выправлять искривление позвоночника. Такое явление, как эротическая приверженность к корсету, зародилось в XVIII в., но по-настоящему широкое распространение приобрело лишь в конце следующего столетия, причем весьма стремительно, — тот же «стереотип» мы наблюдаем и в отношении обувного фетишизма.
7. Faludi S. Backlash: The Undeclared War Against American Women. N.Y.: Crown, 1991. P. 189.
8. Ibid. P. 173.
9. Ibid. Pp. 496, 499.

10. *Moralist*, опубликовано в: *Englishwoman's Domestic Magazine* [далее — EDM]. February 1871. P. 127.
11. Факир Мусафар (Fakir Musafar), цитируется в: *Modern Primitives* / Ed. V. Vale and Andrea Juno. San Francisco: Re/Search 1989. Pp. 29–30.
12. Hyggeia. Does Tight-Lacing Really Exist? // *Family Doctor*. September 3, 1887. P. 7.
13. Tight-Lacing // *Family Doctor*. March 3, 1888. P. 1.
14. Проведенное в другом музее измерение объема корсетов показало, что большинство из них позволяло уменьшить талию до 20–26 дюймов (51–66 см), но многие дамы предпочитали не тягивать шнуровку до предела, оставляя на спине зазор в 2–3 дюйма. Более подробно вопрос о размере корсетов и женского платья рассмотрен в: Steele. *Fashion and Eroticism*. Chap. 9.
15. Mistress Angel Stern. A „Corset Moment” with Pearl // *Verbal Abuse*. 1994. No. 3. P. 7.
16. Факир Мусафар (Fakir Musafar), цитируется в: *Modern Primitives* / Ed. V. Vale and Andrea Juno. Pp. 15, 8.
17. Факир Мусафар (Fakir Musafar), цитируется в: Brame G., Brame W., Jacobs J. *Different Loving: An Exploration of the World of Sexual Dominance and Submission*. N.Y.: Villard Books, 1994. P. 311.
18. Jones S. Strictly Fashionable: A Straight-Laced Look at Corsetry // *Skin Two*. 1989. No. 9. Pp. 45–47.
19. Ibid.
20. Op. cit.: Brame and al. *Different Loving*. P. 319.
21. Musafar F. The Corset and Sadomasochism // *Sandmutopia Guardian: A Dungeon Journal*. n.d. No. 11. Pp. 14–16.
22. Например, см.: *La Genie* в: EDM. September 1868. P. 166. Более подробно данный вопрос обсуждается в: Steele. *Fashion and Eroticism*.
23. Alfred, опубликовано в: EDM. January 1871. P. 62.
24. *Modern Society*. December 25, 1909. P. 22.
25. Krafft-Ebing R. von. *Psychopathia Sexualis with Especial Reference to the Antipathic Sexual Instinct: A Medico-Forensic Study* / Trans. F.J. Rebman (1886). N.Y.: Physicians and Surgeons Book Company, 1906, 1934. P. 253.
26. Sekel W. *Sexual Aberrations: The Phenomenon of Fetishism in Relation to Sex*. N.Y.: Liveright, 1930. Vol. 1. Pp. 222–224.
27. Ibid. Pp. 218–220.
28. Nora, опубликовано в: EDM. May 1867. P. 279.
29. Fanny, опубликовано в: *Queen*. July 25, 1863, перепечатано в: W.B.L. [William Barry Lord]. *The Corset and the Crinoline*. London: Ward, Lock and Tyler, n.d. [ca. 1868]. Pp. 157–158.
30. A Lady from Edinburgh, опубликовано в: EDM. March 1867, перепечатано в: W.B.L. *The Corset and the Crinoline*. P. 172; Staylace, опубликовано в: EDM. June 1867, перепечатано в: W.B.L. *The Corset and the Crinoline*. Pp. 173–174.
31. Wasp Waist, опубликовано в: *Society*. September 23, 1899. P. 1871.
32. An English Schoolgirl, опубликовано в: *Family Doctor*. September 27, 1890. P. 73.
33. Например, см.: Satin Skin в: *Society*. March 24, 1900. P. 183; и Martyr в: *Society*. April 21, 1900. P. 263.
34. A Traveller, опубликовано в *Family Doctor*. December 10, 1887. P. 235.
35. Mears L. The Vogue of the Wasp-Waist // *London Life*. April 26, 1930. P. 29.
36. Namann B. *The Reluctant Empress: A Biography of Empress Elizabeth of Austria*. N.Y.: Knopf, 1986. P. 127.
37. F.B., опубликовано в: *Society*. April 21, 1900. P. 263.
38. *Society*. December 16, 1899. P. 2109.
39. Photo Bits. February 5, 1910. P. 2.

40. Материал из частной коллекции.
41. Cohen R. Female Like Me // *New York Observer*. July 19–26, 1993. P. 13.
42. A Woman of Fifty. The Cult of Beauty in a Girl's School Forty Years Ago // *Society*. October 7, 1899. P. 1911.
43. Walter, опубликовано в: *EDM*. November 1867. P. 613.
44. Carter A. Underwear: The Fashion History. N.Y.: Drama Books, 1992. P. 36.
45. Walter, опубликовано в: *Modern Society*. December 4, 1909. P. 23.
46. La Genie, опубликовано в: *EDM*. September 1868. Pp. 166–167.
47. A Dublin Boy, опубликовано в: *EDM*. July 1868. P. 33.
48. Anti-Corpulence, опубликовано в *EDM*. March 1870. P. 192.
49. A Staidman, опубликовано в: *EDM*. January 1871. P. 63.
50. Mary Brown, опубликовано в: *Family Doctor*. June 5, 1886. P. 211.
51. *Family Doctor*. October 20, 1888. P. 121.
52. Brought Up As a Girl, опубликовано в: *Family Doctor*. June 23, 1888. P. 265; A Would Be Lady, опубликовано в: *Family Doctor*. December 8, 1888. P. 230. По мнению психиатра Роберта Столлера, это подтверждают и истории современных трансвеститов, которых в детстве ненавидящие весь род мужской родственницы заставляли носить одежду, предназначенную для девочек. Впрочем, это еще и весьма распространенная среди трансвеститов фантазия.
53. Satin Stays, опубликовано в: *Society*. August 18, 1894. Pp. 663–664.
54. Retired Colonel, опубликовано в: *Modern Society*. November 20, 1909. P. 11.
55. Reformer, опубликовано в: *Family Doctor*. December 21, 1889. P. 267.
56. Brought Up As a Girl, опубликовано в: *Family Doctor*. June 23, 1888. P. 265.
57. A Kensington Belle, опубликовано в: *Modern Society*. July 27, 1889. P. 920.
58. Welby D. Slaves of the Stay-Lace // *Modern Society*. November 20, 1909. P. 22.
59. Small Waist, опубликовано в: *Modern Society*. December 4, 1909. P. 24.
60. Recollections of a Corsetière // *London Life*. December 27, 1930. Pt. 2. P. 24.
61. Outlake O. The Gentle Art of Nerve Wrecking: Discipline in an Austrian Gymnasium of 1930, Autobiographically Assessed from an American Vantage Point. N.Y.: Olden Outlake, 1961. Pp. 50–51.
62. *London Life League*. Corsetry Education Notes. (n.d.). No. 4.
63. The Vanishing Waist?, опубликовано в: *Photo Bits*. October 29, 1910.
64. *Photo Bits*. January 22, 1910; May 14, 1910.
65. The Vogue of the Wasp-Waist // *London Life*. April 26, 1930. P. 29.
66. *Society*. May 26, 1900. P. 362.
67. A Worshipper of Wasp-Waists, опубликовано в: *London Life*. February 25, 1933. P. 58.
68. Polaire and Others // *London Life*. June 26, 1937. P. 67.
69. Granger W.A. An Exclusive Production: A Guinness Record World Smallest Waist. The Biography of Mrs. Ethel Granger. By Her Husband. n.p., n.d.
70. Comfort A. Deviation and Variation // *Variant Sexuality: Research and Theory* / Ed. Glenn Wilson. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1987. P. 4.
71. Kunzle D. Fashion and Fetishism. Totowa, N.J.: Rowman and Littlefield, 1982. P. 338.
72. Факир Мусафар/Fakir Musafar, цитируется в: *Modern Primitives* / Ed. V. Vale and Andrea Juno. Pp. 30–31.
73. *Ibid*. Pp. 30–32.
74. Перл/Pearl, из интервью, данного автору в августе 1993 г.
75. Кэти Джей (Cathie J.), из интервью, данных автору в июне и сентябре 1994 г. Все приведенные далее слова Кэти Джей также взяты из этих интервью.
76. Brame et al. Different Loving. Pp. 311, 319.
77. Лоен (Lauren), из интервью, данного автору в декабре 1994 г.

78. Hume M. Portrait of a Former Punk // *Vogue*. September 1994. P. 190.
79. Вивьен Вествуд, из беседы с автором, состоявшейся 19 сентября 1994 г.
80. Olley M. Jean-Paul Gaultier: Rascal of Radical Chic // *The Best of Skin Two* / Ed. Tim Woodward. London: Kasak books, 1993. P. 70.
81. Op. cit.: Waist Case // *Vogue*. September 1994. P. 244.
82. *New York Times*. August 28, 1994. P. 31.

ГЛАВА IV *Обувь*

1. Fairbank J.K. *The Great Chinese Revolution, 1800–1985*. N.Y.: Harper & Row, Perennial, 1987. Pp. 68–73.
2. Op. cit.: Janus S.S., Janus C.L. *The Janus Report on Sexual Behavior*. N.Y.: Wiley, 1993. Pp. 123–124.
3. Ko D. Talking About Footbinding: Discourses of Manhood and Nationhood in Late Imperial China (Доклад, представленный в дискуссионной группе «The Mindful-Body: Footbinding» («Осознание тела: практика утягивания стоп»), 46-й ежегодный съезд Ассоциации азиатских исследований/Association for Asian Studies, 26 марта 1994 г.).
4. Jicai F. *The Three-Inch Golden Lotus: A Novel on Foot Binding*, trans. David Wakefield. Honolulu: University of Hawaii Press, 1994. P. 236.
5. Rossi W.A. *The Sex Life of the Foot and the Shoe*. Ware: Wordsworth, 1977. P. 33.
6. Kern S. *Anatomy and Destiny: A Cultural History of the Human Body*. Indianapolis: Bobbs-Merrill, 1975. P. 2.
7. Perrot Ph. *Fashioning the Bourgeoisie: A History of Clothing in the Nineteenth Century* / Trans. Richard Bienvenu. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1994. P. 11.
8. Buchanan R. *The Fleishy School of Poetry* (1872). Op. cit.: Kern. *Anatomy and Destiny*. P. 82.
9. Coward D. *The Sublimations of a Fetishist: Restif de la Bretonne (1734–1806)* // *Eighteenth-Century Life*. May 1985. P. 100.
10. Magnuson A. *Hell on Hills* // *Allure*. September 1994. Pp. 128, 131.
11. Rossi. *The Sex Life of the Foot and the Shoe*. P. 149.
12. Hollander A.; op. cit.: Grimes W. *The Chanel Platform* // *New York Times*. May 17, 1992. P. 8.
13. Baynes K., Baynes K. (eds). *The Shoe Show: British Shoes Since 1790*. London: Crafts Council, 1979. P. 46.
14. *Harmonie*, опубликовано в: EDM. June 1, 1869. P. 327.
15. Robin Adair, опубликовано в: EDM. September 1, 1870. P. 190.
16. *High heels and Fred*, опубликовано в: EDM. September 1, 1869. P. 167.
17. Robin Adair, опубликовано в: EDM. December 1, 1870. P. 377.
18. *Walter*, опубликовано в: EDM. January 1871. P. 62.
19. Trasko M. *Heavenly Soles: Extraordinary Twentieth-Century Shoes*. N.Y.: Abbeville Press, 1989. P. 74.
20. *London Life*. June 10, 1933. P. 22.
21. *Happy Heels*, опубликовано в: *London Life*. May 31, 1930.
22. Mr. X. *The Cult of the High Heel* // *Photo Bits*. March 25, 1910.
23. *Six-Inch Heels*, опубликовано в: *London Life*. April 15, 1933. Pp. 44–45.
24. *Photo Bits*. June 2, 1910.
25. *Peggy Paget's Patent Paralyzing Pedal Props* // *Photo Bits*. May 14, 1910.
26. *High Heels*. January 1962. Pp. 7–11.
27. *Ibid.*
28. *High Heels*. February 1962. P. 37.

29. High-Heeled, опубликовано в: London Life. May 31, 1930.
30. High Heels. January 1962. Pp. 9–10.
31. Ibid. Pp. 8–9.
32. Leg Show. September 1994. Pp. 16, 78–81.
33. Krafft-Ebing R. von. Psychopathia Sexualis with Especial Reference to the Antipathic Sexual Instinct: A Medico-Forensic Study / Trans. F.J. Rebman (1886). N.Y.: Physicians and Surgeons Book Company, 1906, 1934. Pp. 172–175.
34. Op. cit.: Ellis H. Studies in the Psychology of Sex. N.Y.: Random House, 1936. Vol. 2. Pt. 1. Pp. 33–34.
35. Ibid. Pp. 34–35.
36. Ibid. Pp. 34–38.
37. Фотокопия, хранящаяся в отделе фетишей Института Кинси (Kinsey Institute).
38. London Life. May 13, 1933. P. 22.
39. Newton H., intro. Karl Lagerfeld, with comments by Helmut Newton. N.Y.: Pantheon Books, 1987, image 36.
40. Panty Raid; см.: Wade C. Panty Raid and Other Stories of Transvestism and Female Impersonation. N.Y.: Selbee, 1963.
41. Booted Master. N.Y.: Star, n.d. [ca. 1980]. Pp. 8, 5.
42. Ibid. Pp. 15–17, 19, 41.
43. Ibid. Pp. 3, 42, 46, 75–77, 163.
44. Wilson G. Boot-Licking Slave. n.p., n.d. P. 149.
45. Parker R.G. Bodies, Pleasures and Passions: Sexual Culture in Contemporary Brazil. Boston: Beacon Press, 1991. Pp. 52–53.
46. A Susceptible Bachelor, опубликовано в: EDM. October 1, 1870. P. 253.
47. Nimrod, опубликовано в: EDM. October 1, 1870. P. 254.
48. Stoller R. Sex and Gender: On the Development of Masculinity and Femininity. N.Y.: Science House, 1968. P. 219.
49. История болезни, записанная миссис X. Хаг-Хелльмут (Mrs. H. Hug-Hellmuth). Op. cit.: Stekel W. Sexual Aberrations: The Phenomenon of Fetishism in Relation to Sex / Trans. Samuel Parker. N.Y.: Liveright, 1971. Vol. 1. P. 295.
50. Leg Show. September 1994. P. 105.
51. Becker E. The Denial of Death. N.Y.: Free Press, 1973. P. 237.
52. Ibid. P. 236.
53. Ibid. Pp. 235–236.
54. Stekel. Sexual Aberrations. Vol. 1. P. 227.
55. Ibid. P. 31.
56. Интернет, 1994 г.
57. Meyers J. Scott Fitzgerald. N.Y.: HarperCollins, 1994. Pp. 12–14.
58. Becker. The Denial of Death. P. 235.
59. Ibid. P. 236.
60. Glover E. Sublimation, Substitution and Social Anxiety. 1931; см.: On the Early Development of Mind. London: Imago, 1956. Pp. 146–147.
61. Glover E. A Note of Idealization. 1938; Ibid. Pp. 293–294.
62. Krafft-Ebing. Psychopathia Sexualis. Pp. 261–262.
63. Ibid. Pp. 262–264.
64. В качестве примера см.: Nizer L. My Life in Court. Garden City, N.Y.: Doubleday, 1961. Pp. 199–204.
65. В качестве примера см.: Gebhard P.H. Fetishism and Sadomasochism / в: Sex Research: Studies from The Kinsey Institute / Ed. Martin Weinberg. N.Y.: Oxford University Press, 1976. P. 159.

66. Op. cit.: Rossi. The Sex Life of the Foot and the Shoe. P. 183.
67. Dietz M.E., Evans B. Pornographic Imagery and Prevalence of Paraphilia // American Journal of Psychiatry. 139. 1982. См.: Arndt W.B. Gender Disorders and the Paraphilias. Madison, Conn.: International Universities Press, 1991. P. 176.
68. Hanson D. Just My Opinion: Perfect Strangers // Leg Show. September 1994. Pp. 4–5.
69. Gebhard. Fetishism and Sadomasochism. P. 160.
70. Magnuson. Hell on Hills. Pp. 128, 130, 131.
71. Bearden F. Cruel Shoes // Bizarre. 1994. No. 4. Pp. 46–49.
72. Boots are Made for Walking // Bizarre. 1994. No. 4. P. 54.
73. Stoller R. Pain and Passion: A Psychoanalyst Explores the World of S&M. N.Y.: Plenum, 1991. Pp. 84–85.
74. Vive la Difference // Wall Street Journal. October 15, 1984. P. 35.
75. Magnuson. Hell on Hills. P. 130.
76. Ferragamo S. Shoemaker of Dreams. London: Harrap, 1957. Pp. 208, 69.
77. Мной была изучена подборка каталогов Frederick's of Hollywood и Victoria Secret (в первую очередь из собрания Института Кинси (Kinsey Institute)).
78. High Heels. February 1962. P. 2.
79. Magnuson. Hell on Hills. Pp. 130–131.
80. Burbach H. Shoe Crazy // Atlantic. May 1986. P. 87.
81. Little F.R. Sitting Pretty // Allure. June 1994. Pp. 34, 149.

ГЛАВА V *Нижнее белье*

1. Информационный листок заведения Lingerie Lounge, расположенного по адресу: 216 West Fiftieth Street, New York, N.Y.
2. Carter A. Underwear: The Fashion History. N.Y.: Drama Books, 1992. P. 15.
3. Buck A. Foundations of the Active Woman // La Belle Epoch: Costume, 1890–1914 / Ed. Ann Saunders. London: Costume Society, 1968. P. 43.
4. Zola E. Au bonheur des dames. 1883; Paris: Livre de Poche, n.d. P. 478.
5. Op. cit.: Aretz G. The Elegant Woman from the Rococo Period to Modern Times / Trans. James Laver. London: Harrap, 1932. P. 273.
6. Lady's Realm. April 1903; Mrs. Eric Pritchard. The Cult of Chiffon. London: Grant Richards, 1902, op. cit.: Steele V. Fashion and Eroticism: Ideals of Feminine Beauty from the Victorian Era to the Jazz Age. N.Y.: Oxford University Press, 1985. P. 195.
7. Tramar C. de. Le Breviare de la femme. Paris: Havard, 1903; op. cit.: Steele. Fashion and Eroticism. P. 207.
8. Baroness d'Orchamps. Tous les secrets de la femme. Paris, 1907. Pp. 78–79.
9. Satin Waist, опубликовано в: Society. September 23, 1899. P. 1871.
10. Modern Society. October 13, 1900. P. 1555.
11. Modern Society. October 31, 1903. P. 1648.
12. The Strange history of Lace Petticoat // Modern Society. April 23, 1892. P. 713.
13. Stekel W. Sexual Aberrations: The Phenomenon of Fetishism in Relation to Sex. N.Y.: Liveright, 1930. Vol. 1. Pp. 126–127.
14. Газетная вырезка, хранящаяся в картотеке «Underwear» Института Кинси (Kinsey Institute).
15. Hirshfeld M. Sexual Anomalies and Perversions: Physical and Psychological Development, Diagnosis and Treatment, comp. and ed. Norman Haire. 1938; London: Encyclopaedic Press, 1962. P. 578.
16. Stoller R. Pain and Passion: A Psychoanalyst Explores the World of S&M. N.Y.: Plenum, 1991. Pp. 83–84.

17. Из картотеки Института Кинси (Kinsey Institute).
18. Hirshfeld M. Transvestites: The Erotic Drive to Cross Dress / Trans. Michael Lombardi-Nash. Buffalo: Prometheus Books, 1991. P. 63.
19. Le Sport (1873), op. cit.: Romi. Histoire pittoresque du pantalon feminine. Paris: Jacques Grancher, 1979. P. 68.
20. Maizeroy R. L'Adoree (1887), op. cit.: Romi. Histoire pittoresque du pantalon feminine. P. 74.
21. Kendall D. Pampered in Panties // Repartee. 1993. 12. P. 43.
22. Из частной беседы с Дианой Кендалл, 29 апреля 1993 г.
23. Op. cit.: William B. Arndt, Gender Disorders and the Paraphilias. Madison, Conn.: International Universities Press, 1991. Pp. 86–87.
24. Lover of Lingerie, опубликовано в: London Life. March 6, 1933. P. 23.
25. Undercover News // Carlson Wade, Panty Raid and Other Stories of Transvestism and Female Impersonation. N.Y.: Selbee, 1963.
26. Erolastica [catalogue]. December 1974. P. 16; Candy Pants // Playgirl. June 1976. P. 113.
27. Masters W.H., Johnson V.E., Kolodny R.C. Heterosexuality. N.Y.: HarperCollins, 1994. Pp. 216–217.
28. Krafft-Ebing R. von. Psychopathia Sexualis with Especial Reference to the Antipathic Sexual Instinct: A Medico-Forensic Study / Trans. F.J. Rebman. 1886; N.Y.: Physicians and Surgeons Book Company, 1906, 1934. Pp. 250–251.
29. Stekel. Sexual Aberrations. Vol. 1. P. 100.
30. Unacceptable Lace of Capitalism // Economist. October 9, 1993. P. 76.
31. Bornoff N. Pink Samurai: Love, Marriage & Sex in Contemporary Japan. N.Y.: Pocket Books, 1991. Pp. 295–296, 71.
32. Hirshfeld. Sexual Anomalies and Perversions. Pp. 583–587.
33. Love B. Encyclopedia of Unusual Sex Practices. Fort Lee, N.J.: Barricade Books, 1992. P. 111.
34. Panty Raid // Carlson Wade. Panty Raid.
35. Stoller R. Perversion: The Erotic Form of Hatred. N.Y.: Pantheon Books, 1975. P. 81.
36. Panty Raid // Carlson Wade. Panty Raid.
37. Martin R. Ideology and Identity: The Homoerotic and Homospectatorial Look in Menswear Imagery and George Platt Lynes' Photograph of Carl Carlson (доклад, прочитанный на ежегодном заседании The Costume Society of America (Американского общества изучения костюма), Монреаль, май 1994 г.).
38. Bennet-England R. Dress Optional: The Revolution in Menswear. London: Peter Owen, 1967. P. 42.
39. Ibid. Pp. 44–45.
40. Каталоги товаров и другая рекламная продукция из собрания Института Кинси.
41. Steele V. Clothing and Sexuality // Men and Women: Dressing the Part / Ed. Claudia Kidwell and Valerie Steele. Washington, D.C.: Smithsonian Institution Press, 1989. Pp. 56–57.
42. Steele V. Calvinism Unclothed // Dressing Quarterly. Fall 1992. P. 32.
43. Shaw D. Unmentionables? No More // New York Times. August 14, 1994. Pp. 49, 52.
44. Рекламное объявление для Spurt, «the for underwear fetish fans» («интерактивного журнала для преданных поклонников бельевых фетишей») // Gay Times. January 1994. P. 35.
45. Walters P. The Nylon Mystique: The Garter Belt // Nylon Jungle. 1967. 4. Pp. 25, 49.
46. Her Lingerie Limbo // Nylon Jungle. 1967. 4. Pp. 4, 18, 21.
47. Levine I. Fashion & Fetish // Details. March 1994. P. 158.
48. Постер из собрания Института Кинси.
49. Stekel. Sexual Aberrations. Vol. 1. Pp. 86–87.
50. La Vie parisienne (1888); op. cit.: Kunzle D. Fashion and Fetishism. Totowa, N.J.: Rowman and Littlefield, 1982. P. 60.

51. Op. cit.: Jones S. *Sheer Pleasure // Skin Two Retro 1*. London: Tim Woodward, 1991. P. 71.
52. Op. cit.: Durngat R. *Rubber with Violence // International Times*. November 14–27 [n.y.]. P. 9 // Карпотека «Inanimate Fetishism», Институт Кинси (Kinsey Institute).
53. Gebhard P.H. *Fetishism and Sadoomasochism // Sex Research: Studies from The Kinsey Institute / Ed. Martin Weinberg*. N.Y.: Oxford University Press, 1976. P. 160.
54. *Modern Society*. December 18, 1909. P. 23.
55. *Society*. August 8, 1895. P. 642; June 30, 1900. P. 463.
56. Journal entry (заметка в журнале). April 12, 1890 // *Pages from The Concourt Journal / Ed. and trans. Robert Baldick*. Oxford: Oxford University Press, 1978. Pp. 356–357.
57. Perot Ph. *Fashioning the Bourgeoisie: A History of Clothing in the Nineteenth Century / Trans. Richard Bienvenu*. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1994. P. 106.
58. Collins C.C. *The Love of a Glove*. N.Y.: Fairchild, 1947. Pp. 3–15.
59. Lenine G. *Sex on the Screen: Eroticism in Film / Trans. D. Jacobs*. N.Y.: St. Martin's Press, 1985. P. 72.
60. Podolsky E., Wade C. *Erotic Symbolism: A Study of Fetishism in Relation to Sex*. N.Y.: Epic, 1960. P. 117.
61. Op. cit.: Collins. *The Love of a Glove*. Pp. 67–68.
62. *Undercover News // Wade. Panty Raid*.
63. Каталог Frederic's of Hollywood из собрания Института Кинси.
64. Herdt G., Stoller R. *Intimate Communications: Erotics and the Study of Culture*. N.Y.: Columbia University Press, 1990. Pp. 59–69.
65. Godwin J. *Nudity — The Year's Most Popular Fashion // Penthouse Forum*. May 1974. Pp. 22–27.
66. Dingwall E.J. *The American Woman: An Historical Study*. N.Y.: Rinehart, 1956. Pp. 183–185; Glynn P. *Skin to Skin: Eroticism in Dress*. N.Y.: Oxford University Press, 1982. Pp. 31–57.
67. Gebhard. *Fetishism and Sadoomasochism*. P. 160.
68. Farnsworth C. *Shirts On, Shirts Off: Canadian Feminists Protest an Indecency Law // New York Times*. September 6, 1992. P. 3.
69. Veyne P., ed. *A History of Private Life. Vol. 1, From Pagan Rome to Byzantium*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1987. P. 203.
70. Из интервью Жан-Поля Готье // [журналист Richard Smith]. *Gay Times*. January 1994. P. 58.
71. Ibid.
72. *Panty Raid // Wade. Panty Raid*.
73. Stoller R. *Sex and Gender: On the Development of Masculinity and Femininity*. N.Y.: Science House, 1968. P. 220.
74. Op. cit.: DeCaro F. *Out from Under // New York Newsday*. April 7, 1994. P. B43.
75. DuCann Ch. *Love and Death on the London Catwalk // Guardian*. October 15, 1990. P. 36.
76. Ночная сорочка — это еще один предмет, устроенный таким образом, чтобы играть определенную роль на сексуальной арене, каковой в данном случае является спальня. Исследования трансвестизма неоднократно показывали, что каждый четвертый трансвестит, собираясь заняться сексом, надевает ночную сорочку. Из 1972 участвовавших в исследованиях трансвеститов 504 ответили на вопрос, какие предметы одежды необходимы им для полноценного секса; ими были названы: ночная сорочка (27 %), женские трусы (20 %), моделирующие бюстгалтеры (18 %), чулки (17 %), обувь на высоком каблуке (11 %), полный комплект женской одежды (20 %). См.: Gosselin Ch., Wilson G. *Fetishism, Sadoomasochism and Related Behaviours // The Psychology of Sexual Diversity / Ed. Kevin Howells*. Oxford: Blackwell, 1984. P. 98.
77. Dr. Daumas. *Hygiene et medecine (1861)*, op. cit.: Perot Ph. *Les Dessus et les dessous de la bourgeoisie: Une histoire du vetement au XIXe siècle*. Paris: Fayard, 1981. P. 267.
78. Карпотека «Cat Girl», Институт Кинси (Kinsey Institute).
79. Cavaco P., Natori J. Op. cit.: DeCaro. *Out from Under*.

80. Op. cit.: Micheli R. Dreaming of a White Christmas // *Money*. December 1986. P. 117.
81. Horchswender W. Pins and Needles // *Harper's Bazaar*. June 1994. P. 164.
82. Brand C. Fetish. London: Luxor Press, 1970. P. 24.
83. Jackson J. Summer in Brief // *Harper's Bazaar*. July 1994. P. 20.

ГЛАВА VI *Вторая кожа*

1. Bushnell C. Rubber Wear // *Vogue*. September 1994. P. 254.
2. Mitchell T. Scene & Heard: Cheek to Chick // *Skin Two*. 1989. No. 9. Pp. 18–21.
3. Op. cit.: Little F.R. Sitting Pretty // *Allure*. June 1994. Pp. 154, 149.
4. Deleuze G. Masochism: An Interpretation of Coldness and Cruelty. N.Y.: Braziller, 1971. Appendix 2. P. 234.
5. Захер-Мазох Л. фон. Венера в мехах / Sacher-Masoch L. von. Venus in Furs / Trans. Jean McNeil, op. cit.: Ibid. P. 201.
6. Studlar G. Masochism, Masquerade, and the Erotic Metamorphoses of Marlene Dietrich // *Fabrications: Costume and the Female Body* / Ed. Jane Gaines and Charlotte Herzog. N.Y.: Routledge, 1990. Pp. 234–237.
7. Sacher-Masoch. Venus in Furs, op. cit.: Deleuze. Masochism. Pp. 201–202.
8. Bloch I. The Sexual Life of Our Time / Trans. M. Eden Paul. 1908; N.Y.: Allied, 1928. P. 150.
9. Krafft-Ebing R. von. Psychopathia Sexualis with Especial Reference to the Antipathic Sexual Instinct: A Medico-Forensic Study / Trans. F.J. Rebman. 1886; N.Y.: Physicians and Surgeons Book Company, 1906, 1934. Pp. 271–272.
10. Ibid. P. 272.
11. Ibid. Pp. 270–271.
12. Hirshfeld M. Sexual Anomalies and Perversions: Physical and Psychological Development, Diagnosis and Treatment, comp. and ed. Norman Haire. 1938; London: Encyclopaedic Press, 1962. P. 575.
13. Wood R. Fur Fetishism // *Sexology*. February 1956. Pp. 427–431.
14. Krafft-Ebing. Psychopathia Sexualis. P. 274.
15. London Life. May 27, 1933. P. 43.
16. Black Velvet, опубликовано в: London Life. May 13, 1933. P. 22.
17. Cosmopolite. The Fascination of Fetish // Photo Bits. May 13, 1911. Pp. 8–9.
18. Krafft-Ebing. Psychopathia Sexualis. P. 276–277.
19. Ibid. Pp. 274–275.
20. Clerambault G.G. de. Passion erotique des etoffes chez la femme. 1908; Paris, Empecheurs de Penser en Rond, 1991. P. 19.
21. Matlock J. Masquerading Women, Pathologized Men: Cross-Dressing, Fetishism, and the Theory of Perversion, 1882–1935 // *Fetishism as Cultural Discourse* / Ed. Emily Apter and William Pietz. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 1993. Pp. 31–61.
22. Размноженная на мимеографе корреспонденция Biz-zare Club, подборка за 1954 г., из собрания Института Кинси.
23. И Punished in Silk. N.Y.: Exotique, [early 1960s]), и Mistress in Satin. N.Y.: Exotique, [early 1960s]) — это фотоистории в мягкой обложке.
24. Undercover News // Carlson Wade, Panty Raid and Other Stories of Transvestism and Female Impersonation. N.Y.: Selbee, 1963.
25. Natural Rubber Company, brochure. London, n.d.
26. Silk Mac, опубликовано в: London Life. February 25, 1933. P. 44.
27. Rubber Lover, опубликовано в: London Life. May 13, 1933. P. 23.

28. Chromium Kid, опубликовано в: London Life. March 25, 1933. Pp. 44–45.
29. MacAmour, опубликовано в: London Life. April 15, 1933. P. 55.
30. London Life. May 20, 1933. P. 20.
31. London Life. September 30, 1933. P. 31.
32. Oil Skin, опубликовано в: London Life. May 25, 1940. P. 67.
33. Корреспонденция Biz-zare Club, подборка за 1954 г., из собрания Института Кинси.
34. Arndt W.B. Gender Disorders and the Paraphilias. Madison, Conn.: International Universities Press, 1991. P. 207.
35. Brand C. The Kinky Crowd. Vol. 1. The Rubber Devotee and The Leather Lover. London: Luxor Press, 1970. Pp. 14–15.
36. Op. cit.: Freeman G. The Undergrowth of Literature. London: Nelson, 1967. P. 157.
37. Ibid. Pp. 146–148.
38. Natural Rubber Company. Just to Show You What We Can Do [pamphlet]. London, n.d. [ca. 1965].
39. Bledsoe R. Male Sexual Deviations and Bizarre Practices. Los Angeles: Sherborne, 1964. Pp. 135–138.
40. Мари Констанс из: Dressing for Pleasure/Marie Constance of Dressing for Pleasure, из интервью, данного автору весной 1994 г.
41. Op. cit.: Stoller R. Pain and Pleasure: A Psychoanalyst Explores the World of S&M. N.Y.: Plenum, 1991. Pp. 278–279.
42. Ibid. Pp. 279–282.
43. Stekel W. Sexual Aberrations: The Phenomenon of Fetishism in Relation to Sex / Trans. Samuel Parker. N.Y.: Liveright, 1971. Vol. 1. Pp. 103–107.
44. Farren M. The Black Leather Jacket. N.Y.: Abbeville Press, 1985. P. 22.
45. Townsend L. The Leatherman's Handbook. Beverly Hills, Calif.: Le Salon, 1970, 1974, 1977. P. 282.
46. Mays R.F. Leather and Things [catalogue]. 1977. Cornell Human Sexuality Collection.
47. Hard Leather. N.Y.: Star, 1980. Pp. 22–28.
48. Townsend. The Leatherman's Handbook. P. 221.
49. Grumley M., Gallucci E. Hard Corps: Studies in Leather and Sado-masochism. N.Y.: Dutton, 1977. N.p.
50. Russo V. Why Is Leather Like Ethel Merman? // Village Voice. April 15–21, 1981. P. 37.
51. Preston J. What Happened? // Leatherfolk: Radical Sex, People, Politics, and Practice / Ed. Mark Thompson. Boston: Alyson, 1991. P. 212.
52. Grumley, Gallucci. Hard Corps.
53. Op. cit.: Brame G. William Brame, and Jon Jacobs, Different Loving: An Exploration of the World of Sexual Dominance and Submission. N.Y.: Villard Books, 1994. P. 96.
54. Op. cit.: Longway L. Going Hell-for-Leather // Newsweek. October 19, 1981. P. 90.
55. McDowell C. Dressed to Kill: Sex, Power & Clothes. London: Hutchinson, 1992. Pp. 12, 31, 48.
56. Califa P. Beyond Leather: Expanding the Realm of the Senses to Rubber // Dominas: Women with Attitude // Skin Two. N.d. [1993]. No. 11. P. 29.
57. T.S., опубликовано в: Family Doctor. February 16, 1889. P. 393.
58. Например, см.: The Latest Fashionable Craze // Society. March 25, 1899. P. 1341.
59. Auntie's Idol, опубликовано в: London Life. September 30, 1933. P. 62.
60. Piercing Fans International. October 1, 1977. P. 4.
61. Чарльз Гейтвуд (Charles Gatewood), интервью, включенное в: McCormick C. American Primitive // Paper. Summer 1993. P. 26.
62. Op. cit.: Trebay G. Primitive Culture // Village Voice. November 12, 1991. P. 37.
63. Op. cit.: Menkes S. Fetish or Fashion? // New York Times. November 23, 1993. Sec. 9. Pp. 1, 9.
64. Alien Beauty // Paper. November 1993. P. 39.
65. Perret E. Urban Savages // Esquire Gentleman. Fall 1993. P. 103.

ГЛАВА VII *Мода, фетиши, фантазия*

1. Freud S. Formulations on the Two Principles of Mental Functioning // The Standard Edition of the Complete Psychological Works. London: Hogarth Press and The Institute for Psychoanalysis, 1953–1975. Vol. 12. P. 222.
2. Feeney Sh.A. Time to Dress for Sexcess // Daily News „New York Life”. February 12, 1989. P. 3.
3. Op. cit.: Servin J. Chic or Cruel? // New York Times. November 1, 1992. Sec. 9. P. 10.
4. Harper’s Bazaar. September 1992. P. 319.
5. Op. cit.: Servin. Chic or Cruel? P. 10.
6. Рэндалл (Randall), интервью, данное автору в июне 1993 г.
7. Op. cit.: Servin. Chic or Cruel? P. 10.
8. Wilson E. Making an Appearance // Stolen Glances: Lesbians Take Photographs / Ed. Kate Boffin. N.Y.: Harper & Row, 1991. P. 25.
9. Op. cit.: Servin. Chic or Cruel? P. 10.
10. Laplanche J., Pontalis J.-B. Fantasy and the Origins of Sexuality // Formations of Fantasy / Ed. Victor Burgin et al. London: Methuen, 1986. Pp. 18–20.
11. Cowie E. Pornography and Fantasy: Psychoanalytic Perspectives // Sex Exposed: Sexuality and the Pornography Debate / Ed. Lynn Segal and Mary McIntosh. New Brunswick, N.J.: Rutgers University Press, 1993. Pp. 137–139.
12. Ibid. Pp. 135–136.
13. Stoller R. Observing the Erotic Imagination. New Haven, Conn.: Yale University Press, 1985. Pp. 155.
14. Kaplan L. Female Perversions: The Temptations of Emma Bovary. N.Y.: Doubleday, 1991. P. 54.
15. Bak R.C. The Phallic Woman: The Ubiquitous Fantasy in Perversions // Psychoanalytic Study of the Child. 1968. 23. P. 35.
16. Mistress Jacqueline // Catherine Tavel and Robert H. Rimmer, Whips and Kisses: Parting the Leather Curtain. Buffalo: Prometheus Books, 1991. Pp. 228–229.
17. Мадам Сади (Madame Sadi), цитируется в: Skin Two. N.d. [1993]. No. 11. P. 24.
18. McDougall J. Theatres of the Mind: Illusion and Truth on the Psychoanalytic Stage. N.Y.: Basic Books, 1985. P. 45.
19. Пэт Калифа (Pat Califa), цитируется в: Cowie. Pornography and Fantasy. P. 150.
20. Из частной беседы.
21. West L. Letter from Japan // Repartee. N.d. No. 14. P. 48.
22. Рекламное объявление Shemale, размещено в: Female Impersonator News. N.d. No. 42. P. 4.
23. Townsend L. The Leatherman’s Handbook. Beverly Hills, Calif.: Le Salon, 1970, 1974, 1977. P. 143.
24. Карточка «Fetish — Costume — Leather», Институт Кинси (Kinsey Institute).
25. Townsend. The Leatherman’s Handbook. Pp. 302–303.
26. Ibid. Pp. 282–286.
27. G.B.M. Leathers, рекламная листовка, из картотеки: Clothing Catalogs (Male) (U.S.) (20th Century). Институт Кинси (Kinsey Institute).
28. Townsend. The Leatherman’s Handbook. Pp. 217–218.
29. Рон (Ron), цитируется в: Stoller R. Pain and Passion: A Psychoanalyst Explores the World of S&M. N.Y.: Plenum, 1991. P. 282.
30. Joseph N. Uniforms and Nonuniforms: Communicating Trough Clothing. N.Y.: Greenwood Press, 1986. Pp. 66–68, 106–107, 116.
31. Hirschfeld M. Die Homosexualitat, цитируется в: Stekel W. Sexual Aberrations: The Phenomenon of Fetishism in Relation to Sex / Trans. Samuel Parker. N.Y.: Liveright, 1971. Vol. 1. Pp. 305–307.
32. Op. cit.: F. Valentine Hooven III. Tom of Finland: His Life and Times. N.Y.: St. Martin’s Press, 1993. P. 23.
33. Broch H. The Sleepwalkers / Trans. Willa Muir and Edwin Muir. 1931; N.Y.: Pantheon, 1964. P. 21.

34. Kalisch B.J., Kalisch Ph.A., McHugh M.L. The Nurse as a Sex Object in Motion Pictures, 1930 to 1980 // *Research in Nursing and Health*. 1982. 5. Pp. 147, 152.
35. Pally M. Sorrow and Silk Stockings: The Woeful State of Femme // *Advocate*. September 17, 1985. P. 35.
36. Op. cit.: Howell G. Chain Reactions // *Vogue*. September 1992. P. 620.
37. Mower S. Who'd Be a Bond Girl? // *Harper's Bazaar*. December 1994. P. 150.
38. Op. cit.: Voller D. Madonna: The Style Book. London: Omnibus Press, 1992. Pp. 40–41.
39. Op. cit.: Steele V. Women of Fashion: Twentieth-Century Designers. N.Y.: Rizzoli, 1991. P. 160.
40. Silverman K. Fragments of Fashionable Discourse // *Studies in Entertainment: Critical Approaches to Mass Culture* / Ed. Tania Modelski. Bloomington: Indiana University Press, 1986. Pp. 145, 147.
41. Op. cit.: Servin. Chic or Cruel? P. 10.
42. Я позаимствовала эту фразу у Дональда Симонса. См.: Symons D. The Evolution of Human Sexuality. N.Y.: Oxford University Press, 1979. P. 304.
43. Money J. Gay, Straight, and In-Between: The Sexology of Erotic Orientation. N.Y.: Oxford University Press, 1988. Pp. 136–137, 149, 159, 169–184.
44. Freud and Fetishism: Previously Unpublished Minutes of the Vienna Psychoanalytic Society / Trans. and ed. Louis Rose // *Psychoanalytic Quarterly*. 1988. 57. P. 156.
45. Faurschou G. Fashion and the Cultural Logic of Postmodernity // *Body Invaders: Panic Sex in America* / Ed. Arthur Kroker and Marilouise Kroker. Montreal: New World Perspectives, 1987. P. 83.
46. Pacteau F. The Symptom of Beauty. London: Reaktion Books, 1994. P. 191.
47. Tucker S. The Hanged Man // *Leatherfolk: Radical Sex, People, Politics, and Practice* / Ed. Mark Thompson. Boston: Alyson, 1991. P. 11.
48. Woodhouse A. Fantastic Women: Sex, Gender and Transvestism. London: Macmillan, 1989. Pp. 139, 144.
49. Duka J. Should Women Dress Like Men? // *New York Times Magazine*. March 4, 1984. P. 175.
50. Mitchell T. Frock Tactics // *Skin Two*. 1994. No. 14. Pp. 58–59.
51. Plummer K. Sexual Diversity: A Sociological Perspective // *Psychology of Sexual Diversity* / Ed. Kevin Howells. Oxford: Blackwell, 1984. Pp. 244–245.
52. Kitsis K. Costume Drama // *Skin Two Retro* 1. London: Tim Woodward, 1991. P. 40.
53. Olley M. Jean-Paul Gaultier: Rascal of Radical Chic // *The Best of Skin Two* / Ed. Tim Woodward. London: Kasak Books, 1993. P. 48.
54. Op. cit.: Smith R. Jean-Paul Gaultier: Half a Rebel // *Gay Times*. January 1994. P. 58.
55. O: Fashion, Fetish, Fantasy. N.d. [1992]. No. 13. P. 4.
56. Steele V. Paint It Black // *View on Color*. 1992. 1. Pp. 64–69.
57. Katz J. Seductions of Crime: Moral and Sensual Attractions in Doing Evil. N.Y.: Basic Books, 1988. Pp. 358, 72, 81.
58. Chasseguet-Smirgel J. Creativity and Perversion. N.Y.: Norton, 1985. P. 9.
59. Silverman K. Man Subjectivity at the Margins. N.Y.: Routledge, 1992. P. 187.
60. Fisher S. Sexual Images of the Self: The Psychology of Erotic Sensations and Illusions. Hillsdale, N.J.: Erlbaum, 1989. Pp. 216, 214–217.
61. Op. cit.: La Ferla R. Terminatrix Style // *Elle*. June 1994. P. 62.
62. Mason M. The Making of Victorian Sexuality: Sexual Behavior and Its Understanding. Oxford: Clarendon Press, 1994. Pp. 99–100.
63. Dollimore J. Sexual Dissidence: Augustine to Wiled, Freud to Foucault. Oxford: Clarendon Press, 1991. Pp. 222–223.
64. Michael V., цитируется в: Brame G., Brame W., Jacobs J. Different Loving: An Exploration of the World of Sexual Dominance and Submission. N.Y.: Villard Books, 1994. p. 396.

65. Ackerman D. *A Natural History of Love*. N.Y.: Random House, 1994. Pp. 243–244.
66. Op. cit.: North M. *The Outer Fringe of Sex*. London: Odyssey Press, 1970. P. 40.
67. См. главы 1 и 2.
68. McDougall J. Identifications, Neoneeds, and Neosexualities // *International Journal of Psychoanalysis*. 1986. 67. P. 20.
69. Davis F. *Clothing and Fashion as Communication* // *The Psychology of Fashion* / Ed. Michael Solomon. Lexington, Mass.: Lexington Books, 1985. Pp. 24–25.

Предметный и именной указатель

1930-е годы:

популярность пирсинга среди фетишистов, гл. VI (150–152);

порнографическая фотография, гл. III (81), VI (145);

производство фетишистского нижнего белья в ностальгическом стиле, гл. V (113)

1940-е годы: стиль ню-лук, гл. II (53)

1950-е годы:

банды на мотоциклах и кожаный антураж, гл. VI (145);

всплеск интереса к фетишизму со стороны психиатрии, гл. II (54);

мода на корсетные изделия, гл. II (54), V (130);

«серебряный век фетишизма», гл. II (53)

1960-е годы:

движение «за сексуальное освобождение», гл. II (35);

культурный радикализм, гл. II (40);

мода на кожу, гл. VI (148);

мужское белье в стиле бикини, гл. V (122);

синие джинсы как эротический символ, гл. V (122)

1970-е годы:

пик моды на кожу, гл. VI (148);

появление синтетических заменителей резины, гл. VI (139);

появление стиля панк, гл. II (37), VII (180);

устрашающий шик, гл. II (37);

фетишистский бутик Вивьен Вествуд, гл. II (38);

фотографии Хельмута Ньютона, гл. II (39–43)

1980-е годы:

«властный стиль» (power dressing), гл. II (43);

«мода на фетишизм», гл. II (54);

новые направления молодежной субкультуры, гл. II (54);

провокационная реклама нижнего белья, гл. V (123);

черный цвет модного авангарда, гл. VII (181)

1990-е годы:

мода на «сильный и сексуальный образ», гл. VII (172)

А

Австрия:

в фантазиях о корсетах, гл. III (65, 69);

обувные фетиши, гл. IV (91)

Аккерман, Диана, гл. VII (184)

Алай, Азедин, введение (8), гл. II (35), III (82)

Амазонка (женщина-воительница), гл. II (39), IV (96)

Американская психиатрическая ассоциация (American Psychiatric Association), гл. I (29)

Ампутация, гл. I (17, 22), также см. Калека, Одноногие

Анальное проникновение/введение фетиш-объектов в задний проход:

и фетишистское поклонение резине, гл. VI (144);

и обувной фетишизм, гл. IV (89)

«Анальный пенис», гл. I (22)

Английская булавка:

как модный аксессуар в контексте стиля панк, гл. II (37);

как фетиш-объект, гл. I (28, 30)

Анорексия, гл. VII (175)

Армани, Джорджио, гл. VI (149)

Армейские ботинки/сапоги, гл. II (40–41), IV (96), VII (172)

Аромат, см. Запах

Асфиксия, см. Удушье

Атлас:

как объект фетишизации, гл. VI (137–139);

как материал для изготовления обуви, гл. IV (103, 105);

как часть эротического антуража в фетишистских фантазиях, гл. II (48), V (117–119);

как «чувственный» материал, гл. III (79), V (111)

Б

Байкер/мотоциклист:

женские образы, гл. VII (166)

мужские образы в фетишистских ролевых играх, литературе, кинематографе и фетиш-моде, гл. I (16), VI (153), VII (165, 171);

Балетные туфли (пуанты):

в сравнении с корсетом, гл. III (85);

в сравнении с обувными фетишами, гл. IV (92)

Барон д'Оршам, гл. V (109)

Баронесса Варкра, гл. VII (159)

Бархат:

как самостоятельный объект фетишизации, гл. VI (136);

как олицетворение лобковых волос, гл. VI (136)

Безопасный секс, гл. VII (182)

Беккер, Эрнест, гл. IV (97–98)

Беннет-Инглэнд, Родни, гл. V (122)

Беньямин, Вальтер, гл. II (50)

Бикини:

- в сравнении с *cache-sexe* и узкими джинсами, гл. V (12, 28);
- мужские плавки, гл. V (122);
- «труссы-конфетки», гл. V (114)

Бине, Альфред, введение (10), гл. I (14)

Бланик, Маноло, гл. IV (105)

Блестящие поверхности и материалы:

- и фетишизм, гл. I (30), IV (94, 99, 104), VI (139, 142), VII (182);
- как стимул сексуального возбуждения, гл. I (30), IV (104), VII (179, 182);
- как элемент садомазохистской и порнографической эстетики, гл. IV (94, 99)

Боди-пирсинг, см. Пирсинг

Бодлер, Шарль, гл. VII (180)

Бодрийяр, Жан, гл. II (51)

Бондаж, бондажные приспособления, бондажирование, гл. II (35);

- в сексуальных ролевых играх, гл. VII (162);
- в сравнении с корсетом, гл. III (79);
- и мода, гл. II (38), VII (154);
- и обувь, гл. IV (90, 103);
- и фетишистское поклонение резине, гл. VI (134)

Бондажная порнография, гл. VII (162–168)

Бондажные гладиаторские ботинки, гл. IV (105)

Бордель/публичный дом, гл. I (22, 31), II (48), VI (136), VII (162, 168)

Босс, Медард, гл. IV (97)

Ботинки/сапоги с корсетной шнуровкой, гл. IV (105)

Ботфорты, см. Сапоги

Брандо, Марлон, гл. VI (145)

Братья Гонкур, гл. V (127)

Брох, Герман, гл. VII (168)

Брубах, Холли, гл. IV (106), VII (154)

Брукс, Розетта, гл. II (42)

Брюс, Лиза, гл. II (43–44)

Булимия, гл. II (45), VII (175)

Бушнелл, Кэндис, гл. VI (134)

Бьюкенен, Роберт, гл. IV (88)

«Бэтмен возвращается», кинофильм, гл. VII (154)

Бюстгальтер/лифчик, гл. II (53), III (73, 75), V (107, 118–119, 124, 128–133);

- как верхняя одежда, гл. III (81);
- конусовидный, гл. V (124, 130);
- статусный символ в странах третьего мира, гл. V (131);
- и трансвестизм, гл. V (130)

Бюстье, гл. V (131), VII (155);

- как часть костюма одалиски, гл. VII (164)

В

Валентино, гл. III (82)

«Варварски изуродованная карта любви», гл. VII (174)

Вебер, Брюс, гл. V (123)

Веблен, Торстейн, гл. II (51)

Вена, как арена фетишистских фантазий приверженцев тугого шнурования, гл. III (65)

«Венера в мехах», Захер-Мазох, роман, введение (10), гл. VI (135)

Версаче, Джанни, введение (9), гл. II (35), VII (154, 155–156, 171–172, 178)

«Веселая вдова» («*Merry widow*»), фасон корректирующего белья, гл. II (53)

Вествуд, Вивьен, введение (9), гл. II (38), III (80), IV (106), V (131, 133), VII (156, 163)

Викторианская эпоха:

- в ностальгических фантазиях, гл. II (53);
- моральные устои и отношение к сексуальности, гл. II (42), IV (88), VII (184);
- отношение к корсету, гл. III (57, 58, 60, 80)

Волосы лобковые:

- запрет на изображение, гл. V (115);
- и фетишизация ворсистых материалов, гл. VI (136–137);
- сравнение с оборками на нижнем белье, гл. V (119)

Вольф, Наоми, гл. VII (172, 174)

Восемнадцатый век:

- изменение моделей сексуального поведения, гл. I (24);
- начало истории фетишизма, гл. I (24), II (47);
- ранние проявления обувного фетишизма, гл. IV (89)

«Вторая кожа», гл. II (35), VI (142–143, 150), VII (159, 182)

Вторичные половые признаки, гл. I (25–27), V (129), VII (183)

Вуайеризм, гл. I (30), II (48), V (112, 117), VI (135), VII (184)

Вудхаус, Энни, гл. VII (177)

Вылизывание/лобзание сапог, гл. IV (93, 95), VII (160)

Высокие каблуки:

- в костюме раба, гл. VII (160);
- в мужском фетишистском гардеробе, гл. II (53), III (72), IV (89, 91);
- в рекламе фетишистской обуви, гл. II (52);
- в фетишистских фантазиях, гл. I (30), II (44), III (65);
- «искусство ходить на высоких каблуках», обучение, гл. III (67);
- исторические сведения, гл. IV (103–104);
- и фетишизм, введение (7, 13), гл. V (113);
- как олицетворение фаллической женщины, гл. I (19), VII (158);
- как порнографическое клише, гл. VII (153);

как символ женской агрессии и «оружие», гл. IV (92), VII (159);
как символ женской сексуальности, гл. IV (111, 113), VII (171);
как символ могущества, гл. IV (94);
как фаллоимитатор, гл. IV (92);
«семидюймовые каблуки», гл. II (52, 55), III (57);
сравнение с «колодками» и практикой утягивания стоп, гл. IV (83, 87, 90);
«часть стандартной системы сексуальных образов», гл. I (15)

Г

Гальяно, Джон, введение (9)
Гарбер, Марджори, гл. VII (177)
Гардеробные фетишисты/фетишистки, гл. VII (175)
«Гаремный культ», коллекционирование присвоенных фетиш-объектов, гл. V (114)
Гамман, Лорейн, гл. II (45, 51)
Гейтвуд, Чарльз, гл. VI (151)
Гендер:

гендерная (само)идентификация, введение (8), гл. I (30);
гендерная трансформация, гл. III (60);
«гендерно маркированное тело», гл. II (44);
гендерно структурированный мир, гл. VII (173);
гендерное значение одежды, гл. II (55), VII (177);
гендерные различия, гл. I (25, 26);
гендерные роли и стереотипы, гл. II (54), IV (92, 106), VII (153–154, 162);
гендерные стереотипы и сексизм, гл. VII (177);
гендерные стереотипы и трансвестизм, гл. VII (177);
гендерные убеждения и стратегии, гл. VII (161);
«гендерный разгул» Кельвина Кляйна, гл. V (123)

Геррик, Роберт, гл. II (46–47)

Гинзберг, Аллен, гл. II (50)

Глянцевый/«мокрый» блеск, гл. VI (143)

«Голубой бархат», кинофильм, гл. VI (137)

Гомосексуализм:

и китайская традиция утягивания стоп, гл. IV (86)

и фетишизм, гл. I (15);

Гомосексуальность, как психологическая предпосылка фетишизма, гл. I (23)

Гомосексуалисты и излюбленные фетиш-объекты:
военная униформа, гл. VII (168);
костюм ковбоя, гл. IV (95), VII (166);
костюм мотоциклиста, VI (145–146), VII (164–166);
мужские трусы, гл. V (117, 121–123);
мужские сапоги, гл. IV (95);
синие джинсы, гл. V (122);
фуфайка (исподняя рубашка), гл. V (121);

также см. Кожа, «Левайсы», Порнография, Садомазохизм, «Человек в коже»

«Госпожа», см. Доминантрикс
Госпожа Жаклин, гл. VII (159)
Госслин, Крис, гл. I (29)
Готье, Жан-Поль, введение (9), гл. II (35), III (81), IV (106), V (130), VI (151), VII (178)
Графиня де Трамар, гл. V (109)
Гринакр, Филлис, гл. I (21–22)
Грудь женская:
вторичный половой признак, гл. I (25), V (129);
объект фетишизации, гл. I (16), V (12, 19);
стимул полового возбуждения у мужчин, гл. VII (157);
фаллический символ, гл. V (129)
Грумми, Майкл, гл. VI (147–148)
Грэйнджер, Уилл и Этель, гл. III (75–76, 78)
Гэта, традиционная японская обувь на платформе, гл. IV (90)

Д

Девиантность как источник харизматической притягательности, гл. VII (182)

Девиль, Алексис, гл. III (61)

Де ла Бретонн, Рестиф, гл. IV (89)

Деловой костюм, как «униформа власти», гл. VII (170–171);

также см. Power dressing

«Дело об изнасиловании и мини-юбке», гл. VII (173)

Де Мюссе, Альфред, гл. VII (180)

Джейкобс, Марк, гл. IV (102), VII (171)

«Джилда», кинофильм, гл. V (128)

Джонс, Аллен, гл. VII (171)

Джонс, Стефани, гл. III (61)

Джонс, Чак, введение (12)

Джонсон, Бетси, гл. II (44), III (82), VII (156)

Джонсон, Вирджиния, гл. V (114)

«Диагностическое и статистическое руководство», Американская психиатрическая ассоциация, гл. I (29–31)

«Дикар» (The Wild One), фильм, гл. VI (145)

Диор, Кристиан, гл. III (53)

Дискурс о фетишизме, введение (9–13), гл. II (48)
Дисциплина:

высокого каблука, гл. IV (89);

корсета, гл. III (56, 61, 68, 72);

сапога, гл. IV (95)

Дольче и Габбана, введение (8–9)

Доминантрикс («госпожа»), гл. II (36, 39, 43), III (60, 61);

в «классической» эстетике порнографии, гл. VII (160);

в ролевых играх, гл. VII (154, 159–162);

как высшее воплощение идеи фаллической женщины, гл. VII (164);

кожа как знаковый материал в костюме доминантрикс, гл. VI (149);

образ, перенесенный в мир моды, гл. VII (155);

профессиональное отношение к визуальному воздействию, гл. VII (164);
к высоким каблукам, гл. IV (102);
к корсету, гл. VII (159, 162);
к нижнему белью, гл. V (111)
Дэвис, Фред, гл. VII (185)
Дюкани, Шарлотт, гл. V (132)

Е

Елизавета Австрийская, гл. III (66)

Ж

«Женщина или Суперженщина», серия фотографий, гл. II (39)
Женщина-кошка, гл. II (36), VII (154, 179)
Женщины-фетишистки:
в трактовке Фрейда, гл. VII (175);
и стремление к сексуальному раскрепощению, гл. III (56);
«несуществующее» или крайне редкое явление, введение (10), гл. I (15), II (45);
обожательница жокейских сапог, гл. IV (96);
похитительницы тканей, гл. VI (139);
склонность к трансвизму, гл. II (45)
Жены фетишистов, см. Супружеские отношения фетишистов

З

Зависть к пенису, гл. I (22), VII (171)
Запах:
как необходимая характеристика фетиш-объекта, гл. IV (93, 95, 101), V (114, 116), VI (135, 145, 149);
как сексуальный стимул, гл. I (28)
Захер-Мазох, Леопольд, введение (10), гл. VI (135)
Зеркало, как инструмент фетишистского самодовольствования, гл. II (39, 46);
III (63), V (120), VI (136), VII (153)
«Золотой лотос», гл. IV (84, 86–87);
сравнение с талией, утянутой до 16 дюймов, гл. IV (86)
Золушка, гл. IV (83)
Золя, Эмиль, гл. V (108), VI (138)

И

Извращения [на сексуальной почве]:
в XIX веке, гл. I (24), II (47–48), IV (88);
и мода, гл. II (36), IV (106);
и преступление, гл. I (32);
и символизм черного цвета, гл. VII (179);
и страх кастрации, гл. VII (158);
и эротический невроз, гл. VII (183);
как вызов устоявшимся представлениям и «символическому порядку», гл. VII (182);
как преимущественно мужская склонность, гл. I (17, 24, 25), IV (99);

«фетишизм» как «образцовое извращение», гл. I (23);
эстетическая составляющая, гл. IV (108)
«Извращенец»:
человек, бросающий вызов обществу, гл. VI (151), VII (182);
«это всегда кто-то другой», гл. I (33), VII (185)
Институт Кинси, гл. V (124), VII (165)
Инфантилизм, и фетишизация резины, гл. VI (142)
Искусственные конечности, см. Протез
Исправительная академия мисс Прим, гл. III (67)

К

Кавако, Пол, гл. V (132)
Кавакубо, Рей, гл. VII (181)
Калабрия, Тея, гл. IV (105)
Калека, гл. IV (94)
Калифа, Пэт, гл. I (31, 32), II (50), VI (150), VII (161)
Канкан, гл. IV (89), V (112)
Каплан, Луиза, гл. I (17–19), VII (158)
Капюшон:
как знаковая деталь фетишистского гардероба, гл. II (36);
как часть садомазохистского сценария («капюшон палача», «капюшон раба»), гл. VI (146), VII (161);
резиновый, гл. VI (141)
Каран, Донна, гл. VI (149)
Кастрация:
дело Боббитов, гл. I (19);
комплекс, гл. I (21);
психическая, гл. VI (143);
также см. Страх кастрации
Катц, Джек, гл. VII (183)
Квант, Мэри, гл. IV (105), VI (143)
Кендалл, Диана, гл. V (112)
Керн, Стивен, гл. IV (88, 89)
Киберпанки, гл. II (54)
Киберсекс, гл. VII (182)
Китай:
неоконфуцианство, гл. IV (86),
ущемление прав женщины (87);
также см. «Золотой лотос», Утягивание стоп
Китсис, Кристина, гл. II (54), VII (178)
Клептомания, гл. VI (139)
Клерамбо, Газтан, гл. VI (138–139)
Клоу, Ирвин, гл. V (113, 130), VII (174)
Кляйн, Кельвин, гл. V (123), VII (166)
Кляйн, Уильям, гл. IV (83)
Кляп, как фетишистский и садомазохистский атрибут, гл. VI (142, 146)
Книга рекордов Гиннеса, гл. III (76)
Кнут, гл. I (30–31);
также см. Плеть
Ко, Дороти, гл. IV (85)
Ковбой, см. Стилизованные образы, Фантазийные костюмы
Кода, Гарольд, гл. III (81)

Кожа:

- ботфорты, гл. II (35);
- в фетишистских фантазиях, гл. V (104);
- замша, гл. V (127), VI (149);
- запах, гл. VI (149);
- и военная атрибутика, гл. VI (146);
- и гей-культура, гл. VI (146);
- и мода, введение (12–13), гл. II (35), III (81–82), V (132–133), VI (145, 149), VII (155–156, 166, 176, 180);
- и мотоцикл, гл. VI (145–146, 148–149), VII (164–166);
- и образ доминантрикс, гл. VII (164);
- и образ фаллической женщины, гл. VII (172);
- и порнография, VI (144, 146), VII (154, 156);
- и рок-н-ролл, гл. II (37);
- и садомазохизм, гл. VI (145, 148);
- и стиль панк, гл. VI (148), VII (180–181);
- как пример «жесткого» фетиша, гл. I (29–30);
- как символ радикальных настроений, гл. II (38), VI (148);
- как фетиш-материал, гл. V (119), VI (134, 139, 145, 149);
- ковбойские штаны и чапарайо, гл. IV (95), VII (166);
- комбинезон, гл. II (36), VII (153);
- корсет, гл. III (61);
- лакированная, гл. IV (98, 102, 103), V (119), VI (145), VII (160);
- «пенисный корсет», гл. III (73);
- перчатки, гл. V (127);
- плащ, гл. II (39);
- сапоги (мужские), гл. IV (95–96);
- символ контркультуры и олицетворение статуса, гл. VI (148);
- трусы (плавки), гл. V (113, 122);
- с экзотическим рисунком («под леопарда», «под аллигатора», «под змею», «под пони»), гл. IV (103);
- черная, гл. IV (95, 98, 99, 104), V (119), VI (134, 144, 145, 148, 149), VII (170, 172, 177, 180);
- также см. Блестящие поверхности, Сапоги, «Человек в коже», The Leatherman's Handbook

Кожаная нательная сбруя, гл. VI (146)

Кожный покров:

- и телесная модификация, гл. VI (150–151);
- как эrogenная зона, гл. VII (182);
- «фантазия об общем кожном покрове», гл. VII (176)

Колготки, гл. V (127);

- как объект фетишизации в детском возрасте, гл. I (22)

Колодни, Роберт, гл. V (114)

Комбинезон:

- для плавания, гл. VI (144);
- из резины/латекса, гл. VII (179, 182);
- кэтсют, гл. II (36), VII (153)

Корбен, Ален, гл. II (48, 49)

Корсетный пояс, введение (8), гл. III (80)

Корсетный пояс, гл. II (43), III (81), V (107, 130–132), VI (139);

мужской, гл. III (69, 76)

Корсеты:

диапазон размеров, гл. III (59–60, 62, 63, 65, 66, 74, 76, 77);

изготовление на заказ (для фетишистов), гл. III (78);

и современная мода (в качестве верхней одежды), гл. III (56, 73, 82);

как фаллический символ (фаллический суррогат), гл. I (19);

как часть образа доминантрикс, см. Доминантрикс;

как часть образа Fetish Drag, гл. VII (177);

утрирование женских форм, гл. I (26)

Корсет для мужчин, гл. III (57–58, 62, 65, 69–72);

в гардеробе денди, гл. III (69);

в карикатуре, гл. III (69);

в контексте викторианской моды, гл. III (57);

в музейных собраниях, гл. III (73);

дополнение к военной униформе, гл. III (71, 72);

предубежденное отношение, гл. III (70);

реклама, гл. II (53), III (59–60, 72)

Костыли, в роли фетиш-объекта, гл. VI (136)

Коуи, Элизабет, гл. VII (157)

Кража фетиш-объектов, введение (12), гл. II (49), V (110, 118), VI (138)

Красный цвет, символическое значение, гл. IV (94), VII (181)

Крафт-Эбинг, Рихард, введение (10), гл. I (14, 17), II (30, 48–50), III (62), IV (93, 99), V (114), VI (135, 136, 138)

Кристин, Лили («Кошечка» Лили, Cat Girl), гл. V (110–111, 132)

Кролл, Эрик, гл. V (116)

«Кто вы, Полли Мару?», кинофильм, гл. IV (83)

Культь Оборок, гл. V (108)

Кундле, Дэвид, гл. I (30, 31), III (56, 67)

Кутче, Линн, гл. III (57)

Кэмпбелл, Наоми, гл. VI (106, 134, 151)

Кэти Джей, гл. III (77–78)

Кэтсют, см. Комбинезон

Л

Лагерфельд, Карл, гл. III (82), VI (149)

Лакан, Жак, гл. I (20), II (50)

Лакруа, Кристиан, гл. III (82)

Латекс, как:

материал для изготовления нижнего белья, V (113);

материал, «размывший границу между фетишем и модой», гл. VI (143);

объект фетишизации, гл. VI (142, 143);

характерный элемент фетиш-стиля, гл. III (79), V (133);

часть садомазохистского сценария, гл. VI (142);
«эмблема [безопасного] киберсекса», гл. VII (182)
«Левайсы» (джинсы Levi's), как объект фетишизации, гл. II (46), VII (166)
Лесбийские и квазилесбийские фантазии, гл. II (48), VII (164)
«Лесбийский шик», гл. VII (174)
Лесбиянки:
отношение к моде, 7 (170);
«сапатао» и «сапатилья», гл. IV (95–96);
«leather дук» и «lipstick lesbian», гл. VI (148)
Лорен, женщина из числа современных приверженцев корсета, гл. III (79–80)
Лукач, Дьёрдь, гл. II (51)
Лавер, Джеймс, гл. II (46, 55)

М

Магнусон, Энн, гл. IV (89, 102–103, 105)
Мадам Сади (Madame Sadi), гл. VII (159)
Мадонна, гл. II (37), V (130)
Мазохизм, см. Садомазохизм
Майзел, Стивен, гл. V (123)
Макдауэлл, Колин, гл. II (43), VI (149)
Макдугалл, Джойс, гл. I (31, 33)
Макинен, Мерья, гл. II (45, 51)
Макинтош:
и фетишизм, гл. II (45), VI (140–142);
как элемент стиля панк, гл. II (38)
Маклинток, Энни, введение (10)
Макларен, Малькольм, гл. II (38)
Малларме, Стефан, гл. VI (138)
Мани, Джон, гл. VII (174)
Марки, Дебора, гл. V (133)
Марки, Марк, гл. V (123)
Маркиз де Сад, введение (10)
Маркс, Карл, введение (9), гл. II (51)
Маркузе, Герберт, гл. VII (184)
Маркус, Стивен, гл. II (47)
Мартин, Ричард, гл. III (81), V (121)
Маска:
как типичный фетишистский атрибут, гл. II (36, 38), IV (102), VII (179);
как часть садомазохистского сценария (маска доминантрикс, «маска палача»), гл. VII (160, 161);
кожаная, гл. VI (144);
противогазная, гл. VI (141, 163)
Мастерс, Уильям, гл. V (114)
Мастурбация, гл. I (30), II (39), V (110, 127);
перед зеркалом, гл. III (63), VI (136), VII (153);
примеры из медицинской литературы, гл. IV (99–100), V (110), VI (139);
«hand job», гл. V (127)
Мауэр, Сара, гл. II (43), VII (171–172)
Медсестра, как сексуальный объект, гл. VII (169–170), также см. Фантазийные костюмы

Мейлер, Норман, гл. VII (180)
Мейплс, Марла, введение (12)
Мейсон, Майкл, гл. II (47)
Менкес, Сьюзи, гл. VII (181)
Мех:
ассоциация с лобковыми волосами и материнским пенисом, гл. I (18, 20), VI (136);
и фетишизм, гл. IV (97), VI (134, 135);
как пример «мягкого» фетиша, гл. I (29–30);
нижнее белье из меха, гл. V (113)
Митчелл, Тони, гл. VII (177)
«Миф о 16 дюймах», гл. III (60), также см. О'Хара
Мода:
влияние молодежной субкультуры, гл. II (37);
и фетишизм, введение (8–9, 13), гл. II (35, 37, 39, 43, 54–55), VI (157), VII (176);
театральная составляющая, гл. VII (183);
фетишистские мотивы, гл. II (35), VII (156, 178);
эротические аспекты, гл. II (47), VII (183)
Моделирующее белье:
бюстгалтеры и бюстье, гл. V (129, 131);
корсеты и корсетные пояса, гл. III (56, 69), V (129–132);
прорезиненные панталоны, гл. II (53);
стринги, гл. V (122);
также см. Нью-лук, Panty Raid
Модная фотография, гл. II (42), IV (106), VII (174)
Монро, Мэрилин, гл. IV (101), V (110)
Монтана, Клод, гл. II (35, 39), VII (166)
Моряк, образ как гей-икона, гл. VII (167)
Мотоцикл:
банды на мотоциклах, гл. VI (145, 148);
бюстье в форме мотоцикла, гл. VII (166);
и фетишистский культ кожи, гл. VI (145), VII (166);
как символ мужской силы и агрессивной сексуальности, гл. VII (164);
также см. Байкер
Мужская агрессия и стремление к господству, гл. I (26)
«Мужской взгляд», феминистская идиома, гл. II (42)
Мусафар, Факир, гл. III (59–61, 76–77, 79)
Мэппилторп, Роберт, гл. VI (150)
Мэтлок, Джени, гл. VI (139)
Мюллер, Тьерри, введение (9), гл. II (39), III (81–82), V (133), VII (166)

Н

Нагота:
ассоциации с бессилием и унижением, гл. VII (161), также см. Panty Raid;
как фактор, уменьшающий сексуальную привлекательность, V (112)
Наколка (головной убор горничной), гл. VII (163)
«Нана» (Золя), гл. VI (138)
Натори, Джоэи, гл. V (131, 132)
Негативный фетишизм, гл. I (30)

Неосексуальность, гл. I (33), II (52)

Нижнее белье:

- андрогинное, гл. V (123);
- в роли верхней одежды, гл. III (82), V (108, 131);
- в фетишистских фантазиях, гл. III (64), IV (97, 99), V (110, 113);
- в эротических фантазиях, гл. I (17);
- «одежда для интимных частей тела», гл. V (133);
- и порнография, гл. I (11), V (116), VII (155);
- исторические сведения и эволюция восприятия, гл. V (108, 113);
- и фетишизм, введение (11, 13), гл. I (20, 27), IV (97), V (110, 113);
- как пример «мягкого» фетиша, гл. I (29–30);
- как сексуальный стимул, гл. I (14), V (113, 115, 116);
- мужское, гл. V (107, 114, 117, 121–124);
- символизм цветов и материалов, гл. V (113);
- также см. Бюстгальтер, Кража фетиш-объектов, Корсет, Панталоны, Трусы

Нижняя юбка:

- как символ женоподобия и трансвестизма, гл. III (70–71);
- как фетиш-объект, гл. V (110)

Ногти:

- как часть фут-фетишистского ритуала, гл. IV (84, 98);
- символическое значение, гл. IV (94), V (119)
- «Ножка Фаншетты» (Le Pied de Fanchette), Ретиф де ла Бретонн, гл. IV (89)
- «Нормальная» склонность к фетишизации, гл. I (17)
- Нормент, Камилла, гл. IV (83)
- Нормопаты, гл. I (33)
- Ночная рубашка, женская, гл. V (132)
- Нью-лук, гл. III (53)
- Ньютон, Хельмут, гл. II (39–40, 43), IV (94)

О

Обувной фетишизм, гл. I (22), II (45), IV (84, 89, 99, 101), VI (145);

- в XVIII веке (роман «Ножка Фаншетты»), гл. IV (89);
- отличие от свойственной женщинам «здоровой страсти к обуви», гл. IV (101);
- производство обувных фетишей, гл. II (50);
- также см. Высокий каблук, Кража фетиш-объектов, Сапоги

Обувь:

- аналогия с корсетом, гл. IV (91);
- атрибут эротического ритуала, гл. IV (89);
- в контексте гендерных стереотипов, гл. IV (92);
- как пример «жесткого» фетиша, гл. I (29–30);
- как суррогат влагалища или пениса, гл. 7 (159);
- как суррогат женского фаллоса, гл. I (20);
- «оружие и рана», гл. IV (92);

символическое значение размера, гл. IV (91);

фетиш Викторианской эпохи, гл. IV (88);

также см. Высокий каблук, Обувной фетишизм, Сапоги

Обувь на платформе, гл. II (38, 52), IV (89, 90, 92, 105, 106), VII (161)

Обувь на шпильке:

- как сексуальное клише, гл. II (38);
- как часть стиля нью-лук, гл. II (53);
- как элемент провокационного стиля, гл. II (38)

Одноногие, как объект помешательства, гл. IV (94)

Орально-генитальный секс, гл. I (32), VII (158)

Ортопедическая обувь, гл. IV (94)

Осиная талия, гл. III (64, 74, 76), также см. Корсеты «Осиная талия», модель корректирующего белья, гл. II (53)

Открытая обувь, как символ сексуальной доступности, гл. IV (102)

«Отрицание смерти», Беккер, гл. IV (97–98)

О'Хара, Скарлетт, гл. III (59)

П

Панк:

- влияние на моду, гл. II (37), VI (148);
- «ироничное бондажирование», гл. V (132);
- предметы нижнего белья в качестве верхней одежды, гл. III (82), V (108, 131);
- «рвотный стиль», гл. II (37)

Панталоны, женские:

- в гардеробе куртизанок, гл. V (111);
- фланелевые, гл. V (116)

Парафилия, гл. I (26–27, 29–30), VII (174–175)

Париж, как арена фетишистских фантазий приверженцев тугого шнурования, гл. III (64–66, 75)

Патологические проявления эротического фетишизма, гл. I (14, 17)

ПВХ (поливинилхлорид), как фетиш-материал, введение (8), гл. II (43), V (122), VI (134, 142–143)

Пейдж, Бетти, гл. IV (102), VII (164)

«Пенисный корсет», гл. III (73)

Перверты, гл. II (54)

Переодевание [в одежду, традиционную для противоположного пола]:

- в эротических фантазиях, гл. III (69);
- ношение женского белья, гл. V (112–114);
- ношение корсета, гл. III (57, 59, 60, 62), IV (91), V (130);
- ношение обуви на высоком каблуке, гл. III (62), IV (91);
- обучение (школы cross-dressing'a), гл. III (67);
- также см. Письма фетишистов, Тансвестизм, Fetish Drag

Перл, корсетье, введение (7), гл. III (59–60, 77, 80)

Перро, Филипп, гл. IV (88)

Перчатки:

- в сочетании/в сравнении с чулками, гл. V (127);

- как символический намек на женские гениталии, гл. V (127);
как фаллический символ, гл. VII (159);
как фетиш-объект или часть фетиш-кожума, гл. I (29), IV (94), V (127), VI (139), VII (153);
как фетиш ограничения, гл. IV (94), V (127);
кожаные, гл. VI (139, 141);
резиновые, гл. VI (139, 141);
сравнение с обувью, гл. V (127);
сравнение с презервативом, гл. V (128)
- Пил, Эмма, гл. II (36, 51), IV (102)
- Пирсинг:
боди-пирсинг как один из наиболее популярных фетишей, гл. II (52);
как популярный способ телесной модификации, гл. VI (150–152);
как социокультурный манифест, гл. VI (153);
как элемент стиля панк, гл. II (37), VI (153);
упоминание в письмах фетишистов, гл. II (52), VI (152)
- Письма фетишистов в тематические журналы, гл. II (36, 54); III (58, 59, 61, 64–71), IV (90, 91, 93, 96), V (113), VI (137, 140–142, 150), VII (162)
- Пламмер, Кен, гл. VII (177)
- Плащ:
кожаный, гл. II (39);
прорезиненный (плащ-дождевик), см. Макинтош
- Плеть (кнут):
как атрибут доминантрикс, гл. VII (159);
как «наказующий пенис», гл. VII (160);
как порнографический стереотип, гл. VII (154–155);
как символ фетишизма и садомазохизма, гл. II (38)
- «Плохие девчонки», гл. II (44)
- Подвязки, гл. V (125)
- Подобие набедренной повязки, гл. V (122)
- Полер, гл. III (75)
- Полли, Марсия, гл. VII (170)
- Полимус, Тед, гл. II (54)
- «Порабощенные резиной», комическое стрип-шоу, гл. V (126–127)
- Порка, см. Телесные наказания
- Порнография:
бондажная порнография Ирвина Клоу и современная мода, гл. VII (174);
в конце XIX века, мотив «дисциплины и наказания», гл. III (61);
враждебность по отношению к женщине, гл. V (118);
гомоэротические сюжеты и обувной фетишизм, гл. IV (84, 89, 99, 101);
женщина в образе наездницы или «лошадки», гл. II (39);
и панк-эстетика, гл. II (38);
и фетишизм, историко-культурная аналогия, гл. I (23), II (51);
каблук как оружие, гл. IV (92);
как источник информации о фетишизме, введение (11);
как объект фетишизации, введение (10);
как проявление сексизма, гл. II (42);
литература и кинопродукция, обзор заглавий, гл. I (12, 16), II (39, 40, 53), III (66, 74), IV (92, 95), V (112, 129), VII (159);
расхожие визуальные образы, гл. III (78);
расхожие садомазохистские сюжеты, гл. VII (169);
с точки зрения феминисток, гл. VII (174);
условный визуальный язык [порнографической фотографии], гл. II (43), VII (154);
также см. Panty Raid
- «Порнография и перверсия», Столлер, гл. V (117)
- Потребительский фетишизм, гл. II (50–51);
также см. Товарный фетишизм
- Пояс верности, гл. V (113), VI (146)
- Пояс для чулок, гл. V (117, 125)
- Пояса/ремни из кожи, гл. VI (146)
- Практика ношения корсета:
как часть садомазохистского сценария, гл. III (59);
три типа современных приверженцев корсета, гл. III (60);
фетишистская приверженность и тематическая переписка, гл. III (59, 68), IV (96 [дочь генерала]);
также см. Корсет, Письма фетишистов, Тайт-лейсинг
- Презерватив:
в контексте фетишистского поклонения резине, гл. VI (143–144);
сравнение с перчаткой, гл. V (128)
- Престон, Джон, гл. VI (148)
- Преступления на сексуальной почве, гл. I (32)
- «Приверженцы» (эвфемизм, заменяющий слово «фетишисты»), введение (8, 9, 11)
- Принцип реальности, гл. VII (153)
- Принцип удовольствия, гл. VII (153)
- Природа человеческой сексуальности, гл. I (24), VII (182)
- Прорезиненные/пластиковые трусы/штанишки, гл. VI (139, 140, 143)
- Проституция:
воплощение фетишистских фантазий, гл. IV (92, 93, 94), V (127), VI (146), VII (153);
высокие сапоги (ботфорты) как профессиональный знак отличия, гл. II (36);
высокий каблук как атрибут профессии, гл. IV (106);
отношение к нижнему белью, гл. V (112);
отношение к оральному сексу в XIX веке, гл. II (48)

Протез, в роли фетиш-объекта, гл. I (22)
Противогазная маска, как часть резинового костюма-фетиша, гл. VI (141), VII (163)
Пруссия, и культ военной униформы, гл. III (71), VII (168)
Пряжка на поясе: символическое значение, гл. VII (181)
Пуаре, Поль, гл. III (73)
Пфайфер, Мишель, гл. VII (154)

Р

«Раб — господин/госпожа», гл. III (61), IV (93, 95), VII (153, 156, 160–163);
также см. Доминантрикс, Порнография, Садомазохизм
«Разомлевшие в трусиках», колонка в тематическом журнале, гл. V (112)
Расстройства пищевого поведения, гл. II (45)
«Ребенка бьют», Фрейд, гл. VII (160)
Резина:
«защитный» фетиш-костюм [времен Второй мировой войны], гл. VI (141);
и высокотехнологичный дизайн, гл. VI (143);
изготовление фетиш-одежды [по индивидуальному заказу], гл. II (52), VI (147);
и образ доминантрикс, гл. VI (149), VII (154, 164);
и образ Женщины-кошки, VII (154, 179);
и образ фаллической женщины, гл. VII (171);
интеграция в моду, введение (8), гл. II (38), VI (133, 143);
как имитация кожного покрова, гл. VII (178);
как пример «жесткого» фетиша, гл. I (29–30);
как символ женственной мягкости и уничтожения, гл. VI (139, 143), VII (164);
как фетиш-материал, введение (8, 11), гл. II (35), V (114), VI (134, 139–144, 149);
комбинезоны и «скафандры», введение (7), VII (144);
корсет, гл. III (56), VII (159);
«пенисный корсет», гл. III (73);
перчатки, гл. VI (139);
платье, гл. III (81), VI (134);
плащ, гл. VI (139–142);
поклонение резине как проявление инфантилизма и мазохизма, гл. VI (142);
«Порабощенные резиной», гл. V (126–127);
появление синтетических заменителей, гл. VI (139);
«пыточный костюм», гл. VI (142);
«резина — это власть и секс», гл. VI (134);
тактильные переживания, гл. VI (145);
утилитарные функции, гл. VI (139);
чулки, гл. II (38);
также см. «Вторая кожа», Макинтош, Садомазохизм
Ретиф де ла Бретонн, гл. IV (89)
Ричмонд, Джон, введение (9)
Ропс, Фелисьен, гл. V (127)

Росси, Уильям, гл. IV (86)

С

Садомазохизм:

и гомосексуализм, гл. VI (148, 151);
и мода, гл. II (35);
и порнография, гл. I (16), VII (168);
и преступления, гл. I (30);
и проституция, гл. IV (102);
и стиль панк, гл. V (132);
и тайт-лейсинг, гл. III (74);
и фетишизм, гл. I (16, 17), III (57), VI (145, 151), VII (161, 184);
кожаный антураж, гл. I (16);
«пациент — медсестра», гл. VII (169–170);
«раб — господин/госпожа», гл. VII (156, 160–163);
«сапог повелителя», гл. IV (95)
Сайенз, Майк, гл. VII (182–183)
Самбия, туземное племя (Новая Гвинея), гл. I (24), V (128)
Сапоги, введение (8, 11, 13), гл. I (19, 22, 28, 29);
в качестве фаллического суррогата, гл. I (19);
в контексте садомазохистских сценариев, гл. VII (168);
высокие сапоги/ботфорты/сапоги-чулки/kinky boots, гл. II (36), VII (153);
для верховой езды/жокейские, гл. II (40), IV (96);
«инженерные», гл. IV (95), VI (146);
как часть костюма доминантрикс, гл. IV (102), VII (159, 160);
ковбойские, гл. IV (95), VII (170);
мотоциклетные, гл. VI (146), VII (165);
роль в лесбийских отношениях, гл. IV (95–96);
также см. Армейские ботинки/сапоги, Бондажные гладиаторские ботинки, Ботинки/сапоги с корсетной шнуровкой, Высокие каблуки, Обувной и фут-фетишизм
Сатклифф, Джон, гл. II (36)
«Сексизм»: проявления в моде, гл. II (43), V (130), VII (156, 177)
Сексуальная привлекательность [женщины], гл. I (26), III (75), IV (104), V (129)
«Сексуальная привлекательность товара», гл. II (50)
Сексуальная тождественность, гл. I (24)
Сексуальное насилие, см. Преступления на сексуальной почве
«Сексуальный шик», гл. VII (184)
Селлерс, Теренс, гл. V (126)
Сен-Лоран, Ив, гл. IV (105), VI (148)
Сильверман, Кайа, гл. VII (173, 182)
Символизм:
материала, гл. V (113), VI (149);
сексуальный, гл. IV (85);
фаллический, гл. I (19), II (44), III (71);
цвета, гл. V (113), VII (179)
Синие джинсы, гл. V (122);

также см. Levi's, продукция фирмы как фетиш-объект

Склонность к фетишизации, как «нормальное» явление, гл. I (17)

Скопофилия, см. Вуайеризм

Слизни/улитки, как фетиш-объект или атрибут эротических фантазий, гл. I (30), IV (93)

«Современный представитель примитивной цивилизации» (Modern Primitive), гл. III (76)

Сорочка женская/комбинация, гл. V (132)

Социобиология, гл. I (25, 27)

СПИД, и фетиш-мода, гл. VII (182–184)

Стейд, Джордж, гл. I (33–34)

«Стилевые популяции», гл. II (54)

Стилизованные образы, интеграция в моду, введение (4);
частично интегрированные в моду:
горничная, гл. VII (162);
доминантрикс, гл. II (36, 39), IV (102), VII (153–154);
мотоциклист(ка), гл. VII (166);
наездница, гл. II (39)

Столлер, Роберт, гл. I (15, 17, 21–22), II (42, 45), V (111, 117–118, 120), VI (144), VII (158)

Стори, Хелен, гл. II (43)

Страх кастрации, гл. I (19, 21, 22), VII (158);
также см. Фаллическая женщина

Стринги, гл. V (122–123)

Стриптиз, гл. V (110, 123, 133)

Суи, Анна, введение (9)

Супружеские отношения фетишистов, гл. I (12), II (41), III (84), IV (100)

Сью, Сьюзи, гл. II (38)

Т

Табуированные объекты/части тела, гл. V (115, 124, 129, 131, 133)

Тайтлейсеры (приверженцы тугих корсетов), гл. III (74)

Тайт-лейсинг, гл. III (74);
сравнение с балетом, гл. III (80);
также см. Корсеты, Ношение корсета

Такер, Скотт, гл. VII (176)

Талия:
размер, достижимый при помощи корсета, см. Корсеты;
тончайшая в мире, см. Грэйнджер

Тараканы, как фетиш-объект, гл. I (30)

Тарлингтон, Кристи, гл. VI (151)

Татуировка, введение (8, 13), гл. VI (144, 150–152)

Таунсенд, Ларри, гл. VI (146–147, 164–165, 168)

Творческие способности и извращенность (взаимосвязь), гл. IV (99)

Телесная модификация, гл. I (24), III (59), VI (150, 151);

приемы телесной модификации:
боди-пирсинг, гл. II (52, 53), VI (151);
клеяние, гл. VI (152);
микроампутация, гл. VI (152);
практика тугого шнурования, гл. III (56–60);
телесная модификация на примере четы Грейнджер, гл. III (75–76, 79);
на примере Факира Мусафара, гл. III (60)

Телесные наказания, в эротических фантазиях:
гл. V (116), VII (160);
также см. Плеть

Товарный фетишизм, введение (9);
также см. Потребительский фетишизм

Томас, Шанталь, гл. III (82)

Том-из-Финляндии (Tom of Finland), гл. VII (168)

Трансвестизм:
в порнографии, гл. I (16);
и гетеросексуальность, гл. III (79, 80);
и отношения «раб — госпожа», гл. VII (159);
и сексуальные извращения, гл. I (17);
и тайт-лейсинг, гл. III (74);
и фетишизм, гл. I (12), VII (189);
ниспровержение гендерных ролей, гл. VII (188–189);
подчеркнутая или утрированная женственность образа, гл. V (111), VII (171);
психологическая подоплека, гл. V (111);
редкое явление среди женщин, гл. II (45);
также см. Переодевание

Трансвеститы и трависты:
гардеробные предпочтения, гл. IV (90, 91), V (125, 127), VII (177);
образ «грудастой горничной», гл. VII (162);
также см. Fetish Drag

Траско, Мери, гл. IV (91)

«Трехдоймовый золотой лотос», роман, гл. IV (86)

Трусы:
в качестве фетиш-объектов, гл. V (114–116);
из искусственного меха, V (133);
из резины, гл. VI (139, 142), VII (169);
модели в ностальгическом стиле, гл. V (113);
модели с разрезом вдоль промежности, гл. V (113);
мужские, гл. V (114, 117, 122);
природа сексуальной привлекательности, гл. V (107, 109);
продажа через автоматы, гл. V (114);
«трусы-конфетки», V (114);
также см. Бикини, Кража фетиш-объектов, Стринги, No-pan kisa, Panty Raid

У

Удушение/самоудушение, в фетишистских фантазиях, гл. V (127)

Узанн, Октав, гл. V (108)

Уилсон, Гленн, гл. I (26)

Уилсон, Колин, гл. I (24)

Уилсон, Элизабет, гл. VII (156, 170)

Уильямс, Линда, введение (10)

Уильямсон, Джудит, гл. II (51)
 Уличный стиль, гл. II (54);
 интеграция в моду, гл. V (124, 133), VI (148–149), VII (156);
 также см. Панк
 Униформа:
 военная, гл. III (72), VII (167);
 в порнографической продукции и переписке фетишистов, гл. V (124), VI (145), VII (165, 168);
 интеграция в моду, введение (8), гл. VII (169);
 и фетишизм, введение (11), гл. I (16, 29), III (67, 71), V (124), VII (167);
 как часть садомазохистского сценария, гл. VII (161–163, 168, 170, 176);
 горничной (прислуги), гл. II (48), VII (163, 168);
 медсестры, гл. I (26), VII (153, 169);
 полицейская, гл. VI (146), VII (167);
 устойчивые ассоциации с властью, гл. VII (161–162, 164–165, 167, 169);
 школьная, гл. I (26), гл. II (48), V (114)
 Унгаро, Эммануэль, гл. III (82)
 Утягивание/перевязывание стоп:
 зарождение и история традиции, гл. IV (84);
 как культурный квазифетишизм, гл. IV (84);
 описание в литературе, гл. IV (85);
 также см. «Золотой лотос»

Ф

Фаллическая женщина, гл. I (19, 20), IV (96), VII (158, 164, 166, 171–172)
 Фаллический символизм, см. Символизм
 Фаллос и penis, нетождественность понятий, гл. I (20)
 Фалуды, Сьюзен, гл. III (57–58, 67), VII (156, 172)
 Фантазийные костюмы:
 амазонка, гл. VII (153, 181);
 байкер/мотоциклист, гл. VII (153, 166, 171);
 военный, гл. VII (167);
 горничная, гл. II (48), VI (163, 168), VII (153);
 доминантрикс, гл. VII (153–155, 159);
 медсестра, гл. I (26), VII (153, 169);
 монахиня, гл. II (48);
 моряк, гл. VII (167);
 невеста, гл. II (48), VII (162);
 одалиска/наложница, гл. VII (153, 164);
 полицейский, гл. VII (153, 167);
 танцовщица, гл. II (48), VII (111);
 школьница, гл. I (26), II (48), VII (114)
 Фартук:
 в качестве фетиш-объекта, гл. I (29);
 в моде и в фантазиях, гл. VII (163);
 кожаный, гл. VI (144), VII (163);
 резиновый, гл. VI (144);
 фартук мясника, гл. VII (163);
 часть униформы горничной, гл. VII (162–164, 169)
 Фат, Жак, гл. III (81)

Фелляция, см. Орально-генитальный секс, Самбия
 Феминистская идеология:
 критика в адрес моды, гл. II (36), VII (155–156, 171, 173);
 критика дисциплинарных режимов, гл. III (56);
 обоснование природы человеческой сексуальности, гл. VII (156);
 отношение к порнографии, гл. VII (174);
 отношение к фетишизму, гл. II (42, 45)
 Феминистки:
 и «плохие девчонки», гл. II (44);
 отношению к идеологии секс-радикалов, гл. VII (177–178);
 открытой демонстрации нижнего белья, гл. V (124);
 «проблеме» женской груди, гл. V (129);
 проявлению «мужского шовинизма» в дизайне женской одежды, гл. VII (171);
 фетишизму, гл. II (42, 44, 51)
 Феррагамо, Сальваторе, гл. IV (103)
 Фетиш:
 антропологический термин, введение (9), гл. II (50);
 в религиозном контексте, введение (9);
 «история, замаскированная под объект», гл. VII (158);
 как суррогат [материнского] пениса, гл. I (18–19, 21)
 Фетиш-объекты:
 «жесткие» (hard) и «мягкие» (soft), гл. I (29–30);
 дотошное внимание к деталям, введение (11); VI (146);
 пахнущие (smellies) и вызывающие тактильные ощущения (touchies), гл. V (116)
 Фетиш физического ограничения и уничтожения, гл. I (21, 22), III (64), V (119), VI (143)
 «Фетиш числа и размера», гл. III (60)
 Фетишизм:
 в детском возрасте, гл. I (18), II (46);
 в контексте антропологического дискурса, введение (9), II (50);
 в современном искусстве, введение (10);
 в широком контексте культурного дискурса, введение (10);
 и «сексизм», гл. II (43);
 история и эволюция, гл. I (24);
 как психическое расстройство и сексуальное извращение, гл. I (17);
 определение понятия, гл. I (14);
 «патологические» и «преступные» аспекты, гл. I (14, 17, 30), II (49, 50);
 пейоративные (уничжительные) коннотации, введение (9);
 социобиологическая трактовка, гл. I (27);
 четыре уровня интенсивности, гл. I (14–15);
 также см. Женщины-фетишистки, Кожа, Корсет, Кража фетиш-объектов,

Ношение корсета, Обувной фетишизм, Резина, Садомазохизм, Трусы, Фут-фетишизм

- Фицджеральд, Френсис Скотт, гл. IV (98)
Фланель, фетишизация на почве тактильных ощущений, гл. V (116)
Французенка (горничная, классная дама, наставница), как частый персонаж фетишистских фантазий, гл. III (64–65, 82), VII (162)
Фрейд, Зигмунд, гл. I (18, 20–22, 29, 32), II (44, 50), IV (87, 97, 106), V (128), VI (136), VII (160, 175, 183–184);
 последователи, гл. II (50)
Фрейдистская теория, гл. I (20–22, 29), IV (106)
Фридан, Бетти, гл. V (133)
Фуко, Мишель, гл. I (23), II (47), III (56), VII (183)
Фуражка, кожаная, гл. VII (165)
Фут-фетишизм, введение (12), гл. I (29), II (45), IV (84, 87, 89, 101);
 Клуб Лотос, гл. IV (87);
 также см. Нога, Обувной фетишизм, Утягивание стоп
Фуфайка (мужская исподняя рубашка), гл. V (121)

Х

- Хансон, Диана, гл. IV (101)
Хатчисон, Тревис, гл. III (77)
Хейворт, Рита, гл. V (128)
Хиршфельд, Магнус, гл. V (111, 116), VI (136), VII (167)
Хлыст, см. Плеть
Хогг, Пэм, гл. II (54)
Холландер, Энн, гл. IV (90)
Хопкинс, Джульет, гл. II (45)
Хошвендер, Вуди, гл. V (133)
«Хрустальная туфелька», скульптура, гл. IV (83)
Хэмнет, Кэтрин, гл. VII (172)

Ч

- Чапарайос, гл. VI (146), VII (165–166)
Части тела:
 взаимоотношения с модой, гл. VII (175);
 как объект фетишизации, гл. I (15);
 фетиш-эквиваленты различных частей тела, гл. V (119)
Частная школа мисс Веры, гл. III (67)
«Человек в коже», субкультура, гл. VI (146)
Чепец горничной, медсестры, гл. VII (162, 163, 169); также см. Наколка
Черная кожа, введение (7), гл. IV (95, 98–99, 104), V (119), VI (134, 144–145, 148–149), VII (170, 172, 177, 180–181, 183–184)
Черная кожаная куртка, гл. III (82), VI (145, 149), VII (170, 177, 180)
«Черное на белом» (модель восприятия), гл. IV (104)
Черный:
 как наиболее излюбленный и распространенный цвет обуви, гл. IV (93, 95, 98, 100, 104);

чулок, гл. I (26), II (40), V (117, 126–127, 133);
как цвет, подчеркивающий эротизм одежды, гл. II (48);
символическое значение, гл. V (126), VII (179, 181)

- Черный бархат, гл. VI (136)
Чопины (венецианские туфли на платформе), гл. IV (89)
Чулки:
 белые, гл. V (126);
 в сраточку, гл. II (38), V (117);
 в сочетании с колготками, гл. V (125);
 как объект фетишизации, гл. I (26, 29), IV (94), V (124);
 как предмет эротических фантазий, гл. I (17), V (126);
 как стимул сексуального возбуждения, гл. V (126);
 как физическое ограничение для тела, гл. V (119, 131);
 красные, гл. IV (94); резиновые, гл. II (37);
 с рисунком «под леопарда», гл. III (82);
 черные, гл. I (26), II (40), IV (104), V (117, 126–127, 133)
Чулочный фетишизм, гл. V (126)

Ш

- Шанель, Коко, гл. VII (180)
Шассге-Смиртель, Жанин, гл. I (22), VII (182)
Шелк, введение (11), гл. I (29), V (109, 112, 116–119, 126), VI (138–139, 142, 149), VII (155);
 в названиях фетишистских изданий и журналов для мужчин, гл. V (124–125)
Шор, Наоми, гл. II (44)
Шпилька (каблук):
 как символ сексуальной власти, гл. IV (94, 97), VII (155);
 также см. Высокий каблук, Обувь на шпильке
Штекель, Вильгельм, гл. III (62–63), V (114)

Э

- «Экзотика» как ключевое слово, указывающее на фетишистскую природу объекта, гл. IV (103)
Эксгибиционизм, гл. I (17, 30), II (46)
Эллис, Хавелок, гл. II (49, 52), IV (93)
Эпштейн, Артур, гл. I (28)
Эрик Притчард, гл. V (108–109)
Эротическая притягательность запретного, гл. VII (185)

Я

- Ягодицы, как объект фетишизации, гл. V (116)
Япония:
 новаторские тенденции в дизайне одежды, гл. VII (181);
 торговые автоматы для фетишистов, гл. V (115);
 традиционное отношение к наготы, гл. V (115);

трансвестизм и мультфильмы для взрослых,
гл. VII (162–163);
no-pan kisa («кафе потерянных трусиков»),
гл. V (115)

A

Advocate, гл. VII (174)
«Anatomy and Destiny», Kern («Анатомия и судьба», Керн), гл. IV (88)
Atomage, гл. II (36, 54)
Avengers, The («Мстители», телесериал), гл. II (36, 51)

B

Belle Epoch: женское белье, гл. V (113)
Bizarre, гл. IV (102)
Bizarre Life, гл. II (36)
Biz-zarre Club, гл. II (54), IV (94), VI (139, 141)
Black Leather... In Color, гл. VII (181)
«Booted Master» («Повелитель в сапогах», новелла), гл. IV (95)
«Boot Licker» («Целователь сапог»), гл. IV (95)
«Boot-Licking Slave» («Раб, лобзающий сапог»), гл. IV (95)
Bottier, лондонское ателье, гл. II (52)

C

Cache-sexe, гл. V (122), VII (163)
Caped Crusadist, гл. VII (156)
Cat Girl, см. Кристин, Лили
Chanel, модный дом, марка, гл. III (82), IV (90, 105), V (124), VI (134)

D

Diana Slip Company (фирма-производитель нижнего белья), гл. V (113)
Dior, модный дом, гл. V (133)
Dress Optional, Bennett-England («Одежда на выбор», Беннет-Ингленд), гл. V (122)

E

Economist (периодическое издание), гл. V (114)
EDM, см. Englishwoman's Domestic Magazine
Elle, журнал, гл. II (43)
Englishwoman's Domestic Magazine (EDM), гл. III (58–63, 66, 68, 70), IV (90, 96)

F

Family Doctor, журнал, гл. III (65, 70), VI (150)
Fantastic Women, Woodhouse («Фантастические женщины», Вудхаус), гл. VII (177)
Fashion and Eroticism, Steele («Мода и эротизм», Стил), введение (7, 9), гл. III (58)
Fashion and Fetishism, Kunzle («Мода и фетишизм», Кунцле), гл. I (30);
также см. Кунцле, Дэвид
Fashioning the Bourgeoisie, Perrot («Моделирование буржуазии», Перро), гл. IV (88)

Female Fetishism, Gamman and Makinen («Женский фетишизм», Гамман и Макинен), гл. II (45, 51)
Feminizing the Fetish («Феминизация фетиша»), введение (10)
Fendi, модный дом, гл. III (81)
Fetish Drag («Фетиш-травести»), гл. VII (177)
Fetishism as Cultural Discourse («Фетишизм как культурный дискурс»), введение (10)
Frederick's of Hollywood, фирма-производитель женской обуви и нижнего белья, гл. IV (102–103), V (113)

G

Ghost, модный дом, гл. V (133)
Godey's Lady's Book, гл. V (128)

H

Hard Corps, Grumley («Крепкие тела», Грумли), гл. VI (147)
«Hard Leather» («Грубая кожа»), новелла, гл. VI (147)
Harper's Bazaar, гл. V (132), VII (155)
High Heels, журнал, введение (12), гл. I (15), III (35, 36), IV (92, 93, 104)

L

Ladies' Home Journal, введение (12)
«La Maitresse» («Госпожа», кинофильм), гл. VI (149)
La Vie parisienne, гл. III (67), V (126)
«Leather dyke», устойчивое словосочетание, гл. VI (148)
Leatherfolk, гл. VII (176)
Leg Show («Шоу ног», журнал), гл. IV (93, 101)
Life, журнал, гл. V (129)
Lingerie Lounge, гл. V (107–108)
London Life, периодическое издание, гл. II (52, 54), III (56, 66, 73–75), IV (91, 93–94), V (113), VI (136, 140, 150)
London Life League, гл. III (56, 73)
Lotus Club, The («Клуб Лото»), гл. IV (87)

M

Macintosh Society, гл. VI (140)
Madame Kayne (Мадам Кейн), гл. II (53)
Medical Aspects of Human Sexuality, периодическое издание, гл. II (41)
Mirabella, журнал, гл. V (107)
Mistress Angel Stern, гл. III (60)
Modern Society, журнал, гл. III (62, 66, 70, 71)
Montgomery Ward, универсальный магазин, гл. II (37)
Mudd, клуб, гл. II (44)

N

National Geographic, гл. III (76)
New York Times, гл. II (50), III (56, 77), IV (90), VI (151), VII (154)
No-pan kisa («кафе потерянных трусиков»), гл. V (115)

О

Observing the Erotic Imagination, Stoller («Изучая эротические фантазии», Столлер), гл. I (17)

O: Fashion, Fetish, Fantasies, журнал, гл. VII (179)

Р

Panty Raid («Вторжение в трусики», рассказ), гл. IV (94), V (117)

Passion erotique des etoffes chez la femme, Cleramault («Эротическая страсть к текстилю у женщин», Клерамбо), гл. VI (138)

Penthouse, периодическое издание, гл. V (122, 125)

Photo Bits, периодическое издание, гл. III (67, 73–75), IV (91, 92)

Playboy, гл. VII (157)

Pornography and Fantasy, Cowie («Порнография и фантазия», Коуи), гл. VII (157)

Power dressing («властный стиль», «властный деловой стиль»), гл. II (43), VII (171)

Primitives, Gatewood («Примитивы», Гейтвуд), гл. VI (151)

Psychopathia Sexualis, Krafft-Ebing («Психопатия на сексуальной почве», Крафт-Эбинг), гл. I (30), IV (99)

Р

Repartee, журнал, гл. V (112), VII (162)

Rolling Stone, гл. V (123)

S

Saks Fifth Avenue, универмаг, гл. III (82)

Scientia sexualis, гл. I (23), II (49)

Seductions of Crime, Katz («Соблазны преступления», Катц), гл. VII (181)

Self, журнал, введение (11)

Sex and the Liberated Man, Ellis («Секс в жизни раскрепощенного мужчины», Эллис), гл. II (41)

Sex Pistols, гл. II (37)

Sexology, журнал, гл. II (40)

Skin Two, бутик, гл. VI (141)

Skin Two, журнал, гл. 7 (178)

Skin Two, клуб, введение (8)

Society, журнал, гл. III (62, 66–68, 73), V (109), VI (150)

T

Tatler, периодическое издание, гл. III (75)

Terrorist Chic, гл. II (38)

The Correct Sadist («Учтивый садист», Селлерс), гл. V (126)

The Kinki Crowd, Brand («Экстравагантная толпа», Бранд), гл. VI (142)

«The Leatherman's Handbook», Townsend («Карманный справочник человека в коже», Таунсенд), гл. VI (146), VII (164–165)

The Fleshly School of Poetry, Buchanan («Плотская школа поэзии», Бьюкенен), гл. IV (88)

The Meaning and Content of Sexual Perversions, Boss («Значение и сущность сексуальных извращений», Босс), гл. IV (97)

The Other Victorians, Marcus («Другие викторианцы», Маркус), гл. II (47)

Torture Garden («Сад истязаний»), клуб, введение (7–8, 13), гл. III (67)

U

«Undercover News» («Новости с изнанки»), рассказ, гл. V (113, 128), VI (139)

V

Verbal Abuse, журнал, гл. III (60)

Vested Interests, Garber («Заинтересованные круги», Гарбер), гл. VII (177)

Vogue, гл. II (35, 39–40), III (56, 80), VI (134), VII (157, 172)

W

Wall Street Journal, гл. IV (103)

«Wet look», см. Глянцевый/«мокрый» блеск

«Whips and Kisses: Parting the Leather Curtain», Mistress Jacqueline («Кнуты и поцелуи, или Что скрывает кожаный занавес»), гл. VII (159)

Women's Wear Daily, гл. V (123)

Валери Стил
Фетиш: мода, секс и власть

Дизайнер обложки *С. Тихонов*

Редактор *Л. Алябьева*

Корректор *О. Семченко*

Верстка *И. Свиридова*

Налоговая льгота — общероссийский
классификатор продукции ОК-005-93, том 2;
953000 — книги, брошюры

ООО РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА «НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ»

Адрес:
129626, Москва
а/я 55
тел./факс: (495) 229-91-03
e-mail: real@nlo.magazine.ru
сайт: www.nlobooks.ru

Формат 70 × 100 ¹/₁₆. Бумага офсетная № 1
Офсетная печать. Печ. л. 14. Тираж 2000. Заказ № 8720.

Отпечатано с готовых файлов заказчика
в ОАО «Первая Образцовая типография»,
филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

БИБЛИОТЕКА ЖУРНАЛА "ТЕОРИ

85.126
С 80

125729.

Валери
Стил

ФЕТИШ
МОДА,
СЕКС
И ВЛАСТЬ

Фетишизм ассоциируется с пред о «безумном» сексе, замешанном на нездоровом влечении к тем или иным предметам одежды или отдельным частям тела. Книга известного историка моды и блистательного куратора модных выставок Валери Стил выстроена таким образом, чтобы сосредоточить внимание читателя на взаимоотношениях между фетишизмом и модой. В первой главе автор дает возможность прозвучать разноголосице мнений о фетишизме. Вторая глава — это попытка ответить на вопрос, почему мода приобрела так много общего с фетишизмом. В следующих четырех главах Стил рассматривает отдельные предметы одежды и материалы, которые чаще всего превращаются в фетиши: корсет, туфли, сапоги, нижнее белье, кожу. Последняя и самая важная глава посвящена взаимодействию между модой, фетишем и воображением, которое автор исследует на примере «ансамблей», сыгравших наиболее значимую роль в контексте фетишистской субкультуры и в мире моды.



Новое
Литературное
Обозрение

ISBN 978-5-444-80137-6



9 785444 801376